

Хроники Арции

Вера Камша

Несравненное право

«Автор»

2009

Камша В. В.

Несравненное право / В. В. Камша — «Автор»,
2009 — (Хроники Арции)

ISBN 5-04-008800-0

Темная Звезда, королева Таяны Герики, о приходе которой предупреждало древнее Пророчество, чуть было не ставшая проклятием Тарры, обретает свободу и власть над колдовской силой невероятной мощи. Теперь от того, что она выберет – Тьму или Свет зависит будущее этого мира. Вернуть ее под свою волю – вопрос жизни и смерти для адептов жестокого бога Ройгу, не останавливающегося перед тем, чтобы для достижения своей цели утопить Благодатные земли в крови междоусобной войны. Защитой Герики становятся герцог РенеАррой, его соратники и эльфы клана Лебеда, принявшие на себя ответственность за Тарру и за судьбы ныне на ней живущих. Но чтобы противостоять Ройгу, одних их сил недостаточно...

ISBN 5-04-008800-0

© Камша В. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Часть вторая	65
Глава 1	65
Глава 2	73
Глава 3	79
Глава 4	86
Глава 5	96
Глава 6	101
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Вера Камша

Несравненное право

Николаю Перумову

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.*

Николай Гумилев

*Если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не
так страшно.*

Александр Колчак

Часть первая

Песня лебедя

*Я знаю свое лицо,
Сегодня оно жестоко.*

Марина Цветаева

Глава 1

*2228 год от В. И. 21-й день месяца Волка
Пантана. Убежище*

1

Ветерок раскачивал верхние тонкие ветви, сквозь которые просвечивали высокие перистые облака. Все еще жаркое солнце давно уже растопило утренний иней и щедро изливало свет на вызолоченную осень Пантану. Даже самые осторожные из Светорожденных не сомневались, что луна успеет умереть и вступить в пору расцвета, прежде чем северные тучи затянут небо и зарядят изматывающие ледяные дожди. Тем, кто ушел в Последние горы, такая осень дарила надежду.

Эмзар Снежное Крыло второй час кряду стоял у доходящего до самого пола окна и смотрел на серебристые стволы с черными разводами и на укывшую землю буковую медь. Местоблюститель Лебединого трона чувствовал себя отвратительно. Слишком долго в Убежище не жили, а словно бы дремали – отгородившись от смертных, потеряв богов, позабыв не только о величии, но и о надежде. Эта осень души казалась вечной, но пришел конец и ей. Эльфы либо погибнут, пусть чуть позже остальных, либо встанут рядом со смертными, и будь что будет!

Сам Эмзар не колебался – нужно драться; но, не сомневаясь в том, что он прав в главном, местоблюститель отнюдь не был уверен в каждом из принятых им решений. Особенно заботил затеянный Преступившими поход, в который втравили и Рамиэрля.

Не прошло и недели с той ночи, когда племянник и его светловолосая спутница объявились в Убежище. Объявились, нарушив казавшийся незыблемым обычай – тайна превыше

всего, а потому никакой магии! Пришельцам надлежало ждать на границе топей, но эти двое перешли болота с помощью заклятья. С тех пор Эмзар почти не спал. Раньше ему казалось, что он хочет бури, но, взглянув в серые глаза той, кого называли Эстель Оскора, Эмзар понял, что боится и хочет, чтобы судьба направила стопы этой женщины – колдуньи? стихии? – в другую сторону.

Увы! Уже происшедшего не изменить, и Снежное Крыло спокойно приветствовал ту, кто должна была стать погибелью либо спасением Тарры, а ведь не скажи Рамиэрль, *кто* его спутница, владыка Лебедей увидел бы в ней просто смертную. Да, странную, удивительную в своей откровенности и равнодушии к себе – некогда и он встретил такую, – но не более того. Зная же, кто такая Герика, он невольно выискивал следы дикой, чужой силы, выискивал и не находил. Но откуда тогда это ощущение тяжести? Предчувствие? Тревога, порожденная излишним знанием? Или страх затворника, в чью келью ворвался ветер?

Тихий серебристый звон на грани слышимости отвлек местоблюстителя от раздумий – защитное заклятие предупреждало, что покой Лебединоного чертога нарушен. Звон этот Эмзар помнил с детства. Когда остатки клана Лебедей укрылись в непроходимых топях, бежав то ли от смертных, то ли от бывших родичей, а скорее всего, от самих себя, дворцовый этикет и дворцовые интриги утратили всякий смысл. Лебедей осталось так мало, что власть перестала быть властью. Жить по-прежнему стало нельзя, и потомки эльфийских государей перестали выставлять охрану, запирали двери и сплетали хитроумные заклятия, защищаясь от жаждущих воссесть на Лебединый трон родичей. Об осторожности Эмзар вспомнил после совета, на котором Эанке потребовала принесенное Рамиэрлем кольцо.

Теперь вход в покои местоблюстителя охраняли воины из Домов Ивы и Ириса, но это было лишь дополнением к пущенной в ход после тысячелетнего перерыва защитной магии. Разумеется, тайно.

Эмзар неторопливо отвернулся от окна и, скрестив руки на груди, стал ждать, когда Элзар из Дома Ивы отдернет струящийся занавес, отделявший Рассветную Приемную от Зала Огненных Настурций, и возвестит о приходе главы Дома Розы. Брат. Один из немногих, чье мнение для местоблюстителя Лебединоного трона что-то значило и с кем он чувствовал себя спокойно.

Братья по эльфийским меркам были совсем не схожи. Народ, у которого совершенство черт считается само собой разумеющимся, очень внимателен к мелочам. Это в глазах смертных Светорожденные разнятся лишь цветом волос и глаз да драгоценными одеяниями; сами же дети Звезд подмечают малейшие отличия. Мечтатель Астен со своими золотыми волосами и ярко-синими глазами и славящийся сдержанностью темноволосый голубоглазый Эмзар почтись несхожими, как вечер и утро.

Вошедший Астен легко коснулся плеча правителя и опустил в затканное листьями мать-и-мачехи серебристо-зеленое кресло. Эмзар остался стоять, для этих двоих этикет не значил ничего.

– Я проводил их. – Мелодичный голос Астена звучал устало. – Они собираются нагнать Уанна...

– Это возможно, если, конечно, им повезет, – задумчиво проговорил Эмзар, – но все-таки...

– Все-таки ты не уверен, что это вообще нужно? Я тоже, – Кленовая Ветвь провел по лицу рукой, словно снимая невидимую паутину, – все спорю и спорю сам с собой... Что-то говорит мне: нечего Примеро там делать, и потом, мы взяли на себя слишком большую ответственность.

– Эстель Оскора?

– Да! До сих пор не понимаю, что же она такое. И, самое печальное, она сама не понимает. В ней должна быть Сила, а я ничего не чувствую.

– Чем меньше мы будем говорить об этом, тем лучше!

– Вот как? – Астен приподнял бровь. – Ты не доверяешь собственным заветам?

– А ты не чувствуешь, как здесь растет тревога? Все Дома владеют высокой магией, и я не уверен, что никто не пустит ее в ход... Хорошо хоть мы с тобой принадлежим именно к Дому Розы.

– Ты думаешь об Эанке? Я тоже. Она, кстати, ненавидит Герику, невзлюбила с первого взгляда...

– Этого стоило ожидать. – Эмзар наконец решил присесть. – Дочь Нанниэли не может не чувствовать значимости нашей гостии, хоть и не знает всей правды. А что ты сам? Рамиэрль поручил Герику тебе, но ты, как я понимаю, не имел ничего против.

– После того как меня убедили жениться и тем более после того, как я породил такую дочь, мне бояться не пристало никого и ничего. Эстель Оскора, – Астен неожиданно дерзко улыбнулся, – так Эстель Оскора! Как оказалось, мне нравятся опасности. А Геро... Я пока мало могу о ней сказать. Зла в ней я не вижу, правда, и Света, или, как говорят люди, добра, тоже не ощущается. Она что-то пытается понять или вспомнить, но, кажется, сама не знает, что именно.

– Она нравится тебе?

– Пожалуй, да... И потом, она моя *Эфло д'огэр*.¹

– Что? – Эмзар непроизвольно вздрогнул. – Ты понимаешь, что говоришь?!

– Вполне. В нашей семье всегда чувствовали подобные вещи. Потому-то я и молчал, когда решалось, идти ли ей в Корбут с Рамиэрлем. Я был не вправе вмешиваться.

– Проклятье, – Эмзар с силой стиснул резной подлокотник, – я так хотел, чтоб она ушла... И вместе с тем выпускать ее из рук опасно.

– Опасно было бы отдать ее Примеро. Успокойся. – Астен с неподдельным участием взглянул в лицо брату. – Избежать встречи с судьбой еще никому не удавалось, другое дело, что ее исход зависит и от нас тоже.

2

Эстель Оскора

Я в очередной раз любовалась своим отражением в роскошном зеркале. Отражение было куда менее роскошным, но меня оно устраивало, так как подтверждало, что я – это все-таки я.

Среди эльфов я выглядела не более уместно, чем лошадь на крыше. За немногие дни, проведенные среди народа Романа, я познала истинную красоту и при этом уразумела, что совершенство неизбежно вызывает жалость. Эльфы были прекрасны, но в них ощущалось нечто обреченное, исчезающее, изломанное... Я так и не поняла, нравятся ли мне эти создания, мои глаза были слишком очарованы, чтобы я могла еще и думать.

Мне бы уйти с Романом и его странноватыми спутниками, одни из которых мне нравились, а другие, во главе с коротышкой Примеро, вызвали отвращение, но меня не взяли. Или, вернее, непустили. И теперь мне предстояло переживать зиму среди болотных огоньков и иллюзий. Те, кто оставался в Убежище, не знали, не желали понимать того, что творится за

¹ *Эфло д'огэр* – буквально «цветок огня». Эльфы так называют то, что явится впоследствии причиной их гибели, будь то предмет или существо. Считается, что Светорожденные могут узнать свою *Эфло д'огэр* в самом начале цепочки событий, которые приведут их к гибели. Светорожденные также полагают, что предотвратить судьбу, устранив *Эфло д'огэр*, невозможно, но можно попытаться ее изменить. *Эфло д'огэр* и все с ними связанное – одна из самых популярных тем эльфийских преданий и баллад.

границами их дивного острова, а я – я не могла не помнить о том, что оставила за спиной, и не думать о том, что же я такое... Эстель Оскора? Возможно.

Я отвернулась от зеркала, которое наверняка вздохнуло с облегчением и вернулось к отражению изысканных эльфийских вещей. Накинув на плечи невесомую, но теплую шаль – подарок хозяина, я отправилась на прогулку.

Роман, уходя, просил меня не бродить в одиночку среди здешних красот. Разумеется, я обещала: последнее дело – заставлять уходящего в бой волноваться за тех, кого он оставляет, но слова – это только слова. Я не собиралась сидеть всю зиму в золоченой клетке. Найдет Рамиэрль Проклятого или нет, это еще не известно, а хоть бы и нашел – большой вопрос, захочет ли тот помогать и управится ли с Белым Оленем? С другой стороны, мне ясно дали понять, что, пока я жива, тварь не сможет обрести устойчивого воплощения. Принцип единобрачия у этой нечисти, к нашему счастью, доведен до абсурда, из этого следует, что за мной будут охотиться – то ли чтобы вернуть, то ли чтобы прикончить.

Я в очередной раз с отвращением вспомнила свою прежнюю жизнь. На месте Белого Оленя я постаралась бы завести себе подругу поумнее, хотя мой дражайший отец с детства готовил меня именно в супруги Оленю, или кто он там на самом деле... Всадники вроде бы звали его Ройгу... Ну и имечко! Под стать мерзкой твари, задавшей целью сожрать Тарру со всеми потрохами. Я же со своим счастьем заячьим оказалась первой, кто попался ему под руку, чтобы не сказать хуже.

Магия Романа, сначала уничтожившая то, что я носила в своем чреве – назвать это ребенком у меня язык не поворачивался, – а потом вырвавшая меня из лап смерти, вытравила из моей памяти чувства, оставив только события. Я помнила *все*, чему была свидетельницей, и не испытывала ничего, кроме стыда. Я ненавидела Герику, покорно исполнявшую отцовские приказы. И вместе с тем я отдавала себе отчет в том, что это была именно я.

Это я не стала бороться за свое счастье. Это я послужила причиной смерти Стефана. Это я позволяла делать с собой все, что угодно. И в кошмаре, который случился в Гелани, я виновна не меньше отца... Каяться было глупо, надо было исправлять то, что я натворила. Никто, кроме Романа и Лупе с Симоном, не знает, что я научилась думать и разучилась слушаться, а имея голову на плечах и волю к жизни, можно горы своротить. Пока же мне лучше оставаться среди эльфов. Никакая война до весны не начнется, а за зиму я постараюсь разобраться, во что меня превратили, и, если у меня есть способности к магии, научусь хоть чему-то полезному.

Уходя, Роман сказал, что я могу доверять его отцу и дяде, а также молодому художнику, кажется, из Дома Журавля. Зато от собственной матери и сестры он меня предостерегал, словно они были его злейшими врагами. Похоже, основания у него имелись. Я сразу заметила двух красавиц, которые внимательно, не произнося при этом не единого слова, рассматривали меня, когда мы, нарушив все здешние законы, объявились в Убежище. Ни красота этого загадочного места, ни радость, обычная для избежавших смертельной опасности, ни непритворное радушие Астена не вычеркнули из моей памяти злобный взор двух пар прекрасных очей.

На их месте я бы радовалась появлению в Убежище женщины, рядом с которой их краса кажется еще неповторимей. Расставшись во время болезни с косами – моим единственным сокровищем, – я вряд ли вызвала бы ревность даже у человеческих женщин, не то что у эльфиек. И все равно в их взгляде чувствовался страх и зависть. Этого мне было не понять...

Поглощенная своими мыслями, я умудрилась забрести довольно далеко от дома приютившего меня Астена. Поселение эльфов представляло собой группу особняков, разбросанных в светлом буковом лесу. Украшенные высокими изящными шпилями, небольшими балкончиками с немыслимо красивыми решетками и прелестными статуями здания утопали в плюще, диких розах и жимолости. Ограды казались чисто символическими, хотя я уже поняла, что видимая легкость и хрупкость отнюдь не являются слабостью.

Благополучно миновав десять или одиннадцать голубоватых и серебристых строений, я оказалась на тропинке, ведущей вверх. Там находился парк и Лебединый чертог, в котором однажды меня уже принимали, и мне пришло в голову повторить свой визит. В конце концов, Роман велел мне доверять Эмзару, так отчего бы не познакомиться с ним или по крайней мере с его резиденцией поближе?

3

– Кто-то прошел в сад, – удивленно обронил Эмзар. – Странно, я вроде бы никого сегодня не жду.

Астен понимающе улыбнулся. Эмзар предпочитал одинокую жизнь, но под ледяной оболочкой скрывался огонь. Астен давно догадался, что у брата случаются подруги, которые приходят к нему через сад. Но не в полдень же!

– К нам решила зайти подруга твоего сына. Разве Рамиэрль не объяснил ей, что это опасно?

– Она обещала не покидать дома, но красота имеет обыкновение успокаивать. Разве человеку может прийти в голову, что здесь опасно? Да и то, что я о ней знаю, заставляет ждать неожиданностей. Геро не из тех женщин, что умеют и любят слушаться.

– А ты ее неплохо узнал за эти несколько дней.

– У тебя есть возможность проверить мои наблюдения. На нашем попечении Эстель Оскора. Чем быстрее мы пойдем, чего от нее ждать, тем лучше.

– Что ж, пойдём поприветствуем гостью.

4

Эстель Оскора

Я сама не очень понимала, что мне нужно от правителя эльфов. Однажды мы с ним разговаривали, но тогда я была слишком ошарашена тем, что со мной случилось, чтобы обращать внимание хотя бы и на эльфийского владыку. От нашей первой встречи у меня осталось лишь удивительно неприятное чувство, что я встречала кого-то очень похожего, но не могу вспомнить, где и когда. Чушь! Роман, единственный знакомый мне эльф, конечно же, походил на брата своего отца, но то, что тревожило меня, заключалось не в схожести черт, не в очертании головы, не в изяществе фигуры. Это был какой-то смутный намек, который меня беспокоил именно своей смутностью. И еще мне хотелось откровенности. Я должна была понять, кем или чем меня здесь считают.

Проще всего было поговорить с Астеном, но отец Романа (эти Светорожденные хоть кого сведут с ума, ведь на человеческий взгляд Астен кажется не отцом, а братом своего сына, и притом младшим!) мог не сказать всей правды или не знать ее. Эмзар же казался пожестче, к тому же он был королем, хоть и предпочитал называться иначе.

Лебединый чертог я отыскала сразу. Дворец правителя смотрел на замощенную белыми восьмиугольными плитами площадку со стройным обелиском посередине, увенчанном расправляющим крылья лебедем, сзади же к Чертогу примыкал сад, окаймленный изгородью из серебристого можжевельника; в ней имелся проход, и я вошла. Похоже, хозяин Убежища тоже проявлял ко мне любопытство, так как меня пропустили – я лишь почувствовала легкое прикосновение к щеке... Так могла бы коснуться в начале осени летучая паутинка, но это были какие-то охранные заклятья.

Не знаю, как выглядят райские кущи, но вряд ли места, где блаженствуют после смерти праведники, прекраснее Лебединого сада. Может быть, больше, роскошнее, ярче, но не прекраснее.

Вся моя решимость немедленно прояснить свое положение отступила, когда я выбралась на берег небольшого озера, обсаженного серебряными ивами. Длинные гибкие ветви полоскались в черной и при этом прозрачной воде, на поверхности которой кружили в медленном танце узкие листочки, – со дна озера били ключи, заставляя воду медленно вращаться. Там, где ветви сплетались всего гуще, белела статуя – выходящая из воды девушка, поправляющая заколотые на затылке волосы. Я невольно залюбовалась изяществом и благородством позы, гордым и вместе с тем удивительно просветленным, сияющим от радости лицом. Отчего-то казалось, что мраморная красавица, выходя из озера, встретит восхищенный взгляд того, кто станет для нее всем...

– Что хочет найти госпожа у Темного пруда? – Голос, вырвавший меня из грез о несбыточном, был приятным и дружелюбным.

Я оглянулась. Сероглазый эльф с очень серьезным лицом возник словно из ниоткуда. Наверное, я его уже видела в Зале Лебеда, куда собрались все значительные лица клана, дабы выслушать Рамиэрля и посмотреть на привезенную им диковину, то есть на меня. Больше я со Светорожденными дел не имела, разумеется, за исключением самого Романа и его отца, но незнакомец сразу же вызвал у меня симпатию – похоже, взаимную.

– Клэр Утренний Ветер из Дома Журавля к услугам госпожи. – Эльф слегка улыбнулся, отчего его и без того юное и прекрасное лицо стало еще красивее и моложе.

– Меня зовут Мария-Герика Ямбора, урожденная Годойя. Ро... Рамиэрль из Дома Розы называет меня просто Геро.

– Тогда меня можно называть просто Клэр. Госпоже нравится у нас?

– Я еще не знаю. Может ли нравиться сон?

– Да, наш народ все больше становится сном, – серьезно кивнул мой собеседник. – Что поделать, ведь мы в известном смысле спим тысячи ваших лет, и, значит, все меньше и меньше остается от нас в истинной жизни... Хотя это слишком грустная тема для первого разговора. Когда я вас окликнул, вы любовались ивами...

– Не только. – Тут я могла позволить себе полную откровенность. – Я не видела ничего чудеснее этого озера. Черная вода, черные стволы, серебряные листья и эта статуя... Женщины счастливее и прекраснее, наверное, не может быть.

Мой собеседник вновь улыбнулся радостно и смущенно.

– Эту статую... Это моя работа. Я ее начинал, когда мне было очень грустно, а заканчивал счастливейшим из живущих. Я рад, если госпоже она понравилась.

У меня не нашлось слов, чтобы выразить свое восхищение, но мне они и не понадобились: по обсаженной бледно-золотыми кустами тропинке к нам быстро шли двое. Я узнала обоих – золотоволосого Астена и его брата. Вновь мелькнула мысль, что повелитель Лебедей на кого-то похож, но думать об этом было некогда. Клэр смущенно отступил назад, он явно собрался нас покинуть, но Эмзар решил иначе:

– Клэр Утренний Ветер, ты глава Дома Журавля и, смею надеяться, друг.

Скульптор очень серьезно посмотрел в голубые глаза правителя:

– Я друг ваш и вашего брата, но...

– Именно поэтому я и хочу, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре. Кто-то, кроме мужчин Дома Розы, должен знать все. Я хочу, чтобы этим «кем-то» стал ты. Думаю, нам лучше беседовать в Чертоге...

Что ж, Чертог для тех, кто называет себя Лебедами, должен быть священным. Я с готовностью пошла за тремя красавцами, про себя прикидывая, какой переполох вызвали бы у таянских дам подобные кавалеры. Впрочем, чего гадать? Достаточно вспомнить Рамиэрля, слава

которого гремела по всей Арции. Что-то мне подсказывало, что даже бессмертный не мог одновременно соблазнить такое количество женщин. Бедные дуры выдавали желаемое за действительное, а ревность, зависть и болтливость их менее предприимчивых подруг разносили вести о похождениях Романа Ясного по всем Благодатным землям. Сами же эльфы, похоже, относились к любви очень серьезно и к тому же никуда не спешили. Да и зачем спешить жить бессмертным?

И все равно смогу ли я, оказавшись среди Светорожденных, устоять перед банальнейшей женской потребностью любить? Смогу, ведь у меня никаких шансов нет и быть не может. Кто, имея под рукой фарфор из земли Канг-Ха-Он, обратит внимание на глиняную тарелку? И, странная вещь, мне почему-то стало очень обидно.

Глава 2

2228 год от В. И. 21-й день месяца Волка

Таяна. Гелань

Эланд. Окрестности Идаконы

1

Кафедральный собор Гелани медленно, но верно заполнялся народом. С одной стороны, лишний раз выходить на улицу в такую погоду, да еще тащиться в место, кишашее страшноватыми воинами регента, мало кто хотел. С другой – любопытство присуще человеческой природе, да и оставаться дома многие опасались – желающий донести на соседа всегда найдется, было бы кому доносить. Потому-то, услышав глашатая, уважаемые жители Гелани обряжались в хорошее, но не лучшее (по нынешним временам богатством лучше не кичиться) платье и отправлялись в храм. Стояли. Ждали.

Ровно в полдень появился епископ Тиверий. Нет, уже не епископ, объемистое чрево святого отца прикрывали малахитовые кардинальские одежды. Рядом возвышался легат Архипастыря в темно-зеленом облачении. Любопытство собравшихся возросло, а легат приятным, хорошо поставленным голосом, которым обладают лишь клирики да лицедеи, оповестил жителей доброго города Гелани, что конклав единодушно избрал Архипастырем Благодатных земель верного и благочестивого сына Церкви Единой и Единственной кардинала Амброзия Кантисского. Учитывая же заслуги епископа Тиверия перед Церковью и Творцом, новый Архипастырь назначил онго Тиверия кардиналом Таяны, Тарски и Эланда. Что до отправившихся к Святому Престолу епископов, то его святейшество, испытывающий к Таяне особое расположение, оставляет их при себе.

Посланец также поведал, что безбожие идаконских Арроев, закрывших храмы и возжегших огни в угоду мерзким фантомам, именуемым в Эланде Великими Братьями, переполнило чашу терпения Церкви, и посему объявляется Святой поход. Дабы раз и навсегда повергнуть оплот еретиков и присоединить Эланд к благочестивой Таяне, процветающей под благочестивой же рукой регента и его супруги.

Люди слушали, качали головами и понимали одно – это война. Война, в которой Церковь выступает на стороне Годоя, а раз так, то и толковать не о чем – против лома нет приема. Драться с Эландом не тянуло: слишком памятливы были годы дружбы, да и иметь в противниках людей, подобных Рене Аррою, не хотел никто. Даже если Гнездо Альбатроса не устоит, сколько крови при этом прольется! Добро б еще Годой увел на север своих головорезов, но ведь он заставит идти и таянцев. Поборы увеличатся, а новоявленные фискалы начнут хватать налево и направо за симпатии к Эланду...

Из храма расходились молча, настороженные и подавленные. И не только люди. Охранявший особу регента Уррик пад Рокхе был вне себя. Он не терпел лжи – гоблины вообще очень правдивы по своей натуре. Кроме того, Уррик ненавидел и презирал Церковь, считая ее порождением подлых пришельцев, некогда истребивших Истинных Созидателей и загнавших гоблинов в Последние горы.

Уррик, как и его соплеменники, пришел в Таяну служить не Михаю, но Истинным Созидателям. Гоблинский офицер не любил и не уважал регента, но великая цель оправдывала средства, тем паче по отношению к людям. Дважды предавшие богов и поклонявшиеся разбитым доскам не стоили жалости...

Но затем Уррик понял, что люди бывают разными. Жена регента оказалась лучше, благороднее, умнее и смелее всех, кого он когда-либо встречал. Молодой горец полюбил ее со всей

присущей его народу преданностью, а ведь Илана была человеком! А затем случилась встреча с Романом Ясным! Даже не человеком – эльфом, в чем тот сам признался, когда выводил их с Шандером и рысью из Гелани. Этот Рамиэрль из Дома Розы оказался отнюдь не таким, каким должен быть согласно «Завету».² Конечно, эльф был уродлив, хоть и не так, как вспоминали сказания, но он вел себя так, что вызвал невольное уважение Уррика, весьма щепетильного в вопросах чести. Гоблин очень хотел оказать эльфу равную услугу, а ведь еще был Шандер Гардани, чью смелость и преданность своим воинам и своей госпоже Уррик не мог не оценить по достоинству. Они провели в дороге не один день, и все это время Шандер держался с мужеством, достойным великих героев. Разве не так улыбался, стиснув зубы, умирающий от яда Великий Воитель Игрэнк пад Краннаг, которого безутешные друзья несли на плаще в родные горы по горящим Ларгам?! Бедный гоблин не мог ничего поделать с тем, что искренне привязался к Шандеру. Да, среди людей случались исключительно достойные. И исключительно мерзкие. Такие, как этот жирный жрец!

Пытаясь хоть как-то связать разваливающийся на глазах простой и ясный мир, в котором на одной стороне было крошечное зло, а на другой добро и справедливость, возлюбленный Иланы цеплялся за свою ненависть к зеленым жрецам – этому средоточию скверны и мракобесия. Тиверий стал для Уррика истинной находкой: трусливый и жирный, он воплощал в себе все самое отвратительное, а сегодня его объявили кардиналом! Объявили лживо – Уррик как никто другой знал, что легатом с помощью нехитрой магии прикинулся Белый жрец, сменивший погибшего в Эланде Охотника Бо.

Вот этого-то честный горец понять и не мог. Прикажи ему немедленно разметать по кирпичику храмы, возжечь костры в честь Истинных Созидателей и перетопить зеленобрюхих в Рысье, Уррик подчинился бы без малейших колебаний – зло должно быть уничтожено! Но те, кто говорит о том, что их цель – возвращение Созидателей, прячутся за людскую Церковь! Объявляют Святой поход, пользуются услугами жирного слизняка! Такого Уррик стерпеть не мог. Чем больше он чувствовал себя преступником, прелюбодействуя с замужней женщиной, да еще человеческого рода, чем больше ненавидел ее мужа, тем нетерпимей в вопросах чести и веры он становился. Теперь пал и последний оплот.

Уррик не заметил, как оказался в Высоком Замке, – раздумья съели всю дорогу. Видеть никого, кроме Иланы, не хотелось, но ее он сможет обнять только завтра – им приходилось таиться, и прямой по натуре горец терпел это лишь из боязни навредить любимой. Коротко кивнув товарищам, воин прошел в зверинец.

Гоблины любят и понимают всяческое зверье немногим хуже, чем эльфы. Это не мешает им быть прекрасными охотниками, но за пределами неизбежного для обеспечения жизни они всегда будут помогать малым сим: кормить, лечить, защищать... Неудивительно, что заброшенный зверинец незаметно оказался на попечении гоблинов, опекавших его обитателей в меру своего разумения. Уррик больше всего любил птиц, с которыми вечно возился, если не нес службу, не встречался со своей возлюбленной и не совершенствовался в чтении и письме – в последнее время он приохотился к этому столь не подходящему для воина делу. Впрочем, занимался он опять же в зверинце, на голубятне, где его за этим предосудительным занятием никто не видел. Туда расстроенный гоблин и направился, чтобы привести мысли и чувства хотя бы в относительный порядок. И там же ему пришла в голову мысль, сначала показавшаяся кощунственной, но постепенно полностью захватившая. Уррик решил написать в Эланд. Доставить почту было просто – среди голубей, которых он каждый день кормил, имелось несколько почтовых эландских, о чем возвещала табличка на вольере. Да и Илана не скрывала, что, если б не тайна, она бы не стала подвергать опасности жизнь возлюбленного.

² «Завет» – священные сказания северных гоблинов, в которых рассказана история сотворения Тарры.

Гоблин больше не колебался. Вырвав из книги чистый лист, он принялся составлять послание, в котором говорилось о подлоге кардинала и Святом походе. Оставшись довольным своим творением, гоблин задумался над подписью – она должна внушать доверие, но ни в коем случае не наводить на его след или, упаси Истинные Созидатели, бросать тень на Илану. Наконец его осенило.

Уррик обмакнул перо в разведенную сажу и старательно вывел внизу слово, сказанное Шандеру на прощание Романом.

2

Порывистый северный ветер швырял в лицо соленые брызги, пробирал до костей, но двоих маринеров причуды погоды заботили мало – в своих странствиях они видали и хуже. Правда, оба давно не ощущали под собой танец палубы. Первый был слишком стар, второго судьба выбросила на берег, заставив заниматься тем, что ему с детства внушало глубочайшее отвращение. Здесь же, у продуваемых всеми ветрами скал бухты, моряки чувствовали себя как нельзя лучше; но даже бешеный грохот прибоя не мог заглушить тревоги в сердцах, почитаемых самыми отважными в Эланде, а значит, и во всей Тарре.

– Эрик, я не знаю, что мне делать. – Рене Аррой не жаловался и не просил совета, просто говорил все как есть.

– По тебе этого не скажешь. – Старый Эрик с сомнением покачал головой. – Я не могу тебе не верить, но твои приказы и распоряжения кажутся очень толковыми...

– Вот именно что кажутся, – Рене ухмыльнулся уголками рта, – этого я и добиваюсь. Люди уверены, что все в порядке, все делают то, что нужно, и мы обязательно победим в приближающейся войне. Мы укрепляем берег Адены, учим моряков драться на земле, выставаем дозоры. Вроде бы все правильно, но я-то знаю, что это бессмысленно.

– Вот как? – Эрик внимательно взгляделся в лицо бывшего ученика, а ныне почти короля. – А мне помнится, ты сумел управиться с такой нечистью, о существовании которой мы раньше не догадывались. Ты боишься, что в этой войне главным оружием будет магия, не так ли?

– Разумеется, боюсь. – Аррой не скрывал своего раздражения. – Что значит шпага, даже самая лучшая, против заклятий?!

– Будь магия столь всемогуща, тебя бы уже не было на свете... Нет, мужество и выучка нужны по-прежнему...

– На это и надеюсь. – Рене привычным движением отбросил со лба седую прядь. Несмотря на стремительно приближающуюся зиму, он упрямо ходил с непокрытой головой, подавая не лучший пример молодым, особенно из числа привыкших к более мягкому климату таянцев. – Эрик, я вовсе не считаю наше положение безнадежным, просто магии нужно что-то противопоставить, а я пока не знаю что. Не молитвы же! Оно, конечно, тоже не мешает – внушает некоторым веру в победу, а человек, уверенный в себе, намного сильнее. Но я видел то, что сотворило одно-единственное чудовище с Инрио и его конем. Я каждый день захожу к Шани, которому не в силах помочь медикусы, и понимаю: радоваться-то нечему. Да еще сны эти... Раньше они мне снились раз или два в год и всегда были связаны с какой-то бедой, а теперь через ночь одно и то же.

– И что же тебе снится?

– Какой-то бред. Будто я ранен, умираю и надо мной пролетают какие-то птицы. А я никак не могу их сосчитать... И на этом все кончается... Хотя нет. Теперь снится что-то еще.

– Ты должен вспомнить, – твердо сказал старый маринер. – От сна отмахиваться нельзя.

– Твоими бы устами, – отозвался Рене, – но все плывет...

– А ты подумай. Может быть, в твоём сне кто-то появляется? Враг? Друг? Кто-то тебя добивает? Спасает? Ты что-то слышишь? Видишь? Смех? Слезы? Проклятия? Ты в конце понимаешь, сколько их, этих птиц?

– Пожалуй... – Рене наморщил лоб. – Нет, не помню... Хотя... По-моему... Да! – Он почти закричал. – По-моему, я вижу женщину... И еще что-то... Какой-то клинок.

Аррой сосредоточенно уставился в одну точку, пытаясь ухватить ускользающее, Эрик ему не мешал. Молчание грозило затянуться. Внезапно Рене, толкнув старика с такой силой, что тот упал, отпрыгнул в сторону, одновременно выхватывая шпагу. Что-то пронеслось над прижавшимся к камню Эриком и навеки кануло в беснующиеся волны, а Рене уже мчался по берегу длинными прыжками, присущими скорее не моряку, а охотнику-горцу. Добыча далеко не ушла. Низенький кудрявый человек в неприметной одежде собирался отсидеться среди скал. Не удалось. Убийца не сопротивлялся – метнуть из укрытия нож он мог, сойтись в открытой схватке с лучшей шпагой Арции ему было не по силам.

Не стал пойманный и отпираться, признавшись, что принадлежит к малопочтенному сословию портовых воров Гверганды, где известен своей меткостью. Убить герцога ему поручил арцийский купец, посуливший много золота и до смерти запугавший. Дрожа, вор рассказывал, как сперва потерял способность двигаться, а потом его тело принялось непристойно выплясывать под прихлопыванья арцийца. Само! Выбирая между более чем вероятной казнью и этим кошмаром, он согласился.

Рене смотрел на вора, не скрывая жалости. Вот что, значит, должно было произойти с Шани, будь у графа воля послабее. А вдруг Годой усовершенствовал свое умение? Нет, вряд ли, иначе не искал бы убийц.

– Как тебя зовут?

– Мирон, – с готовностью ответил гвергандец. – Мирон-Кудряш.

– Ты сможешь узнать этого купца?

В глазах Мирона заметался животный ужас, и бедняга бухнулся на колени, проявив страстное желание облобызать мокрые герцогские сапоги. Рене брезгливо отпрянул.

– Нет!!! Нет, ваше высочество! Убейте меня, продайте атэвам, но я не могу... Лучше повесьте!.. Руку отрубите...

– Повесить я тебя всегда успею, – отмахнулся герцог. – Заберите!

Подбежавшая, когда все уже кончилось, охрана с излишним усердием подхватила незадачливого убийцу под руки.

– Да не бейте, – вдогонку приказал герцог. – Он не хотел меня убивать... Заприте и пришлите к нему клирика потолковей.

Проводив глазами несостоявшуюся смерть, Рене как ни в чем не бывало обернулся к Эрику:

– Магия не всесильна. Тем не менее они с ней добрались до Эланда.

– Рене, – Эрик глянул герцогу в глаза, – как ты его услышал? Конечно, я стар, но и в молодые годы ничего бы не заметил. И не успел. Я тебя никогда не спрашивал, где ты пропадал и кто тебя научил драться, как не умеет никто – ни атэвы, ни таянцы, ни мы, уж не говорю про этих протухших имперцев. А теперь, когда акверо³ у самой кормы, я спрашиваю тебя, Счастливчик Рене: кто ты теперь?

– Кто? – Рене задумался. – Я – это я. Это единственное, за что я ручаюсь. Да, я угадываю чужое движение до того, как оно сделано, я ощущаю присутствие тех, кто думает обо мне. Откуда у меня это – не знаю. Ну а драться меня научили там, где я провел годы, о которых ты не спрашивал. Я пытался обучить тому же Стефана, Шандера, маленького Рене. Они не

³ Акверо – водяной смерч.

смогли, ну так что же! Пусть я и один такой, я все равно рад! Если в руки попала хорошая шпага, стоит ли думать, как и где ее ковали?

– Я предполагал что-то в этом роде. Что-то проснулось у тебя в крови, что-то нам непонятное, но ты прав, это не так уж и важно. Знаешь, – маринер озадаченно поскреб подбородок, – я всегда терпеть не мог дурацкую байку, которую талдычат клирики. Ну, про то, как их добренький Триединый на всех рассердился и решил утопить. И только один человек додумался построить корабль и взял на него своих родичей и кучу всякой твари. От этого умника мы все и пошли, потому как другие утонули... Глупо это, никогда столько народу от одной семьи не разведется, люди не кошки.

А сейчас вот думаю, есть ли в этом смысл – если, конечно, тот потоп не был настоящим потопом, а корабль – кораблем. Вот если за него считать всю Тарру, тогда да. Триединый там или еще кто решил род людской погубить, а мы хотим выплыть. Похоже, сейчас так и есть. И ты – наш капитан, больше некому.

– Ну, если так... – Рене внезапно улыбнулся удивительно молодо и ярко. – Если так, я сделаю все как надо. Ведь я все еще Первый паладин Зеленого храма...

3

– С сегодняшнего дня велено тушить огни на два часа раньше, – вздохнув, объявил Симон, распаковывая объемистую сумку. Дотошный лекарь приводил в порядок свой медицинский скарб каждый день и с превеликим тщанием, полагая, что от этого может зависеть жизнь пациентов.

– Нам-то что? – откликнулась, не поднимая головы от шитья, Лупе. – Лекарь имеет право жечь огни всю ночь.

– Нам ничего, – согласился Симон. В последнее время говорить с Лупе стало очень трудно. После известия о гибели Шандера женщина так и не пришла в себя. Уж лучше бы кричала, плакала, проклинала Годоя и Ланку... Тогда можно было бы отпаивать ее травами, запираť в погреб, чтоб соседи не слышали крамольных криков, и за повседневными тревогами не думать о главном. Леопина несла горе молча, раз и навсегда дав понять, что имени Шандера Гардани в ее присутствии лучше не произносить. Она ходила на рынок, сушила травы, подносила вино свалившемуся на их головы два дня спустя после отъезда Романа и Герики Родольфу... Когда же лекарь предложил послушаться либера и уйти во Фронтеру, а затем в Эланд или Кантиску, Лупе ответила решительным отказом, так и не объяснив причины.

Маленькая колдунья отложила шитье, задернула аккуратные, пахнущие лавандой занавески, зажгла масляную лампу и повязала вышитый еловыми веточками фартук.

– Сегодня я приготовила бобы с бараниной.

– Спасибо. – Симон даже не пытался скрыть радость – бобы с бараниной были его слабостью, а покушать милейший медикус любил. Какие бы душевные терзания он ни испытывал, при виде одобренной пряностями подливки беда отступала. Лупе знала за деверем эту слабость и в меру сил скрашивала ему жизнь.

Лисья улица объясняла их отношения по-своему. Пьяница-поэт ни у кого симпатий не вызывал, в отличие от его тихой приветливой жены, помогавшей Симону и по хозяйству, и в лекарском деле. Кумушки подумали и пришли к выводу, что между Леопиной и Симоном что-то есть, но отнеслись к этому с сочувствием. Старая Прокла, жившая возле самой Гелены Снежной, пошла еще дальше, прилюдно желая пьяному дурню потонуть в луже и не портить жизнь двум хорошим людям. Узнав об этом, Симон и Лупе долго смеялись. Тогда они еще могли смеяться, теперь же их домик походил на кладбищенскую церковь – чисто, грустно и тихо. Но отказать себе в последнем оставшемся ему удовольствии Симон не мог, а Лупе была

рада хоть чем-то побаловать близкого человека. Они как раз сидели за столом, когда в дверь замолотили сапогами.

Симон остановился, не донеся ложку до рта. Лупе пошла открывать. Ввалился тарский патруль, но Симон не подкачал. Привычным жестом подтянув к себе сумку, он деловито осведомился:

– В чем дело? Кто болен?

– Медикус третьей степени Симон?

– Да, это я. – У Лупе оборвалось сердце, но толстенный лекарь не проявлял никакой тревоги. – Так в чем же дело?

Ему объяснили. Дело было не в нем. Просто дан регент решили, что отныне все медикусы должны проживать в Высоком Замке, пользуясь больных в отведенных для этого помещениях в отведенное время. Объяснялось сие нововведение тем, что в условиях Святого похода все, кто может быть полезен в армии, переходят на казарменное положение.

Симон, поняв, что лично к нему у стражников претензий нет, принялся спокойно собираться, словно бы уезжал по каким-то семейным делам. Покончив со сборами, он чмокнул Лупе в щеку, велел ей быть умницей и вышел в сопровождении топающих стражников.

Лупе выглянула в окно – им не солгали. Все обитатели Лисьей улицы, имеющие бляху гильдии медикусов, понуро брели к повозкам. Женщина покачала головой и задернула занавески. Оставалось лишь надеяться, что Симон, как и все прочие, в относительной безопасности. Дело не в походе – даже последний безумец не рискнет сунуться через Гремиху зимой. Зато все медикусы в той или иной степени знакомы с волшебной магией, а некоторые могут отслеживать чужие заклинания. Эти знания входили в обязательный курс Дозволенной магии и бывали весьма полезны, когда на кого-то пытались навести порчу. Обитатели Лисьей улицы могли определить, что поблизости творится нечто нехорошее, и разнести об этом по городу. Других причин, по которым лекарей следовало согнать под присмотр стражников, Лупе не видала.

Глава 3

*2228 год от В. И. 10-й день месяца Звездного Вихря
Пантана. Убежище*

1

Астен вряд ли мог внятно объяснить, что погнало его из дома еще затемно. В последнее время с ним вообще творилось нечто странное – стихи не просто не сочинялись, они перестали его занимать. Остров казался тесным и скучным, а лица Светорожденных – лишенными жизни масками. Брат правителя Лебедей с трудом заставлял себя жить прежней жизнью хотя бы внешне, разговаривать с соседями и родственниками, по ночам ложиться в постель, утром проводить несколько часов за письменным столом.

Появление в его доме пресловутой Эстель Оскоры к тревогам Астена прибавило не слишком много. Тарскийка ему нравилась, хотя никакой магической силы он в ней не ощущал. Зато Астену казалось, что он знает эту женщину очень давно, наверное, потому, что он некогда долго жил со смертной. Странная убежденность, что его жизнь и смерть связаны с Герикой Годойей, Астена не пугала, скорее наоборот. Он бесконечно устал от ожидания и воспоминаний, а понесшиеся горным потоком события дали возможность вздохнуть полной грудью. Лебединый принц знал, что скоро покинет Убежище, и, видимо, навсегда, поэтому любые сумерки возбуждали его, словно гнездящихся в лесу черных птиц, что с криком взмывают в пламенеющее небо и мечутся в нем, пока в свои права не вступит день либо ночь. Астен каждый рассвет встречал немым вопросом, не сегодня ли придет то, что определит его судьбу...

Этот день начинался немного не так, как остальные. Под утро ему приснился сын, вестей о котором, как и о Преступивших, в Убежище не имели. Астен ясно видел, как Рамиэрль верхом на Топазе едет узкой горной долиной, а Перла налегке идет рядом, время от времени кокетливо потряхивая гривой. Ни Примеро со товарищи, ни Уанна рядом не было.

Нэо выглядел целым и невредимым и даже не очень уставшим. Он знал, что делает, так как ехал вперед, не оглядываясь по сторонам. Впрочем, там была всего одна дорога. Склоны гор поросли темным хвойным лесом, внизу весело бежала небольшая речушка. Снег еще не выпал, облетевшие кусты густо облепили странные белые ягоды. Прямо перед лицом Рамиэрля пролетела большая пестрая птица, чем-то напомнившая фазана. На другой берег речки выбежала лисица и с интересом воззрилась на всадника. Похоже, в этих краях охотников не водилось: зверье казалось совершенно непуганым.

Рамиэрль улыбнулся, глядя на рыжехвостую остроносую красотку, и чуть придержал коня. Порыв ветра пошевелил ветки белоягодника, принесся откуда-то несколько запоздалых темно-красных листьев...

Астен проснулся с непривычным ощущением покоя. Он сам себе не признавался, до какой степени ему не нравится затея сына пройти по следу Проклятого, но по крайней мере сейчас никакой опасности не было, хотя правдивым сон о Корбуте быть не мог. Роман, да и то в лучшем случае, сейчас пробирался таянской Тахеной, разве что Прашилко помог. Астен предпочел бы, чтоб этого не случилось, потому что любое одиночество было лучше общества Примеро, которому лебединый принц окончательно перестал доверять. Вожак Преступивших грозился ждать Романа до середины месяца Волка, после чего двигаться к месту Силы самостоятельно, и Астен искренне пожелал ему не дожидаться.

Светорожденный взглянул в окно, за которым зеленело предрассветное небо. Зачем-то встал, оделся. Герика еще спала, и Астен решил рассказать ей про Романа попозже, а сам вышел на улицу и долго смотрел на бледнеющие звезды.

Эстель Оскора

Я завтракала в гордом одиночестве, не считая принесенного вчера Клэром портрета. Моего. Молодая женщина с серьезными глазами и слегка саркастической улыбкой казалась незнакомой и странно привлекательной. Нет, художник не льстил мне, он абсолютно точно перенес на холст каждую черточку моего не самого красивого лица, но результат оказался неожиданным. По крайней мере для меня.

Незнакомка, созданная руками Клэра, интриговала и притягивала взгляд. И, Проклятый меня побери, она мне очень нравилась, хотя я не могла понять, чем именно. Тина и Астен в один голос утверждали, что я такая и есть. Я лицемерно улыбалась и махала на них руками, но в глубине души мне было приятно.

Человеческое сердце устроено глупо, оно обязательно должно к кому-то прилепиться. До болезни я души не чаяла в Стефане, потом вроде бы избавилась от излишних эмоций. И на тебе! Не прошло и месяца, как я умудрилась привязаться сразу к трем эльфам! Именно нежелание огорчать новых друзей отказом и вынудило меня просидеть несколько дней кряду на пригорке, заросшем вереском, под пристальным взглядом Клэра.

Когда он впервые объявил о своем решении написать меня, мне стало смешно. Лучший художник Светорожденных берет за образец заурядную смертную! Но Клэр и Тина настаивали, и я сдалась. Не хотелось отказывать, они мне необыкновенно нравились. Оба.

Тина отличалась от большинства эльфиек удивительной скромностью в одежде. Она предпочитала серые и серебристые тона, что в сочетании с пепельными волосами и огромными, очень светлыми глазами делало ее почти бесплотной, как ускользающий утренний сон. Последняя Незабудка была на редкость застенчива, предпочитая блестящей стайке здешних аристократок общество Клэра и Астена. И еще мне казалось, она чего-то опасается. Зато ко мне эта необычная Светорожденная отнеслась на удивление дружелюбно. Более того, она первой предложила мне дружбу.

В один прекрасный день к Астену явился Клэр и привел жену, которая мне сразу же призналась, что настояла на их визите. Тине нравилось расспрашивать меня о людях, о том, что происходит за стенами Убежища. Слушала она, слегка склонив голову и широко раскрыв огромные глаза. Так смотрит ребенок, которому рассказывают волшебную сказку. Впрочем, так оно и было. Для запертого на зачарованном острове создания наш мир казался огромным, волнующим и непонятным, сама же Тина жила среди грез и нежности. Они с Клэром удивительно подходили друг другу. Их любовь была чистой, праздничной и необыкновенно трогательной. Мне казалось, остальные эльфы им немножко завидуют, кто – беззлобно, а кто, как прекрасная сестра Романа, не пытаясь скрыть свою ненависть.

Чем больше я узнавала красавицу Эанке, тем гаже становилось у меня на душе. Конечно, жизнь эльфов не имела ко мне никакого отношения, но я видела, что злобность этой женщины рано или поздно принесет беду. Взгляды, которыми она награждала меня, Клэра, Тину, даже собственного отца, кричали: змея вот-вот укусит, и укусит сильно. К несчастью, я держала свое мнение при себе, надеясь, что до возвращения Романа ничего не произойдет. За что и поплатилась, и если б только я...

По-моему, надежда – самое опасное чувство из имеющихся у мыслящих тварей. Именно надежда заставляет нас думать, что «пронесет», закрывать глаза на очевидное, обманывать себя и других и в конечном счете превращает любовь в ненависть, толкает на дикие ошибки, заставляет медлить там, где это смертельно опасно. Так и я. Понадеялась, что «обойдется»!

Ну что, в самом деле, могла сделать дочь Астена, когда все были друг у друга на виду? Она даже гадость сказать не могла, так как самолично приковала себя к допотопному эльфийскому этикету. А взгляды... Что ж, я наивно полагала, что взглядом убить нельзя.

3

– Тут я тебе не помощница. Мне эта особа нравится не больше твоего, но то, что ты затеяла, неблагоразумно. – Нанниэль Водяная Лилия с тревогой взглянула на Эанке. – *Он* (мать и дочь уже давно по молчаливому уговору не называли Астена по имени) сразу же догадается, кто это сделал. Тебе кажется, что ты овладела всеми тонкостями магии, но мужчины Дома Розы всегда превосходили женщин в этом искусстве. К тому же никто не знает, на что способна эта смертная. Вряд ли Рамиэрль привел бы ее, если б с ней не была связана какая-то тайна.

– Она неразлучна с Тиной, – в мелодичном голосе Эанке зазвучала сталь, – а Клэр взялся ее писать! Ее, на которую и с закрытыми глазами смотреть неприятно.

– Ты все еще ненавидишь Журавлей? – Нанниэль осуждающе покачала головой. – Это по меньшей мере неразумно.

– Клэр оскорбил меня. – Прелестно очерченный подбородок вскинулся вверх.

– Клэр всего-навсего тебя разлюбил, как и многие другие. Дочь моя, я никогда не вмешивалась в твои дела, но ты совершенно не умеешь вести себя с мужчинами. Они не любят женщин, столь явно демонстрирующих свое превосходство.

– Матушка, не думаю, что вы можете считаться благим примером. *Он* вас бросил, а другие, как я вижу, не спешат воспользоваться этим обстоятельством...

– Какая же ты жестокая... – Нанниэль рассматривала Эанке так, словно видела ее впервые. – И все же ты моя дочь, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Постарайся быть осторожной.

– Если я буду осторожной, я сгнию в этом отвратительном болоте! Мы тут только что не квакаем. Нет, или я найду дорогу туда, где можно жить настоящей жизнью, или меня похоронят.

Эанке вышла из комнаты, даже не придержав дверь. Нанниэль поправила волосы и вновь склонилась над рисунком. Еще не так поздно, и до вечера на серебристом шелке засверкают крылья двух или трех бабочек. Супруга Астена любила вышивать; когда она брала в руки иглу, все ее недовольство жизнью куда-то отступало. Исчезала даже досада на супруга и его брата. Некогда пренебрегший ее красотой, но продолжающий волновать душу Нанниэли Эмзар так и не женился, хотя свободных женщин в Убежище было немало. Нанниэль это печальное обстоятельство иногда раздражало, иногда обнадеживало. Если Эмзар свободен, то, возможно, когда-нибудь... Когда-нибудь, но не сейчас. Водяная Лилия тихонько вздохнула и вернулась к своему шитью, пытаясь вытеснить из памяти разговор с дочерью.

4

Эстель Оскора

Тина зашла за мной около полудня, и мы недолго думая отправились на прогулку к некогда зачарованному матерью Эмзара и Астена пруду, у которого опять же некогда жили Преступившие. Я давно хотела взглянуть на это место, кроме того, стоило проверить, не даст ли там знать о себе сила, каковой, если верить Пророчеству, я должна обладать. Порожденная

эльфийской волшбой и долгое время связанная с магией Преступивших Лужа могла эту Силу расшевелить.

Не расшевелила, а застывший на месте водного зеркала уродливый каменный горб мне ужасно не понравился. Даже не знай я, как и почему Примеро так поступил, один вид этого бугра вызывал неприязнь к магу, учудившему подобное. Это колдовство криком кричало о мелочности и пошлой злобе его сотворившего.

Пакости вечно ходят по следам друг друга. На обратном пути мы налетели на Эанке, стоявшую на изящном мостике через никогда не замерзающий, довольно глубокий ручей, берега которого поросли густым можжевельником. Нам требовалось на ту сторону, сестрица Романа это прекрасно понимала, но оставалась у нас на дороге с довольно неприятным выражением на прекрасном лице.

Это было досадно, но не более того. Мы могли спуститься вниз по течению до следующего мостика или перейти ручей вброд, благо здешние сапожки не скользили и не промокали. Тина улыбнулась и молча пошла по береговой тропинке, я за ней. Следующий мостик был довольно близко, но на нем в той же позе и с тем же нехорошим лицом стояла Эанке. Она явно искала ссоры, и именно поэтому я предпочла бы с ней не связываться – никогда не следует идти на поводу у того, кто тебя ненавидит, а она ненавидела нас обеих. Меня – потому что я была презренной смертной, Тину, как я поняла из отрывочных реплик Астена, за любовь Клэра. И ненависть эта оказалась взаимной. Обычно тихая и ласковая Незабудка внезапно переменилась. Я не успела ничего сказать, как Тина взяла меня под руку и решительно повела к мосту. Даже я своим слабым человеческим восприятием почувствовала напряжение, повисшее в звонком предзимнем воздухе. И не только напряжение. Откуда-то взялись светлые искры, окружившие меня и мою приятельницу облаком, как это делают летом лесные мошки.

Приглядевшись, я заметила, что искры разные. Одни, роящиеся во внешней сфере, были ясного, изумительно красивого синего цвета, но у меня почему-то вызывали отвращение. Другие, окружавшие нас плотным роем, светились нежно-желтым. Синие пытались прорваться к нам сквозь завесу желтых, но это им не удавалось. Пламенных мошек становилось все больше, и скоро я уже не могла рассмотреть того, что было снаружи. Откуда-то я знала, что, если синие доберутся до нас с Тиной, нам не поздоровится, но ничего поделать не могла и только смотрела то на светящийся рой, то на подругу. Тонкое лицо Тины было напряжено, губка закусена, на висках выступили бисеринки пота. Защита (а я уже поняла, что желтые искры – это наша защита), выставленная Тиной, давалась ей нелегко. Я вспомнила, что, по словам Клэра, его жена была необыкновенно одаренной волшебницей, но слабенькой. Поддерживать заклятие, требующее большой отдачи энергии, ей было трудно.

Тины вряд ли хватило бы надолго, но все кончилось так же неожиданно, как и началось. Синяя пакость просто исчезла. Тут же угасли и желтые пылинки, а Незабудка прямо-таки осела на мои руки. Удерживать ее было довольно трудно, но взявшийся невесть откуда Астен легко подхватил эльфийку на руки.

– На этот раз она доигралась! – Я еще ни разу не видела Астена разгневанным, и, надо сказать, это ему шло. Обычное мягкое рассеянное выражение исчезло. Идеальные черты обрели завершенность, силу, которой им раньше не доставало. Передо мной был не томный красавец, а боец, мужчина, и я невольно залюбовалась. Он же был занят лишь Тиной, и хорошо. Заглядывать на лебединых принцев с моей стороны было вопиющей глупостью.

Глава 4

2228 год от В. И. 10-й день месяца Звездного Вихря

Таяна. Высокий Замок

Арцийская Фронтера. Вольное село Белый Мост

1

Анна-Илана Годойя сидела на подоконнике, закутавшись в расшитую райскими птицами арцийскую шаль, и слушала, как стучит дождь. Монотонный, сильный шум вызывал дрожь, а нависшие над Геланью тучи, казалось, прятали что-то жуткое. Молодая женщина не могла избавиться от этого ощущения. Не могла, и все!

Она, никого и ничего не боявшаяся, в последние месяцы поняла, что такое страх. Нет, Илана боялась не мужа, не его бледных союзников, не молчаливых стражей-гоблинов. Последних она, пожалуй, даже любила. Она боялась будущего – весны, которая несла войну, неизбежного выбора, который ей предстоял, встречи с Рене и того, что ее может не быть и последним воспоминанием отчаянной горькой любви станет застывшее в голубых глазах презрение.

Если бы не Уррик, было бы совсем одиноко, так как тарскийцам Ланка не верила, а те таянцы, кто, спасая свои жизни и состояния, оставался при дворе, не верили ей. Что нобили, что слуги в глубине души презирали и ненавидели регента и его предательницу-жену. Уж в этом-то Илана не сомневалась. Днем ее это не волновало. Она была высокомерна и смела, а вызвавшие гнев герцогини долго жалели о своей неосторожности. Ночами, оставаясь одна, что в последнее время случалось все чаще, Илана вспоминала Высокий Замок таким, каков он был при отце и братьях, и начинала ненавидеть себя едва ли не сильнее обитателей служебных дворов. Женщина часами просиживала на окне, вглядываясь в тревожную темноту, и думала, думала, думала...

Михай, заставая ее на подоконнике, смеялся, и она смеялась вместе с ним. Искренне, с облегчением. Муж был уверен в себе, так уверен, что страх отступал, но Годой возвращался к своим делам, и все начиналось сначала. За это Илана мужа и ненавидела. Не за братьев, не за обман и даже не за то, что он ее все-таки укротил, раз за разом заставляя дарить то, что сама она предназначала другому. За власть нужно было заплатить, Ланка согласилась и получила, что хотела. Годой был с ней честен, был бы, если б защитил от тоски, если б не пропадал, оставляя ее наедине с дождем. Ланка мстила как могла за эти отлучки, заполняя их ласками гоблина, пока месть не срослась с привязанностью.

Уррик стал ей необходим не как послушное орудие или неутомимый нежный любовник, а как близкое существо, рядом с которым не так холодно. То, что она говорила молодому гоблину, приручая его, оказалось правдой. В полной мере Илана поняла это, когда Уррик вернулся с новостями, главными из которых было дошедшее до Эланда письмо и то, что Гардани жив. Илана всегда любила Шани и не забыла, как тот бросился ее защищать. Если бы она тогда уехала с Лайдой – все могло бы сложиться иначе. Только бы Шандер не узнал про Мариту, про то, как она и Михай...

Женщина раз за разом старалась выбросить из головы эти воспоминания, но они оказались сродни сорняку-ползучнику, который если уж завелся в огороде – пиши пропало. Известить его без магии нельзя.

Мужчины топят страх и недовольство собой в вине и в делах, женщины – в любви. Пылкость, с которой Ланка отвечала на страсть Уррика, возносила гоблина на высочайшую из вершин. Он был слишком счастлив, чтобы рассуждать о грехах или бояться возмездия. Ланка не

была столь простосердечна, и все равно она раз за разом открывала потайную дверь, потому что пожертвовать близостью Уррика не могла.

Колокол на ближайшей башне отзвонил четыре. Можно больше не ждать, Михай не придет. Как бы муж ни хотел ее видеть, он никогда не появлялся между четвертым часом и полуночью. В это время тарскиец занимался своими делами, о которых Илана не знала почти ничего. Михай и то ли служившие ему, то ли помыкающие им – она так и не поняла – бледные союзники были слишком сильны, и супруга регента не собиралась вступать в безнадежную схватку. Втравивший ее в политику господин Бо сложил голову в Эланде, сменивший погибшего господин Улло то ли не знал об их с Бо уговоре, то ли умело делал вид, что не знает. Договариваться с новым «капитаном» Ланка не спешила, продолжая надеяться на ответ из Эланда и стараясь забыться в радостях, которые жизнь дарит красивым, молодым и сильным. В десятый день Звездного Вихря самообладание ей изменило.

Анна-Илана чувствовала, что малейший толчок вызовет взрыв, чего допускать не следовало ни в коем случае. Ее будущая победа, а может быть, и сама жизнь зависели от умения молчать. Раньше, когда принцессу одолевали приступы ярости, она носилась верхом по окрестным полям, пока бьющий в лицо ветер не заставлял забыть обиду и почувствовать вкус к жизни. Сейчас этот проверенный способ не годился – разбухшая от ледяных дождей земля не позволяла пустить коня в галоп, да и выбраться из Высокого Замка она не могла. Ее мир сузился до размеров Высокого Замка. Ланка в бешенстве схватила блюдо кангхаонского фарфора и запустила им об стену. Бесценная вещица разлетелась вдребезги. Легче не стало. Женщина топнула ножкой в отороченной темно-рыжим мехом домашней туфельке и задумалась. Что ж, если не выходит ни с поездкой, ни с Урриком, а видеть придворные физиономии нет сил, она может прогуляться по замку. По *своему* замку. Гоблины – прекрасные стражи, но ни они, ни Годой не родились здесь и не догадывались о тайниках, с детства известных Илане и ее покойным братьям.

Лучше всех замок знали отец и Стефан, но и Ланка владела двумя-тремя секретами, среди которых был не только выход, через который она вывела Уррика, но и дверца в Каминном зале. За дверцей пряталась лестница, обвивавшая широкую каминную трубу и заканчивающаяся небольшой комнаткой без окон в самом верху Рассветной башни. В детстве принцесса частенько укрывалась там от докучливых наставниц, мать не раз делала ей на сей счет строгое внушение, но убежища не раскрывала – женщины семейства Ямборов традиционно блюли ведомые лишь им секреты. Теперь «отошедшая ко сну» жена регента вечерами принимала в тайнике любовника-гоблина, днем же она этим убежищем еще не пользовалась. Желание укрыться от рвущегося в окно дождя перевесило благоразумие.

Михай не отпустил от себя никого из таянских придворных – за исключением обвиненных в измене, – но в Коронных покоях не было никого. Времена, когда любой принятый в замке нобиль чуть ли не запросто входил к королю и принцам, канули в вечность. Нынче в личных комнатах, кроме самого регента с супругой, бывала лишь стража и те, кого Годой приглашал для беседы.

Илана нажала и одновременно повернула в разные стороны две розетки на каминной доске, и одна из панелей отошла, открыв проход. Женщина скользнула внутрь, ее никто не заметил.

Обычно Ланка взлетала по лестнице вверх, сейчас же поднималась медленно, размышляя о том, как объяснить свое отсутствие, если ее все-таки хватятся. Именно поэтому она и услышала приглушенные голоса, один из которых заставил ее вздрогнуть. Говорил Михай. Полгода назад гордая таянка пошла бы своей дорогой, сейчас же она не могла упустить открывшуюся возможность! И как она раньше не догадалась, что ее дорогая лесенка примыкает к бывшему кабинету отца!

Женщина приникла к шершавой стенке. Оказалось, что лучше всего слышно, если присесть на корточки и еще чуть-чуть пригнуться. Это было страшно неудобно, но игра стоила свеч – вслушавшись, она узнала и второй голос, принадлежавший господину Улло.

Собеседники были друг другом недовольны, чего и не пытались скрывать, однако понять, о чем они говорят, Ланка оказалась не в состоянии – оба несли какую-то тарабарщину.

– Прикажете спросить Всадников? – В голосе Михая чувствовались раздражение и сарказм. – Не сомневаюсь, они будут вам рады!

– Прекратите. Если бы вы оставили в покое эту кухонную девку, Он уже был бы среди нас. Не вам укорять нас в том, что псы Горды укрыли проклятого эльфа и вашу дочь.

– След потеряли вы, хотя кто-то заверял, что от Охотников даже кошка не укроется, не то что Темная звезда.

– Мы не приняли в расчет Горду. Не представляю, что разбудило стражей. Но, раз уж это случилось, они должны были уничтожить эльфа.

– Но не уничтожили. Если и другие ваши обещания столь же правдивы, я, пожалуй, обойдусь без вашей помощи. Наполняйте свои чаши сами.

– Вы лжете или нам, или себе. Нужно нечто большее, чем толпа гоблинов, чтобы совладать с Рене Арроем. Один раз вы уже попробовали это сделать.

– Вы тоже.

– Отнюдь нет – мы не ожидали, что он объявится в Идаконе после встречи с *вашими* людьми, но Аррой не главное. Нам нужна Эстель Оскора. Живая или мертвая.

– Ну так ищите.

– Мы ищем. Она может скрываться в Тахене или Кантиске, но, вероятней всего, ее дружок-эльф потащил ее в свое гнездо.

– Вам, я полагаю, хода туда нет?

– Нет, – признал господин Улло. И добавил: – Пока.

Ноги Ланки затекли, но она продолжала слушать...

2

Вторую неделю Фронтеру полосовали дожди. Жирная плодородная почва размокла, превратившись в отвратительное, чмокающее под ногами месиво, воздух пропитался влагой так, что постели в домах за день становились влажными. День немногим отличался от ночи, а утро от вечера, и если женщины еще пытались делать какую-то работу – ходили за скотиной, пряли, готовили, – то мужчины предпочитали пережидать ненастье в «Белой мальве».

Красотка Гвенда, после смерти своего слишком уж любившего покушать и выпить мужа единолично заправляющая харчевней, позднюю осень любила. Ей нравилось, что у нее собирается почти весь Белый Мост, что никто никуда не спешит, отдавая должное ее стряпне и особенно знаменитой царке, но в этом году Красотке было тревожно.

Да и что может быть хорошего, если по коронному тракту, у которого и вырос Белый Мост, ездят меньше, чем по проселку?! Ни купцов с товарами, ни весельчаков-либеров, ни местных, собравшихся в гости к таянским родственникам, ни таянцев, навещавших своих... Проклятуший Михай никого из Таяны не выпускал, а дураков, готовых лезть к Проклятому в зубы ради смутных барышей, не находилось. Фронтера оказалась медвежьим углом, краем света, причем опасным краем. Про то, что творится за Каючкой, говорили всякое и, как правило, шепотом. Хорошо хоть Кабаны топи, начинающиеся в половине дна пути, надежно прикрывали село от взбесившегося соседа, зато на тракт Гвенда поглядывала с опаской.

Известно, что кошки чуют землетрясения и заранее покидают опасное место. Кое-кто пошел еще дальше и утверждает, что трактирщики загоя чуют войны и всяческие безобразия и надежно прячут свое добро. Гвенда так и поступила. Друг и покровитель Красотки Рыгор

Зимний, то ворча, то посмеиваясь, помогал по ночам перетаскивать в Ласкаву пушу бочонки с царкой и вином, мешки с солью, сундуки со всяческим добром. Вещи побольше да подешевле Гвенда припрятала во дворе, оставив в доме только самое необходимое, а в придачу заставила Рыгора проделать потайной ход из дома в огород и устроить в заборе два тайных лаза. Последнее войт полностью одобрил, но дело было не в выдуманных Гвендой супостатах, а в ныне здравствующей войтихе, не оставляющей попыток поймать благоверного на горячем.

Впрочем, этим дождливым днем Рыгор заявился к коханке через дверь и законно занял – войт как-никак – самое лучшее место. Гвенда со своей всегдашней полуулыбочкой, от которой мужское население Белого Моста с четырнадцати до семидесяти годов бросало то в жар, то в холод, принесла блюдо с холодной свининой, моченые перцы, утренний хлеб и, разумеется, баклагу с царкой. Рыгор с достоинством принял вожделенный сосуд, нацедил себе в малую баклажку и приготовился наслаждаться, однако чарка остановилась, не омочив густых медно-коричневых усов. Дверь «Мальвы» со скрипом растворилась, и на пороге застыла странная фигура.

Мужчина (а это был мужчина) был мокрым с головы до ног, что, в общем-то, никого не удивило, так как хлестало будто из ведра. Станным было другое – человек этого, кажется, не замечал. Глупо помаргивая, он стоял на пороге, забыв закрыть за собой дверь. Сельчане тарасились на прищельца, но почему-то молчали.

Говорят, поганые вести метят того, кто их принес. Гости Гвенды не желали слышать ничего дурного и ни о чем не спрашивали. Наступила тишина, которой «Мальва» еще не знала. Только слышалось, как штурмует заклеенное на зиму окно дождь да бьется о стекла не уснувшая по недомыслию муха. Потом кто-то неуверенным голосом пискнул: «Антось!»

Это действительно был Антось Моравик из Укропных Выселок, деревеньки с самой таинской границы. Антось привозил в Мост мед и соты, выпивал чарку-другую в «Мальве» и возвращался назад. Не свой, но и чужим такого не назовешь. Только вот признать в этом взлохмаченном мокром человеке веселого, добродушного Антося было нелегко.

Рыгор вздохнул, понимая, что, как войт, должен взять все в свои руки, и поднялся.

– Входи, Антось! Чего ж на пороге маяться?

Тот вошел. Как-то боком, затравленно озираясь.

– Что трапилось?

Антось брякнулся на лавку, залпом осушив большую чарку лучшей Гвендиной царки. Не закусывая, налил еще одну, выпил половину и выдохнул:

– Никого нема!

Все переглянулись. Слова казались более чем странными. Как это никого нет? Где?!

Антось допил свою чарку и пояснил:

– В Укропках нема. Все кудысь подевались. И малые, и взрослые... Никого.

Мало-помалу Рыгор вытянул из бедняги, что тот, несмотря на дождь, отправился в пушу проверить капканы – вдруг какая дичина попадется. Так ли уж ему зайчатина понадобилось, или же неумогу стало сидеть в хате с женой, славящейся сварливостью на всю Фронтеру, но Антось сбежал в лес, который знал и любил. Проблуждав до темноты, охотник заблудился, чего с ним отродясь не случалось, и заночевал в лесу. Ему посчастливилось встретить дерево с огромным дуплом, где он благополучно проспал всю ночь. Утром сразу же набрел на нужную тропку и поспешил домой, на ходу сочиняя, что соврать хозяйке, так как правдивому рассказу она бы ни в жизнь не поверила. Врать не пришлось – дом оказался пустым. Как и вся деревушка. Добрых две сотни человек пропало, не заперев дверей, не забрав с собой ничего.

Если там и были какие-то следы, то словно бы сошедший с ума дождь все смыл. Ничего не пропало, разве что разом издохли все собаки. Не были убиты, а именно издохли, словно отравили.

Бедный Антось, ничего не соображая и даже не затворив дверей осиротевшей хаты, бросился к ближайшим соседям – на хутор Выстрычку, что лежал в полутора весах от Укропок. То же самое! Неизвестно, что бы стал делать сходящий с ума от ужаса и недоумения Антось, но, на счастье, ему подвернулась отвязавшаяся лошадь, на которую он взобрался и потрусил в Белый Мост, безумно боясь, что и здесь никого не найдет. Вывалив все это, гость выпил еще одну чарку и, ткнувшись лицом в высокобленный дубовый стол, громко захрапел.

– Нехай спит, – решил войт. – Ну, что кто думает?

Думали по-разному, но ничего хорошего. Самым простым было предположение, что Антось повредился в уме или перепил и ему все померещилось. Самым поганым – что все дело в таянской границе. Как бы то ни было, следовало что-то делать, и Рыгор решил съездить и посмотреть. Если Антось прав, остается одно – послать людей в магистрат, пусть выводит к Каючке своих вояк – даром, что ли, этих бездельников кормит вся округа?! А заодно пусть решает, кого тут звать: клирика али стражника.

Про второе свое решение – отправить кого-то тайком в Эланд, как советовал либер Роман, буде случится что-то необычное или гадкое, – Рыгор не сказал. Не время нынче говорить обо всем. И еще подумал, что его Гвенда – не только баба, каких больше нет, но и умница к тому же...

3

Лупе мысленно перебрала содержимое небольшого коврового мешка, в который она сложила лучшие Симоновы зелья и кое-какую одежду. Все имеющиеся в доме деньги женщина честно разделила на две части – одну спрятала в известное только им с деверем место, другую еще раз разделила пополам; половину убрала в нательный пояс, половину – в общую шкатулку для дурака Родольфа, когда тот вернется. Подумала и туда же сунула короткую записку, сообщающую, что уезжает к родным. Симон поймет, а супругу не обязательно. Больше делать было нечего – в доме чисто прибрано, вещи разложены по местам, сундуки и буфеты тщательно заперты. Леопина окинула прощальным взглядом опрятную залку и удивилась своему равнодушию к покидаемому дому. О хате в Белом Мосту она и то жалела больше.

Не было и восьми, но ненастный осенний вечер вполне мог сойти за глубокую ночь. Дождь мерно барабанил по крышам, стучал в окна, словно требуя, чтобы его впустили, ветер с воем носился по притихшим улицам, громыхая всем, что не озаботились как следует закрепить. В такую погоду даже самые ретивые стражники стараются закончить обход побыстрее, чтоб подольше просидеть в теплых караулах. Там, вопреки строжайшему наказу старших по званию, их ждало горячее вино с пряностями, заботливо приготовленное товарищами, рассчитывавшими на ответную услугу, когда придет их черед впустую таскаться по продуваемым проклятым ветром улицам. И в самом деле, кому придет в голову мысль по доброй воле выйти из дому эдаким вечером? На это Лупе и рассчитывала, потому что выйти из города без разрешения не мог никто. Вместе с тем до девяти пополудни ворота держали открытыми – все делавший по-своему регент почему-то помиловал это правило.

Маленькая знахарка собиралась пробраться к воротам и, пустив в ход магию, пройти через них на глазах не только опытных воинов, но и заведшихся в Таяне фискалов. На первый взгляд это пахло безумием, на второй... Всех, кто имел хоть малейшее отношение к магии, согнали в Высокий Замок. Это заставляло думать, что Михай творит волшебство, о которой никто не должен знать, следовательно, «синяки» Кристаллов Поиска не имеют. Конечно, у Михая есть свои колдуны, но маленькая колдунья рассчитывала, что у ворот им делать нечего.

Женщина еще раз припомнила тщательно выверенную дорогу – подальше от караулов и широких улиц, на которых, несмотря на погоду, трудятся фонарщики. Вроде бы все правильно, она придет к воротам за десятинку до закрытия, проведет пару часов в одном из заброшенных

сараев по ту сторону городской стены, перейдет тракт и уйдет в холмы, а к утру дождь смоем все следы.

Дальше Лупе не загадывала, но твердо знала, что не вернется ни в Белый Мост, ни в когда-то родную Мальвани. Начиналась война, и нужно было что-то делать. Чтобы отомстить за Шандера. Чтобы оправдать свое существование. Чтобы не сойти с ума...

Глава 5

*2228 год от В. И. 15-й день месяца Звездного Вихря
Пантана. Убежище*

1

– Смотрите, окна темной воды на белом кажутся провалами в вечность. Звездный Лебедь! Это зрелище завораживает своей жутковатой, болезненной красотой. – Клэр восторженно обернулся к своим закутанным в меха спутницам и сообщил: – Очень хочется рисовать...

– Так почему бы тебе этим и не заняться? – Герика улыбнулась художнику. – Я где-то читала или слышала, что каждый день неповторим. Завтра все будет пусть немного, но другим. Если желаешь остановить именно это мгновение, берись за дело немедленно.

– Жаль, у меня с собой далеко не все нужные краски... Я собирался сделать пару набросков с вас, милые дамы, а не писать пейзаж.

– Ты начинай, я принесу все, что нужно, – откликнулась Тина, – я знаю, где и что у тебя. Геро, ты со мной?

– Пожалуй, нет, – тарскийка одновременно весело и виновато посмотрела на подругу, – мне бы хотелось посмотреть, как Клэр работает. Когда он меня писал, я боялась пошевелиться, да и смотреть было велено в сторону. Клэр, если, конечно, я не буду мешать...

– Ну что ты, – эльф ласково улыбнулся, – когда я пишу, то не замечаю даже Тину, хотя она почти всегда сидит рядом.

– Решено! – Тина совершенно по-человечески чмокнула мужа в щеку. – Я принесу краски и чего-нибудь поесть. Если Клэр всерьез возьмется за дело, мы не уйдем отсюда до темноты.

Эльфийка тихонько засмеялась и побежала по змеящейся вдоль болота тропинке; ее серебристый плащ скоро скрылся среди густого ивняка.

Клэр устроился на высоком валуне, примостив на колени изящную доску с приколотым к ней белоснежным листом, и принялся за рисунок, то сосредоточенно хмурия брови, то мечтательно улыбаясь. Герика, закутавшись в подаренный Астеном эльфийский плащ, присела рядом, рассеянно следя за рукой художника. Стало необычайно тихо; казалось, пойдя сейчас снег, был бы слышен шорох падающих снежинок.

2

Эстель Оскора

Эльфы умели жить; во всяком случае, магия избавляла от кучи мелких неприятностей, сопровождающих нас, людей, от рождения и до смерти. Взять хотя бы эти их плащи, в которых можно спать на снегу, сидеть на замерзших камнях, падать в лужи... Будь на мне лучшая человеческая одежда, за несколько часов на оледеневшей земле я бы окоченела, а так я даже не замечала холода. Клэр тоже. Он самозабвенно рисовал, и на белом листе проступал загадочный серебряный лес, словно бы светящийся изнутри. Это было чудо, и я с детским восторгом наблюдала за его рождением.

Художник действительно не замечал ничего вокруг, я же, с восхищением следя за его руками, думала то об одном, то о другом. Мысли скакали со скоростью и непредсказуемостью белок, вытаскивая на поверхность то хорошее, то плохое, которого тоже хватало.

Как и когда в мое сердце вошла тревога, я не поняла. Дальний лес оставался все тем же просветленно-парящим, небо не уставало переливаться всеми оттенками серебра, которые Клэр прилежно ловил кистью, но ощущение покоя и умиротворения исчезло напрочь. Как отрезало. Наползала сосущая, отвратительная тревога и предчувствие беды. Я честно боролась с собой с четверть часа, но в конце концов не выдержала и окликнула Клэра. Тот обернулся с явной неохотой. Разумеется, молодой художник был воспитан по всем правилам сложнейшего эльфийского этикета, но улыбка на сей раз казалась не милой, а любезной. Да и какой художник потерпит, когда его бесцеремонно выдергивают из мира его фантазий!

Я видела, что Клэру хочется поскорее отделаться от меня и вернуться к картине, но тревога внутри меня трепыхалась с отчаяньем залетевшей в комнату птицы.

– Клэр... – Я почувствовала, как мой голос предательски дрогнул. – Клэр, готовится что-то страшное. Мы... Надо что-то делать!

– Что? – В лучистых серых глазах мелькнуло недоумение. – Ты об этой начинающейся войне или что-то другое?

– Нет, не о войне. – Я готова была проклясть его непонятливость и свое косноязычие. – Здесь что-то будет. Здесь. Сейчас. Я это ясно чувствую!

– Плохо дело! – На сей раз он понял и вскочил. Еще бы, к предчувствиям, снам и прочей дребедени эльфы относились с большим уважением. – С кем и что должно случиться?!

– Знала бы, сказала. – Я отчаянно злилась, но не на Клэра, а на себя, потому что совершенно не представляла, что на меня накатило. Чем-чем, а пророческим даром меня обделили, да и не смахивало то, что со мной творилось, на откровения, как их описывают в священных книжках. Просто сердце давила отвратительная тяжесть, и я не могла думать больше ни о чем. Я честно попробовала осмыслить свои ощущения, но не преуспела.

– Клэр, – наконец объявила я, – я не понимаю, что со мной. Но знаю, что это страшно.

– Хорошо, пойдем. – Художник принялся торопливо собираться. – Расскажем Эмзару или, если он занят, Астени.

Я согласно кивнула. Это было разумным решением, до которого я могла бы прийти и своим умом: братья-Лебеди слыли самыми сильными магами Убежища. Клэр наконец уложил свои драгоценные краски, и мы быстро пошли, почти побежали по узкой тропке, огибавшей край болота. Летом мимо нас проносились бы зеленые и голубые стрекозы, сейчас мне на щеку упала одинокая снежинка. Видимо, сорвалась с дерева. Клэр для эльфа шел не очень быстро, но я едва поспевала за его легкими текучими шагами. Мы не разговаривали, было не до того. А потом сдавивший мое сердце кулак разжался так же неожиданно и сразу, как и появился. Я перевела дух и хотела уж сказать своему спутнику, что тревога оказалась ложной, но слова застряли у меня в глотке. Клэр стоял, сжав пальцами виски, и был бледен, словно покойник, а на обычно безмятежном лице застыло такое отчаянье, что мне стало жутко. Я попробовала окликнуть его, он не услышал. Бросил свои краски вместе с начатым рисунком прямо в грязь и кинулся вперед. Я сразу же отстала – бегать наперегонки с эльфами могут разве что кони, но мой страх прошел, и я вновь начала соображать. Догнать Клэра я не могла, но я могла подобрать его вещи и продолжить путь к Эмзару. Если то, чего я боялась, уже случилось, мне в любом случае придется рассказывать о своих ощущениях. Кто знает, вдруг это какой-то новенький вид ясновидения? Должна же во мне быть хоть какая-то магия, иначе зачем бы меня тут держали?!

Я как могла быстро пошла по тропке и за первым же поворотом налетела на ту, кого хотела видеть меньше всего. На моем пути стояла Эанке Аутандиэль, отступать мне было некуда, прятаться не за кого. Эльфийка была вместе с мрачноватым эльфом, которого я видела мельком раз или два. На меня же красotka уставилась с тем непередаваемым выражением, с

которым благородная дама взирает на неожиданно оказавшуюся на ее дороге жабу. Утонченность не позволяет подобрать юбки и завизжать, падать в обморок нельзя – грязно, а не заметить не выходит. Что до меня, то я не нашла ничего лучшего, чем уподобиться вышеупомянутой жабе, а именно – сохранить полную невозмутимость. Мне нужно было вперед, и я шла вперед.

Правду сказать, я боялась. Очень. Я не забыла наше недавнее приключение, когда только магия Тины и своевременное появление Астена спасли меня от крупных неприятностей. Сейчас же я была совершенно одна, и Эанке со своим спутником могли творить со мной все, что угодно. Кстати, этот надутый красавец – я вспомнила, он был из Дома Лилии, от которого Астен советовал держаться подальше, – устался на меня так, будто я была не просто жабой, а жабой ядовитой, огнедышащей и в придачу ко всему ярко-фиолетовой.

Я продолжала упрямо идти прямо на них, а что мне еще оставалось? Вся моя сила заключалась в неясных слухах о моем якобы могуществе, слухах страшных и загадочных, но ничем не подтвержденных. Я чувствовала, как у меня по спине бегут мурашки, платье под плащом стало липким и тяжелым, но я шла, глядя прямо и чуть вверх на поднимающуюся над островам худеющую луну.

Когда я почти поравнялась с Эанке, та заговорила, и в ее голосе я ясно почувствовала свою смерть. Эльфийка приказывала остановиться и ответить на какой-то ее вопрос, я же продолжала идти, сосредоточившись на луне и повторяя про себя всплывшие в мозгу дурацкие ритмичные строчки, памятные еще по Тарске.

Как ни странно, Светорожденные расступились. Это испугало меня еще больше, но я продолжала маршировать не оглядываясь, так как оглянуться означало выдать свой страх. Да какой там страх – ужас. Я топала вперед, пока не налетела на кого-то, стоявшего посредине тропы. Ужас наконец прорвался наружу, я дико вскрикнула. У меня перед глазами все поплыло, и я потеряла сознание, к счастью, ненадолго. Придя в себя, я обнаружила, что пребываю в объятиях Астена, сосредоточенно вглядывавшегося в мое отнюдь не прекрасное лицо:

– Они что-то с тобой сделали?

– Нет, – честно ответила я, – просто я перетрусилась. Шла вперед, ничего не соображая, думала только о том, чтоб не оглянуться.

– Тут было чего испугаться. – В сумерках разобрать выражение лица было трудно, но голос Астена звучал устало и невесело. – Не появись я, они бы так просто тебя не отпустили. Как вышло, что ты осталась одна? Мы же договаривались, что прогулок в одиночку и даже вдвоем с Тиной больше не будет...

Разумеется, я ему рассказала все. Кажется, на этот раз у меня вышло довольно толково, во всяком случае, принц ни разу меня не перебил, разве что произнес короткое заклинание, и камень, украшавший тонкий серебряный обруч, который Астен последнее время носил не снимая, засветился мягким серебристым светом. От этого и без того грустное лицо эльфа приобрело вовсе потусторонний вид, как у святого со старой иконы. Я в своей способности в самый неподходящий момент думать Проклятый знает о чем поймала себя на мысли, что наши клирики где-то откопали старые эльфийские портреты и переделали в святые образа. Вряд ли люди, даже причисленные Церковью к лику святых, обладали той совершенной и как бы бесплотной красотой, какую они обрели на иконах. А для эльфов это было обычным делом.

Я невольно улыбнулась этой своей фантазии. Как ни странно, после обморока мне стало свободно и легко, словно страх, вызванный встречей с Эанке, и дурацкие предчувствия, охватившие меня на болоте, пригрезились в дурном сне. А реальностью были объятия Астена и его огромные ласковые глаза.

Нет. Так дело не пойдет. Он, конечно, хорошо ко мне относится, да и как иначе, раз об этом его просил родной сын, но эта его доброта не должна меня обманывать. Между Светорожденными и людьми не может быть ничего больше дружбы. Я невольно отстранилась от

Астена, который, разумеется, этого не заметил, он глядел куда-то в пространство. Такие лица бывают или у тех, кто молится, или у тех, кто творит заклęcia. Судя по всему, последним принц-Лебедь и занимался. Наконец он вздохнул и повернулся ко мне.

– Я нашел Клэра, он здесь, совсем рядом... Боюсь, ты была права, случилось самое страшное. Его мысли сейчас... как бы это сказать... – Эльф посмотрел на меня с выражением эландца, собирающегося объяснять жителю Атэва, что такое снег. – Дело в том, что я могу, нет, не понимать, это невозможно, но чувствовать мысли тех, кого знаю, если те не очень далеко. Мысли Клэра сейчас словно горячие уголья, к ним не притронуться, а мыслей Тины я не слышу. Никаких. С ней что-то случилось. Что-то непоправимое.

– Найдем их, – потребовала я. Ничего глупее придумать я не могла, но Астен кивнул золотистой головой.

– Конечно, найдем. Они где-то рядом.

Они действительно были рядом. В одном месте кусты боярышника росли не так густо, как везде. Зная этот лаз, можно было изрядно сократить путь с берега в поселение. Тина эту дорогу знала. Она возвращалась к нам с красками и корзинкой, в которой лежали все еще теплые хлебцы, вино и раскатившиеся теперь по маленькой треугольной полянке золотистые фрукты. Смерть, похоже, была мгновенной. Не магия, а стрела. Белоснежная эльфийская стрела, безупречная, как все, что создает этот народ. К несчастью, стреляют они так же безупречно.

Последняя Незабудка лежала, зарывшись лицом в припорошенную снегом траву. Она ушла туда, откуда не возвращаются. Клэр сидел рядом, бессмысленно глядя на рассыпавшиеся серебристо-пепельные волосы подруги. Он даже не попробовал ее приподнять, перевернуть, нас он тоже не видел. Астен внезапно прижал меня к себе и так же внезапно отпустил, почти оттолкнул, а затем подошел к Клэру и опустился рядом с ним на колени. Кажется, он что-то говорил – ветер относил слова, да и по-эльфийски я пока понимала лишь самые простые фразы. Если б один из законов Лебедей не гласил, что человеческая речь – речь земли и ее нужно знать, я бы здесь долго оставалась немой и глухой. Но сейчас, в миг наивысшего горя, эльфы заговорили на древнем языке, «языке Звезд».

Говорил, впрочем, один Астен. Клэр молчал, потом медленно поднял голову, и я отступила в тень. Это была трусость, но мы редко стремимся взглянуть в глаза тому, кому уже не помочь.

Как выяснилось, трусила я совершенно зря. Мой друг меня не узнал, да и не мог узнать. Я редко думала об Астене как о маге – слишком уж мягким и спокойным он казался. Даже давешняя история с Эанке и та не заставила меня почувствовать не умом – умом я все понимала, – а глубинной сутью, что брат Эмзара мало тому уступает. Сейчас принц что-то сделал с осиротевшим Клэром, что-то, притупившее боль. Художник двигался словно в тумане, явно не осознавая, ни где он, ни что с ним. Астен встал с колен и легко поднял Тину на руки, совсем как тогда, когда избавил нас от жутковатых синих искр.

– Помоги, – отрывисто бросил он, и я послушно принялась собирать рассыпавшиеся вещи Последней Незабудки, присоединив их к краскам Клэра. – Да нет же! Бери Клэра за руку и веди, а это... Это сейчас никому не нужно.

Я молча сложила фрукты и краски под разлапистым кустом и сжала пылающие пальцы. Клэр этого не заметил.

Назад мы шли молча. Астен чуть впереди. Мягкий свет его обруча освещал тропинку, так что споткнуться я не боялась. Клэр покорно шел за мной; у меня было странное ощущение, что я веду с собой не взрослого мужчину, а олененка на уздечке. Стемнело; деревья, обступившие нас, были совсем черными, и только небо в крупных холодных звездах поздней осени еще отсвечивало темной синевой. Я брела как в бреду, дорога до поселения, обычно недлинная, растянулась до бесконечности. И опять мне показалось, что за мной следят какие-то странные,

ни на что не похожие глаза. Не со злобой и не с любовью, а как-то оценивающе. Так смотрят на лошадь, прикидывая, стоит ли на нее ставить, или это будет пустой тратой золота.

3

Это был пересказ легенд и преданий, записанных еще до Войны Монстров по прихоти его матери, королевы Лебедей, и вот теперь Эмзар сосредоточенно вглядывался в страницы манускрипта. Он знал эту книгу, сколько себя помнил, но до недавнего времени полагал, что за всеми этими историями не стоит ничего или почти ничего и они могут быть интересны разве что жадному до чудес детскому уму или поэту. Но над Таррой поднимался ураган безумия, и местоблюститель Лебединого трона вспомнил о «Фиалковой книге». Оставалось отыскать в куче изысканной словесной шелухи зерно истины. Дело не двигалось, и Снежное Крыло был почти доволен, когда юноша из Дома Ивы взволнованно, но строго по этикету доложил, что глава Дома Розы Астен Кленовая Ветвь просит аудиенции.

Гадая, что могло понадобиться брату, Эмзар поспешил в Зал Лебедей. Астен стоял у окна, тонкие пальцы нервно теребили кисти занавесей. Тратить время на приветствия он не стал, а устало опустил в кресло у стола и буднично произнес:

– Только что убили Тину.

Яркие голубые глаза местоблюстителя широко раскрылись, но лицо осталось спокойным.

– Кто?

– Уверен, Эанке и ее приспешники, но уверенность не есть доказательство. Никакой магии. Стрела в спине. Лук, из которого она выпущена, полагаю, уже покоится в болоте, должным образом обработанный. Заклинание сродства нам ничего не даст.

– Ты рассказывал про нападение Эанке на Тину. Я должен был понять...

– Ты не мог понять, – Астен безнадежно махнул красивой рукой, – тогда это была лишь отвратительная каверза. Девушки несколько недель проходили бы с опухшими лицами. Согласен, это неприятно, особенно женщине, но не смертельно. Это не слишком переходило границу прежних выходок моей дочери, но убийство! Это уже серьезно. Я уж не говорю о том, что станет с молодым Клэром...

– А где он?

– Я держу его в Серых Грезах.

– Боюсь, – Эмзар тряхнул темными волосами, отбрасывая назад выбившуюся из-под серебряного обруча прядь, – долго оставлять его в таком состоянии нельзя. Он не только потерял свою любовь, он – художник, а художник, задержавшись в Грезах, может там и остаться.

– Я не видел другого выхода. Надо было отнести Тину домой, сообщить тебе, позаботиться о Герике, собрать родных... Я боялся, что Клэр может что-то сделать с собой или... совершить какое-то безумство.

– Убить Эанке?

– Хотя бы. – Синие глаза Астена стали на удивление жесткими. – Возможно, смерть моей дочери необходима для спасения клана, но Эанке слишком сильна в магии.

– То есть ты не был уверен, что Клэр выйдет победителем? – Голос Эмзара стал резким. – Неужели ты думаешь?..

– Сейчас самое время попробовать захватить власть и вырваться из мира Тарры с помощью Лебединого камня. И я не уверен, – Астен взглянул в лицо брату, – что эта попытка окажется безуспешной, ведь защиту, если я правильно понял то, что рассказал Рамиэрль, будут ломать с обеих сторон. Мы, возможно, и уйдем, но те, кто ворвется сюда через открытую нами дверь, не оставят Тарре даже надежды...

– Не думаю, что нас отпустят. – Эмзар тяжело вздохнул, и на его лице, прекрасном, не знаящем возраста лице Светорожденного, вдруг проступили следы прожитых столетий. – Я

пытаюсь разобраться в том, что мы считали детскими сказками. Силы, что затаились по ту сторону барьера, безумно голодны. Им все равно, что за добыча идет к ним в пасть – эльфы ли, люди или же, охорони Великий Лебедь, грязные гоблины. Ты всерьез полагаешь, что у Эанке есть сообщники?

– Дом Лилии всегда с нежностью смотрел на трон. Собственно говоря, у них на дороге лишь мы с тобой и Рамиэрль. Эанке отдаст свою руку Фэриэну, который из династических соображений будет готов какое-то время терпеть ее норы. Вместе они попробуют заполучить Камень и, кто знает, вдруг сумеют его подчинить...

– Все это так, хотя другие Дома вряд ли на это согласятся.

– Ты забываешь, как все сейчас напуганы. Эльфы не слепы, хоть иногда и кажутся таковыми. Стараниями Эанке и Примеро с его предсказаниями все поняли, что Тарру не ждет ничего хорошего. Мы здесь чужие, не живем, а прозябаем. Так почему мы, Светорожденные, должны погибнуть вместе с остальными, когда появился шанс уйти? В Убежище многое изменилось. Даже за последние месяцы...

– Я все же не думаю, что дело зашло так далеко, – Эмзар машинально поправил и так безупречно лежащие складки туники, – но все равно я не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать Тину? Как вообще это случилось?

– Как я понял из рассказа Герики, они забрались на мыс Светлячков. Клэр рисовал, Герику смотрела, а Тина побежала за красками и едой на всех троих. На обратном пути ее застрелили. Небезынтересна одна подробность. Герику внезапно почувствовала необъяснимую тревогу и потащила Клэра назад. Когда Тину убили, они были почти рядом. Клэр сразу же почувствовал несчастье, а вот Геро, напротив, испытала облегчение. Кстати, она встретила на тропе Эанке и Фэриэна.

– И они ее выпустили?

– Да, но не думаю, что они этого хотели. Эанке ненавидит Геро, к тому же та видела их в очень неподходящем месте. Но в Убежище моей гостьи немного опасаются, а девочка повела себя очень умно. Она шла прямо вперед, словно ее врагов вовсе не существовало.

– Ты говоришь так, словно видел все своими глазами.

– А я действительно видел. – На мгновение лицо Астена озарилось улыбкой, тут же, впрочем, погасшей. – Они растерялись, когда поняли, что Герику не собирается ни останавливаться, ни отступать, а потом... Я дал понять своей дражайшей дочери, что не допущу ни убийства, ни чего-либо еще.

– Тебе тоже стоило бы поостеречься, брат. – В голосе Эмзара чувствовалась неподдельная тревога. – Не думаю, что родственные связи служат сегодня хорошей защитой.

– Я тоже не думаю, – сверкнул глазами Астен, став удивительно похожим на своего спутавшегося с людьми сына, – но она мне ничего не сделает. Пока. Просто потому, что я сильнее и ее, и Фэриэна.

– Как знаешь, – с сомнением протянул правитель, – хотя на твоём месте я все же проявил бы осторожность. Не представляю, что же нам теперь делать. Надо изобличить убийцу, но, ты говоришь, это невозможно?

– Боюсь, что так. Тина убита в спину, вряд ли видела, кто стрелял, так что даже если ты рискнешь...

– Я рискнул бы, будь хотя бы один шанс, но они недаром воспользовались обычным оружием, а не магией. Тут ничего не поделаешь. Постой! – Эмзар в волнении хлопнул ладонью по полированной столешнице. – Я понял! Нас сбила с толку ненависть Эанке к Тине и ее первое нападение... Стрела предназначалась Герику. Они были убеждены, что Тина, как всегда, смотрит, как рисует муж, а у Герики такая же накидка.

– Верно, – согласился Астен. – А девочка не так проста, как кажется с первого взгляда. Она почувствовала, что против нее что-то готовится. Разумеется, когда они сочли Геро мерт-

вой, напряжение спало и ее, как она сама говорит, «отпустило». Все сходится. И то, что они не ожидали никого встретить, – Клэр бы еще не скоро ушел с мыса. И то, что они обомлели, увидев Герику живой и невредимой, и, видимо, решили, что она сильнее, чем им казалось.

– А зачем ты сам пошел на берег? – неожиданно осведомился Эмзар.

– Я? – Кленовая Ветвь чуть смущенно улыбнулся. – Я хотел скоротать с ними вечер и догадался, где они могут быть...

– С ними? – приподнял соболиную бровь старший.

– С ними, – твердо ответил Астен. – Что будем делать?

– Хоронить Тину. Приводить в чувство Клэра. Разбираться в том, кто и чем дышит и на кого можно положиться. Многие из тех, кто готов был слушать Эанке, теперь призадумаются. Незабудку любили, ее единственный враг известен. Надеюсь, Рамиэрль скоро вернется, а нет, будем договариваться и с Кантиской, и с Эландом сами. Хватит сидеть в болотах! – Эмзар встал. – А теперь идем к Клэру.

– А Герику? – в упор спросил Астен.

– Герику придется держать за семью замками. Покушение может повториться.

– Я позабочусь о ней.

– Я в этом и не сомневался, – ухмыльнулся местоблюститель Лебединого трона. – Ты безусловно о ней позаботишься.

4

Эстель Оскора

Я второй час сидела на покрытой бархатистой вишневой тканью скамье в бывшей спальне Тины и держала за руку Клэра, как мне и было велено. Эльфы приходили и уходили, на нас они смотрели с сочувствием и какой-то опаской. Клэр пребывал в полной прострации – заклятие Астена, похоже, мог снять только сам Астен, а может, родичи художника и Тины полагали, что чем дольше Клэр пробудет в сумеречном состоянии, тем лучше.

Последнюю Незабудку унесли закутанные в желтое⁴ женщины ее семьи. Я не представляла, как эльфы обряжают своих мертвецов, но отчего-то мне казалось, что их обычаи не так уж сильно отличаются от наших. Скорбь есть скорбь, и смерть есть смерть, перед ними все равны. Астен куда-то исчез, и я не знала, что делать дальше. Очень хотелось пить... Даже не пить, а выпить вина или чего-то в этом роде, но хозяева ко мне не подходили, позвать же кого-то я не решалась и точно так же не решалась оставить Клэра, хотя рука затекла, а в голове шумело.

Я вглядывалась в отрешенное лицо и гадала, что же будет, когда он придет в себя. Они любили друг друга. Я в первый и, возможно, в последний раз видела, как это бывает, когда любовь взаимна и лишена даже налета грязи, лжи, подозрений. И снова причиной несчастья оказалась я. Я, и никто другой. Пойди я с Тиной или вместо нее, она бы осталась жива. Все пошло бы по-другому, и если бы я сразу же послушалась внутреннего голоса, а не воевала с собой, упуская драгоценное время, если б заставила Клэра немедленно пойти на поиски... Хотя я не представляла, что опасность грозит именно Тине.

Наконец дверь распахнулась, и вошли Астен и Эмзар в непривычных для меня белоснежных, отделанных серебром одеяниях. Очевидно, для эльфов это что-то означало, так как все как по команде усталились на своего правителя. И опять мне почудилось, что Эмзар похож на кого-то, кого я прекрасно знаю, но память предпочитала дразнить меня туманными намеками.

⁴ У эльфов траурная одежда желтого цвета – цвета увядающих листьев.

Астен подошел ко мне, высвободил руки Клэра из моих, зачем-то поцеловал меня в лоб и, забыв о моем существовании, повел Клэра за собой. Все или взволнованно следили за ними, или с тревожным интересом оглядывались на спокойно расположившегося у окна Эмзара, за плечами которого стояли два телохранителя с обнаженными мечами, – такого я в Убежище еще не видела. Впрочем, это были их обычаи и их заботы, а я оставалась крошечной чужой.

Я молча вышла из осиротевшего Журавлиного гнезда и побрела по залитой лунным светом тропинке назад к краю Пантаны. После всего этого кошмара мне не хотелось ни сидеть в четырех стенах, ни разговаривать. Об Эанке я не думала; боюсь, в моем мозгу вообще не осталось ни одной мысли, даже самой глупой. Над болотом клубился туман, образуя причудливые фигуры. Пронизанные лунным светом, они казались живыми. Мир был поделен на два цвета. Белый и черный. Черное небо с белой луной. Белое болото с черными провалами незамерзающей воды, над которыми танцевали туманные столбы, черные стволы деревьев, черные росчерки высохшего тростника и белый, белый иней...

Не знаю, сколько я так просидела. Затем, словно бы из ниоткуда, возник Астен. Наверное, ему тоже захотелось уйти от всех, а я заняла его излюбленное место на стволе сломанного давнишней бурей бука. Принц-Лебедь кивнул мне и, плотнее закутавшись в серебристый плащ, превращавший его в почти невидимку, уселся на землю в тени ивняка. Мы молчали, да и о чем мы могли бы говорить? Стареющая луна медленно ползла среди холодных звезд. Было до невозможности тихо, а потом раздался шорох, и рука Астена столкнула меня с бревна на припорошенные робким первым снегом смерзшиеся листья. Я ничего не успела толком понять, а эльф уже лежал рядом, прикрывая меня собой. Затем он приподнялся на локте, и тут нас окружило огненное кольцо, отделив от окружающего мира. Ревущее пламя стягивалось вокруг нас. Я повела себя вполне в своем духе, а именно застыла в изумлении, а вскочивший на ноги Астен сплетал и расплетал пальцы, что-то выкрикивая. Его усилия увенчались успехом. Лепестки огня перестали тянуться к нашим лицам, они устремились вверх, малиновое свечение сменилось ярко-синим, и мне показалось, что я внутри колодца, стены которого сделаны из раскаленного летнего неба.

Я так и не поняла, сколько мы просидели в огненном плену. Вернее, это я сидела у ног Астена, а он стоял, удерживая огонь на расстоянии, и время от времени ободряюще мне улыбался. Затем пламя вновь стало меняться – передо мной пронеслись все цвета радуги, потом огонь стал белоснежным, как крыло лебедя в солнечном свете, и внезапно погас. Мы вновь стояли на поляне на краю болота, но уже не одни. Эмзар и с ним десяток эльфов с беспокойством всматривались в наши лица.

– Все в порядке. – Астен пытался улыбнуться, но, когда он сделал шаг вперед, его повело в сторону, и я невольно подхватила его под локоть.

– Вас пытались убить. – Эмзар не столько спрашивал, сколько утверждал.

– Не меня – ее. – Астен кивнул в мою сторону. – За ней, похоже, следили. Я подошел позже, с другой стороны... Они меня не видели, иначе... Иначе не пустили бы в ход это заклятье... Но они его держали долго. Во всяком случае, достаточно, чтобы от нее не осталось даже пепла.

– Что ж, придется вспомнить, кого не было в этот вечер в Доме Журавля. Или кто ушел оттуда сразу же за ней. – Эмзар взял меня за руку. – Идем.

Я повиновалась. Да и что мне оставалось делать? Не появившись Астен, я была бы уже мертва, что не было бы такой уж большой потерей, если б не развязывало руки, рога, или что там у него есть, Белому Оленю. Как это ни печально, моя жизнь нынче принадлежала не мне.

Я давно так себя не ненавидела. Из-за охоты, которую развязали за мной какие-то твари, гибли те, кто достоин жизни и счастья, а я даже защитить себя не могла. Тоже мне Эстель Оскора, «право выбора» и так далее! Что я могу выбрать, если магии во мне не больше, чем в лягушонке? Я подавленно молчала, пока мы шли к Лебединому чертогу, пока Эмзар и Астен

сосредоточенно проверяли заклѣтия и расставляли стражей. Наконец мы остались одни. В обитой серебристым атласом комнате было тепло, даже жарко, а у меня зуб на зуб не попадал. Со стороны это, видимо, выглядело печально, потому что Эмзар плеснул в кубок какого-то зелья, что-то ему шепнул, отчего кубок окутало рубиновое сияние, и велел мне выпить.

Я опять повиновалась. Положительно, в этот вечер я не была способна делать что-то осмысленное. Снадобье оказалось горьковатым и пахло чем-то, напоминающим полынь с примесью меда. Дрожать я перестала, зато у меня подкосились ноги, и я буквально упала в подставленное Астеном кресло, словно со стороны глядя на двоих эльфов, темноволосого и златокудрого. Без сомнения, решалась моя судьба, но мне было как-то безразлично.

Глава 6

*2228 год от В. И. 16–17-й день месяца Звездного Вихря
Пантана. Убежище
Малый Корбут*

1

Запад оставался чистым, но с севера медленно и уверенно наплывали тяжелые тучи, обещающие снег. Роман не был знатоком Корбутских гор, но прекрасно помнил, что Гремиху и Лисий хребет, которые немногим севернее, в эту пору уже заметает. Зима внушала надежду; пока звездный Иноходец не проломит копытом лед, во Фронтеру и Внутренний Эланд не пройти, а значит, он может успеть отыскать Эрасти.

Эльф-разведчик придержал Топаза, невольно залюбовавшись открывшимся видом. Дальше на восток не забирался никто из известных Роману людей или эльфов. Гоблинские поселения должны были лежать в стороне от его пути, а след Уанна давно потерялся. Эльф огляделся еще раз – вполне подходящее место для ночлега. Ему повезло, что он наткнулся на эту речку, вверх по течению которой можно проехать верхом. Больше всего Роман страшился дня, когда придется или расстаться с лошадьми и пешему углубиться в незнакомые зимние горы, или повернуть назад. И то и другое было губительно. Выжить в одиночку без магии в Последних горах в месяц Копьеносца не по силам даже гоблину. Вернуться, не дойдя до Места Силы, не узнав, что с Уанном, означало крах всего предприятия, а вспоминая раз за разом события лета и осени, Роман убеждался, что он должен отыскать Эрасти, знавшего и о Пророчестве, и о Белом Олене, и об Эстель Оскоре...

Теперь Роман сожалел, что не взял с собой Герику. Несмотря на былую изнеженность и непригодность, она казалась подходящим спутником, к тому же Эрасти должен увидеть Эстель Оскору. Конечно, Эмзар и отец о ней позаботятся, но Эанке... Рамиэрль не то чтобы ее боялся, он просто понимал, что сестра опасна и что для Герики будет лучше оказаться от нее подальше.

Привычно устраивая лагерь и возясь с лошадьми, эльф думал о том, что ему предстоит. Соглашаясь идти вместе с Примеро и остальными, он не слишком задумывался о дорожных тяготах – впереди ждал Уанн, а рядом шли маги. Теперь он остался один.

Рамиэрль не сомневался, что поступил правильно. Он не мог допустить, чтобы Примеро завладел кольцом. Либер отнюдь не был уверен, что маленького волшебника постигнет судьба осквернителя кантисского храма. Там сработала ловушка, подготовленная самим Проклятым, а вот способно ли себя защитить кольцо как таковое... Рассказа о печальной судьбе Амброзия было довольно, чтобы напугать Эанке, но Примеро настойчивее и опытнее, а его желание завладеть талисманом росло с каждым часом – уж это-то Роман видел. Так же как и то, как за прошедшие месяцы изменился Примеро, словно бы дорвавшийся до одного ему известного источника силы. Растущее как на дрожжах могущество сделало мага-недомерка несносным; он, конечно, пытался сдерживать свой норов, но благие намерения пропадали втуне. Брюзжание и придирки становились невыносимыми, но на третий день после их встречи Примеро успокоился, и это было намного хуже.

Роман насторожился, подметив на маленьком остром личике блаженную ухмылочку. Либер знал главу Преступивших не первый год и понимал: подобное выражение могли вызвать лишь мечты о власти. Именно тогда Роман почувствовал, что допустить Примеро к Месту Силы нельзя. Либер ругал себя за спешку и за выпрошенную у Прашинко помощь, без которой он бы опоздал к сроку и преспокойно отправился бы на поиски Уанна. Подвела привычка дер-

жать слово, и Рамиэрль растерялся, едва ли не в первый раз в своей жизни разведчика. Заставить девятерых Преступивших повернуть он не мог, вести их вперед, повинаясь зову кольца, не хотел. Он ничего не имел против могучего Туриса или целителя Кэря, но Примеро слишком долго жил среди Светорожденных, ежедневно ощущая свое убожество.

То, что маг завидовал эльфам, Роман понял давно, но до истории с Лужей это его не волновало. Разведчик считал Примеро мнительным, но не злобным. Теперь же Роман твердо знал, что маг его ненавидит. За все. За то, что Рамиэрль Звездный Дым при рождении получил все дары, присущие его народу, – бессмертие, красоту, способность к высшей магии. За то, что родился в семье принца. За то, что был волен приходить в Убежище и покидать его. Наконец, за то, что именно он, Нео Рамиэрль, отыскал талисман Проклятого. Теперь эта ненависть рвалась наружу.

2

– Вам придется воспользоваться магией, трясинники на снегу оставляют слишком заметные следы, да и в эту пору на них нельзя положиться, они просто спят на ходу. – Эмзар озабоченно потер переносицу. – Боюсь, это не последний раз, когда тебе придется прибегать к волшбе.

– Но и не первый, – откликнулся Астен. – Похоже, пора вспоминать то, чему нас когда-то обучили из любви к традициям.

– Жду тебя назад не позже чем через пять недель. – Эмзар строго взглянул на брата. – Ты нужен мне *тут*, запомни это.

– У меня хорошая память, – спокойно откликнулся младший, – но пока меня не будет, я хотел бы, чтоб рядом с тобой был Клэр... Ему сейчас тяжело.

– А я ему предоставлю достойное развлечение? – Снежное Крыло невесело рассмеялся. – Но вообще-то ты прав. Его нельзя оставлять одного, но и меня тоже. Одиноким правитель – мертвый правитель, особенно в эпоху великих перемен. И все равно не задерживайся у Архипастыря и не волнуйся – о Герике он позаботится лучше, чем кто бы то ни было.

– Человеческая Церковь прекрасно умеет убивать, – пожал плечами Астен, – не хуже, чем наши собратья...

– И она же великолепно умеет прятать концы в воду. – Взгляд Лебединого владыки стал отрешенным, будто он припомнил нечто, известное лишь ему. – Приходится признать, что мы своего обещания выполнить не смогли. Сохранить жизнь Герике нам пока удалось, но третий раз ты можешь не успеть. Не сомневайся, мы правы, отсылая ее в Кантиску, но мне не нравится, что с ней идешь именно ты.

– Не нравится, потому что я тебе сказал про Эфло д’огэр? Ты не хуже меня знаешь, что расстояния и предосторожности в этом случае не спасают. Все, что мы можем, – пойти навстречу судьбе.

– Наша мать так и поступила. Астени, я никогда не говорил, что ты для меня значишь?

– Не говорил, – Астен через силу улыбнулся, – но я знал. И ты тоже знаешь. Теперь мы можем считать, что все нужно сказано. Герика с Клэром?

– Да, он должен провести ее к берегу.

– Похоже, – Астен взглянул на расшитое звездами небо, – они уже на месте. Пора.

Снежное Крыло согласно кивнул. Провожать Астена он не пошел – место правителя было здесь, в ставшем вдруг бесконечно пустом и холодном чертоге. Делом Эмзара было спрятать следы уходящих в Синей Тени, он не мог позволить себе увидеть собственными глазами, как его единственный брат исчезает в лунном свете вместе со своей тревожной спутницей. Эмзар догадывался, что Астен возвращаться не намерен, и не в силах остающегося было что-либо

изменить. Местоблюстителю Лебединого трона подавил вздох и склонился над мерцающим синим кристаллом – сегодня ему потребуется все его умение...

3

Позавчера они как раз устраивались на ночлег. Осторожность требовала передвигаться быстро, но скрытно, поэтому магия для облегчения тягот пути по общему уговору не применялась. Кто знает, как стерегут Последние горы, а обнаружить следы волшбы мог бы самый простенький Кристалл Поиска в руках глупейшего из «синяков». Конечно, непохоже, чтобы те забрели так далеко, но рисковать не стоило.

Роман обтирал верного Топола, когда его окрикнул Кэрль. Эльф искренне любил целителя за добрый нрав и невозмутимость, но на сей раз бородастая физиономия мага казалась озабоченной.

– В чем дело, эмиго? – сочувственно осведомился Роман, любовно ероша черную блестящую гриву. Кэрль молча протянул руку. Удивленный таким поведением, Роман честно ее пожал и почувствовал у себя в кулаке некий предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся кристаллом кастеора. Эльф оторопело уставился на лиловый огонек, бешено трепыхавшийся в сером кристалле. Так вот оно что! Недозволенная волшба, причем невероятно сильная и очень близко.

– Примеро? – Задавая вопрос, Роман уже знал ответ.

– Он. Поганец знает подноготную каждого из нас. Укрыть волшбу от своих просто, но того, что я прихвачу такую вот игрушку для начинающих, он не предусмотрел. Это его вечная беда. Он никогда не мог предусмотреть все, потому-то в свое время нам и пришлось бежать... Ну да сейчас не до старья. Я наблюдаю за ним второй день. Он чего-то или кого-то ждет, и мне это совсем не нравится.

– Мне тоже, – согласился Роман. – Предательство?

– Похоже на то, – кивнул головой Кэрль, – так что лучше бы тебе, дружок, немедленно убраться куда подальше.

Роман оторопело уставился на целителя.

– Куда я пойду и зачем?!

– Мне этого знать не стоит. Думаю, туда и затем, куда ты и шел. В конце концов, Эрасти звал тебя, а не целый выводок волшебников, из которых половина метят в боги. Примеро ошибается, когда думает, что знает о нас все. Мы с Турисом не так просты, как кажемся, нам есть чем удивить и его, и тех приятелей, которых он себе раскопал, но это наше дело. Дело Преступивших. А твое дело не здесь и не с нами.

Одной из привычек Романа было принимать решения немедленно. Эльф не просто поверил Кэрлю, но всем своим существом понял, что маг прав. Зима надвигалась, и нужно было успеть перейти горы до большого снега.

– Вижу, ты согласен, – пробасил Кэрль. – Лошадки при тебе. Седлай, и вперед! Я не желаю знать, куда ты двинешь, но до утра о твоём уходе никто не прознает. А если все пойдет как надо, то и до вечера.

Роман молча взнуздывал возмущенно фыркнувшую Перлу. Кобыла не то чтобы устала, но настроилась на приятную ночь в обществе Топола и все еще вкусной травы горного луга. Однако чувство долга возобладало, и Перла покорно позволила навьючить на себя сумки.

– Может быть, уйдем вдвоем? – Вопрос был изначально бессмысленным, но не задать его бард не мог.

– Нет, – спокойно ответил Кэрль. – За Примеро нужен присмотр. А ты, если я хоть что-то понимаю, скоро нагонишь Уанна. Вы вдвоем сделаете больше, чем мы вдесятером. А если не сделаете вы, то никто не сделает.

Рамиэрль больше не спорил. Спустя десятинку Топаз легким галопом неся к золотым осенним лиственницам, оседлавшим пологий склон ближайшей горы.

Прошло десять дней. Либер не знал, что случилось с теми, кого он оставил, хотя на второй день бегства и уловил всплеск магической энергии в той стороне, откуда приехал. В одном Роман не сомневался – его собственные следы, что обычные, что магические, запутаны так добротню, что обнаружить беглеца можно лишь по воле случая. Это было бы просто великолепно, знай он, где Уанн и что ему, Рамиэрлю, сейчас делать.

4

Было еще темно, когда три фигуры в мерцающих, подобно инею, в лунном свете плащах остановились на окраине Пантаны. Кстати поваливший крупный снег сшивал небо и землю торопливыми неряшливыми стежками. На открытом месте наверняка начиналась немалая метель, но в лесу еще было тихо – густые ветви сдерживали ветер.

– Вы уходите в первый день Истинной Зимы, – тихо сказал тот, что был повыше. – Помоему, это означает...

– Это ничего не означает, – откликнулся второй. – Время примет кончилось. Они хороши, когда все идет, как заведено от века.

– И все-таки, Астен, – первый, казалось, вернулся к прерванному разговору, – подумай еще раз. Что мне делать в Убежище? Мне тут каждое дерево напоминает о беде. А без тебя Эмзар остается как без рук... Для всех будет лучше, если с Геро пойду я.

– Нет, Клэри, – Астен говорил тихо, но уверенности в его красивом голосе хватило бы на десяток кардиналов, – ты должен остаться и пережить свою боль. Только тогда ты станешь тем, кем должен стать. И потом, ты пока не знаешь того, что знаю я, а рисковать Герикой нельзя. В Убежище за ней охотились одни, за его пределами найдутся другие. Я не удивлюсь, если они уже где-то рядом и, несмотря на все усилия Эмзара, нам придется драться. Я пока еще лучший боец, чем ты, – Дом Розы всегда славился боевой магией... Ну и наконец, я похож на своего сына, к которому внешний мир привык, а твоя внешность неизбежно повлечет пересуды. Держать же изменяющее заклятие – значит скрываться от людей, но криком кричать магам о том, что рядом творится Недозволенная волшба... Нет, Клэр, идти должен я.

– Но почему? – впервые подала голос женщина. – Почему Клэр не может идти с нами, если ему тяжело оставаться?

– Потому, – резко сказал Астен, – что кто-то должен быть рядом с Эмзаром. Клэри единственный, кому я могу верить до конца. Он не мог убить Тину, а значит, покушаться на тебя.

– Я поняла, – кивнула головой женщина. – Будем прощаться.

Все трое откинули капюшоны, подставив лица падающему снегу. Слов не было. Клэр бережно поднес к губам руку тарскийки, та в свою очередь провела тонкими прохладными пальцами по бледной щеке эльфа и, закутавшись в плащ, пошла по еще не замеченной тропе. Мужчины, оставшись одни, какое-то время стояли и смотрели друг на друга, после чего обнялись совершенно по-человечески, и Астен быстро зашагал вслед за Герикой. Клэр долго смотрел им вслед, потом стряхнул снег с плаща и медленно побрел в Убежище.

Глава 7

*2228 год от В. И. 17–20-й день месяца Звездного Вихря
Пантана. Убежище*

1

– Мне кажется, за нами кто-то идет. И довольно давно.

– Может быть, Клэр все же решился?

– Нет, он обещал охранять Эмзара, а Дом Журавля верен слову чести. К тому же это не эльф... И, пожалуй, не человек... – Астен остановился у необъятного бука, так, чтобы Герики оказалась между стволом дерева и его спиной. Деревья, особенно старые буки, сосны и березы, могут защитить от достаточно сильной колдовской атаки. Не говоря уж об ударе мечом или стреле. За себя Астен не опасался. В мире нашлось бы не так уж много магов, способных с ним потягаться, а легкий меч, который он захватил с собой, в руках принца-Лебеда превращался в грозное оружие.

Герики спокойно стояла там, где ее оставили. Если она и испугалась, то не подала виду. Впереди лежала узкая ложбина, по которой летом наверняка тек ручей. Теперь же она сияла девственной белизной. Темное грузное небо только подчеркивало девственную чистоту снега.

– Было бы обидно получить стрелу в спину в таком приятном месте, – прошептал Астен. – Ты ничего не чувствуешь?

– Нет, – шепотом откликнулась тарскийка, – ничего. По крайней мере, ничего опасного. Напротив, мне кажется, сейчас случится что-то... очень славное.

– Вот как? – отозвался ее спутник, снимая руку с эфеса меча. – Постой все же тут.

Протянув вперед руки с раскрытыми ладонями в древнем, как сама Тарра, мирном жесте, эльф сделал шаг от спасительного ствола... Герики с любопытством, но без какой бы то ни было тревоги наблюдала за спутником. Вскоре ветви можжевельника зашевелились, пропуская огромную рысь в роскошном зимнем наряде. Зверь с достоинством уселся на снегу, совсем человеческим жестом приподняв переднюю лапу.

– Преданный! – В голосе Астена был не вопрос, а утверждение. – Он, видимо, ждал тебя здесь всю осень. Ты ведь все еще носишь браслет?

– Да, – кивнула женщина, выходя из своего укрытия.

Рысь сидела неподвижно, не сводя желтых тревожных глаз с подруги Стефана. Собака на ее месте принялась бы суматошно прыгать, оглашая окрестности восторженным лаем, Преданный же изображал из себя изваяние, пока Герики не опустилась перед ним на корточки, робко коснувшись пятнистой шкуры.

– Ты знаешь, я ведь его почти забыла... Мне казалось, у меня, кроме Романа и вас троих, нет никого... А он меня искал... Если это магия, давай его отпустим, пусть идет в свой лес... У него ведь наверняка была своя жизнь.

– Боюсь, это невозможно. Преданных освобождает только смерть. И потом, они довольно быстро становятся в чем-то подобны своему господину. Эта рысь уже не совсем зверь. Она понимает куда больше самого умного пса или коня.

Астен присел рядом с Герики.

– Я ее друг. Так же, как и ты. – Точеная рука эльфа легла на голову дикого кота; тот на мгновение зажмурился, потом издал короткий хриплый звук и извечным кошачьим жестом потерся пушистым плечом о куртку Астена.

– Значит, ты меня принимаешь? Мы с тобой должны проводить ее туда, где она будет в безопасности. Если со мной что-нибудь случится, это сделаешь ты.

Они никогда потом об этом не говорили, но и Герике и Астену показалось, что Преданный кивнул.

2

Эстель Оскора

Мы уходили все дальше. Я, Астен и нашедший нас Преданный. Впереди меня ждало туманное гостеприимство его святейшества, позади остался кто-то, желавший моей смерти, а я была почти счастлива, живя лишь сегодняшним днем. Мои спутники, похоже, разделяли мои чувства. Иногда мы начинали резвиться в снегу, как щенки или, учитывая природу нашего третьего товарища, как котята. Дорога не была трудной: Астен прихватил с собой множество волшебных мелочей, сводивших неудобства нашего похода на нет. Хватало и взятой в Убежище питьевой воды, а Преданный взял на себя обязанность снабжать нас зайцами и рябчиками, каковых и добывал по ночам с удивительной ловкостью. Занятно, но он явно предпочитал испеченное на углях мясо сырому.

Шли мы быстро, но эльфы, похоже, забрались в один из самых диких уголков Пантаны. Кроме нескольких лесных деревушек, которые мы обошли десятой дорогой, следов человека не наблюдалось. Зато зверья было в изобилии. Однажды мы нарвались на танцующих под луной волков, которые нас то ли не заметили, то ли не обратили внимания, а вот я навсегда запомнила их грациозные прыжки в лунном сиянии. Мне внезапно захотелось стать волчицей и всю жизнь бегать плечом к плечу со своим волком по заснеженному лесу, загонять для него дичь, ощущая на губах солоноватый привкус крови, и не думать ни о чем...

– Что с тобой? – Астен тряс меня за плечо с озадаченным видом, я в ответ только рассмеялась. Он подумал и присоединился ко мне. Мы смеялись, как два дурачка, вдали пели волки, загадочно улыбался месяц. Я хорошо помню эту ночь, потому что она оказалась последней спокойной. Мы долго сидели у костра, разговаривали ни о чем и обо всем. Я узнала, что Астен однажды уже покидал Убежище, что он никогда не был счастлив с Нанниэлью, которая его также никогда не любила. Лебедь говорил много, лихорадочно быстро, словно боялся чего-то недосказать. Преданный ушел на охоту, мы были совершенно одни. И внезапно я поняла, что небезразлична этому бессмертному красавцу. Нет, он не сказал мне ничего и вместе с тем сказал все. Если мужчина начинает исповедоваться перед женщиной, это значит, что или он пьян, или эта женщина ему нужна. А чаще всего и то и другое...

Вернулся Преданный, волоча за собой молоденькую косулю. Жизнь жестока по определению, но в дикой жестокости нет грязи, подлости, предательства. Преданный от рождения был наделен правом убийства, а его жертвы изначально получали право на трусость, ибо для них трусость – единственный щит от когтей и клыков.

Но те, кто, по уверениям Церкви, получил от Триединого бессмертную душу, все запутали. Эльфы тут оказались ничуть не лучше людей. Может быть, красивее, умнее, изначально одареннее, но проклятие выбора, цели, средств, совести они несли так же, как и мы. Поэтому мы могли понимать друг друга, а значит, ненавидеть. Или любить...

Любил ли меня Астен? Любила ли я его? Пока еще нет, но, если наше путешествие продлится, может случиться все, что угодно. Впрочем, до Кантиски было не так уж и далеко. Скоро мы выберемся на тракт, где можно купить лошадей. И придется решать, как быть с Преданным, который в Святом граде был бы весьма неуместен. Но пойдет ли он в Убежище с Астеном?

– Вряд ли. Он должен быть с тобой. – То ли я думала вслух, то ли мы думали об одном и том же...

– Должен?

– Ты носишь браслет Стефана. Его долг – защищать тебя.

– А я не могу его уговорить пойти с тобой?

– Нет. Он умнее любого зверя, но он еще не человек. Он знает только свой долг и будет ему следовать.

Мы помолчали. Разговор не клеился. Так всегда бывает, когда неотложных дел нет, а говорить о ерунде, думая о слишком многом, – значит лгать. Костер горел, звезды медленно ползли по небу, зима правила свой бал. Засыпали подо льдом реки, увязали в снегу деревья, становились непроходимыми горные перевалы. Зима давала передышку всем...

– Астен, – окликнула я своего спутника, и тот немедленно обернулся, словно ждал моего вопроса, – как ты думаешь, что я, в сущности, такое? И что я должна сделать?

– Я не знаю...

– Я не спрашиваю тебя, что ты знаешь, – внутри меня неожиданно поднялась какая-то веселая злость, – я хочу знать, что ты думаешь.

– Что я думаю? – Эльф повторил мой вопрос, видимо собираясь с мыслями. – Я думаю, это твой жребий, и ты должна его нести, пока можешь. И даже дальше. Я пытался отыскать в тебе что-то необычное и не смог. Но это вовсе не значит, что этого нет. Сила может пробудиться, когда ты столкнешься с магией существей, которые захотят подчинить тебя своей воле. Или когда тебе будет грозить опасность, или когда ты, сама того не зная, исполнишь какое-то условие.

– Но когда на нас с Тиной напала Эанке и там, у Пантаны, я ничего не смогла...

– Меня это удивляет, но магия тех, кто был до нас, нам известна очень плохо. Может быть, чары, которыми пронизано Убежище, ее гасят. Приведшие нас в этот мир Светозарные уничтожили прежних его хозяев, а значит, магия Света может свести на нет «подарок» Оленя.

– Тогда почему вы его боитесь?

– Потому что он плоть от плоти Тарры, а мы лишь пришельцы, причем неразумные, – с нарочитым смешком откликнулся Астен. – Давай лучше поговорим о тебе. Ты спокойно общаешься с нашими поделками, в каждую из которых вложена магическая сила, ты уже освоила парочку заклятий. Это значит, что у тебя есть способности к волшебству и что ты нам не враждебна.

– Но откуда?... – Я не договорила, но принц-Лебедь все понял.

– Эльфийская магия, смешанная с магией талисмана Проклятого, оказалась смертоносной не для тебя, а лишь для того существа, которое ты носила в себе. Это оно было воплощенным злом. Ты же, скорее всего, можешь стать и злом, и добром, и зависит это лишь от тебя. Большого я не знаю и, наверное, не хочу знать.

3

Тихо-тихо падал снег. Невесомые сверкающие пылинки совершали церемониальный танец в длинных полосах лунного света, превращая его в ожившее кружево. За окном царила зимняя ночь во всем своем безжалостном великолепии, а в Зале Лебеда пылал камин, и на столе в кубках дымилось подогретое вино.

В креслах у огня сидели двое и тихо разговаривали. Это был бесконечный разговор, из тех, что ведут лишь живущие одними тревогами и надеждами. Местоблюститель Лебединого трона, старший сын последнего эльфийского владыки Эмзар Снежное Крыло вел неспешную беседу со своим новым советником Клэром Утренним Ветром. С той ночи, когда погибла Тина, а Герику с Астеном ушли в никуда, Клэр жил в Лебедином чертоге. Родичи, опасавшиеся за рассудок и жизнь художника, постепенно успокаивались – правитель заставил Клэра загнать в самые отдаленные уголки души боль потери. О чем они говорили, никто не знал – разрушить защиту, которой отныне окружил себя Эмзар, было по силам разве что великим магам древно-

сти. Недавно доступный Лебединый чертог превратился в зачарованную крепость, и Убежище это восприняло как должное.

После смерти Тины эльфы, словно бы очнувшись от тысячелетней летаргии, соизволили посмотреть вокруг и обнаружили, что мир готов рухнуть. Древние и при этом вечно юные создания оказались к такому не готовы. Кроме, пожалуй, местоблюстителя, как-то сразу взявшего все в свои руки. Эмзара слушали – ведь когда наступает час решения и час действия, мало кто готов взять груз на себя.

Нашлись, разумеется, и такие, кто считал, что Эмзар должен увести свой народ из обреченной Тарры, но поскольку сами они не представляли, как это сделать, то и требования их звучали достаточно вяло. Что думал сам Эмзар, не знал никто, но вид у принца был такой, словно ему все ведомо и он ко всему готов. Это успокаивало. К несчастью, уверенность старшего из Лебедей была умелой игрой. Снежное Крыло не представлял, ни что ему делать, ни чем все может кончиться. Всю тяжесть положения знали только он и Клэр. Похоже, именно это знание и спасало последнему жизнь и рассудок.

Этот вечер обещал стать одним из тех, когда собеседники в тысячный раз перебирают уже известное в надежде отыскать просвет, но судьба в лице молодого воина из Дома Ивы уже маячила на пороге.

– Правитель, – Ариэн Нарсиэль учтиво склонил голову, – вас желает видеть супруга вашего брата.

– Проведи ее в малый кабинет. – На лице Эмзара не дрогнул ни один мускул. Воин вышел. Эмзар подбросил в огонь несколько еловых шишек и задумчиво добавил: – Не представляю, что ей понадобилось, но радости эта встреча нам не принесет.

– Нам? – удивился Клэр. – Я вовсе не хочу видеть... Я...

– Нам, – перебил правитель. – Я понимаю, что она мать Эанке. Именно поэтому нужно ее выслушать.

Клэр больше не возражал. Вдвоем они поднялись по обвивающей белоснежную колонну лестнице в башенку, где правитель предпочитал вести доверительные беседы. Нанниэль уже ждала.

При виде местоблюстителя женщина присела в положенном реверансе, но ее вид не отвечал требованию даже самого незатейливого этикета – губы Водяной Лилии дрожали, из всегда безукоризненной прически выбилась прядь, падающая на белоснежную шею, но Нанниэль, это похоже, не тревожило. Впервые в жизни.

– Я рад вас видеть. – Эмзар поцеловал тонкую, украшенную одиноким кольцом руку. – Как я понимаю, что-то произошло.

Нанниэль указала взглядом на Клэра, и деверь спокойно объяснил:

– Клэр из Дома Журавля со вчерашнего дня мой *одро*⁵. *У меня от него не может быть тайн.*

Нанниэль не стала ни на чем настаивать. Взглянув в глаза деверю, она произнесла отрывисто и четко:

– Она ушла.

– Кто? – уточнил Эмзар, уже не сомневаясь в ответе.

– Моя дочь и ваша племянница. Я обнаружила это лишь сейчас, когда зашла к ней. Она не ложилась в свою постель уже две ночи. Эанке Аутандиэль взяла свои артефакты, оружие и... – тут голос Нанниэли дрогнул, – драгоценности Дома.

⁵ **Одро** – звание, которое носит наперсник, доверенное лицо владыки. Звание это не является придворной должностью или титулом и принимается только с согласия будущего одро, который заявляет о том, что готов разделить судьбу своего господина и друга, какой бы она ни была.

– Она оставила письмо? – Эмзар говорил спокойно, но на душе у него было гадко и становилось все гаже. – С ней кто-то есть?

– Она не оставила ничего, что могло бы объяснить ее намерения, – почти прошептала жена Астена. – Я узнавала... Я думаю, с ней Фэриэн, но я не уверена.

– Что ж, сударыня, – правитель коснулся руки невестки, – вы рассказали все, что знали. Теперь идите и отдохните.

– Но, – она вскинула измученные, но от этого еще более прекрасные глаза, – я не знаю, что она может совершить. Она... Боюсь, она безумна...

– Идите домой, – повторил Эмзар, – я буду думать. И действовать. Это мое дело. Ариэн вас проводит.

Нанниэль торопливо подобрала синий плащ и, не оглядываясь, вышла, почти выбежала. Эмзар повернулся к Клэру.

– Вот и началось.

– Что ты намерен делать?

– Для начала обойти остров. Если у них хватило глупости его покинуть, надо сделать так, чтобы они не смогли вернуться.

– Выходит, ты рад, что она ушла?

– Рад. И одновременно в ужасе. – Эмзар задумчиво повертел в руках изящную подставку для перьев, а потом бросил ее на стол, да так неудачно, что ни в чем не повинная вещица свалилась на изысканный золотистый ковер. – Как правитель, я до безумия рад, что змеи избавили нас от своего присутствия. Останься они тут и начни разговоры о том, что Светорожденным нет дела до смертных, что мы должны спасать себя и так далее, у нас могли бы быть крупные неприятности. Но я боюсь, Клэр... Они не просто так ушли. Они замышляют убийство.

– Но... Я не понимаю...

– Я должен тебе сказать, что Тина, – Клэр при звуках этого имени вздрогнул, как от удара, – Тина была убита по ошибке. Эанке нужна Эстель Оскора. А я отпустил их с Астени вдвоем!

– Звездный Лебедь! Я так хотел пойти с ними, – простонал Клэр, – но, может быть, еще не поздно!

– Поздно, Клэри. Эанке опережает нас больше чем на сутки. Гнаться за ней почти бессмысленно. И потом, ни ты, ни я не можем покинуть Убежище, а открыть тайну кому-то еще... Я не уверен, что моя племянница увела с собой всех своих сообщников.

– Но Астен – твой брат...

– Да. А Герика – его Эфло д'огэр, – Эмзар сжал кулаки, – и все равно я вынужден предоставить их самим себе. От нас тут ничего не зависит. Может быть, их не найдут. А если найдут, справиться с Астени непросто. Да и судьбу Эстель Оскора вряд ли кто может угадать. Они вступили на свою дорогу, и они пройдут ее до конца, а как и когда он наступит, нам знать не дано.

– Хорошо, – вздохнул Клэр, – пусть будет так. А что будем делать мы?

– Готовиться к походу. Весной вспыхнет война, и клан Лебеда примет в ней участие на стороне Эланда и Кантиски.

Глава 8

*2228 год от В. И. 27-й день месяца Звездного Вихря
Большой Корбут
Озерная Пантана. Босха*

1

Солнце еще не показалось над зубчатым горным гребнем, но света, чтобы провести коней узкой горной тропой, Рамиэрлю хватало. Хвала Великому Лебедю, дорога для лошадей пока годилась. Топаз шел спокойно, но Перла упрячилась, и Роману все чаще приходилось останавливаться и уговаривать кобылу сделать еще шаг.

– Честное слово, дорогая, – не выдержал наконец эльф, – я начинаю подозревать, что в твоём роду был осел. – Перла обиженно повела ушами, но с места все же сдвинулась.

Зимнее утро в Корбутских горах выдалось красивым, но неудобным. Было очень ясно и очень холодно, и Роман знал, что чем выше они поднимутся, тем будет холоднее. Собственно говоря, настоящий подъем он начал вчера, а до этого петлял по долинам рек и ручьев, стараясь отыскать для перехода место поудобнее. Прав ли он оказался в своем выборе, покажет самое ближайшее будущее. Пока тропа, по которой они шли, была вполне проходимой и вела в нужном направлении, но вот от Уанна по-прежнему не было ни слуху ни духу, хотя Рамиэрль не сомневался – когда маг-одиночка сочтет нужным, он его отыщет. Пока же нужно просто идти вперед.

Если не начнутся зимние вьюги и не придется бросать лошадей, путь через Большой Корбут может занять пару месяцев, после чего он окажется в тех самых Ларгах, про которые много наговорено и написано, но точно ничего не известно. Кроме того, что туда ушел и там сгинул Эрасти Церна, а Циала смогла вернуться. Если же за первой горной цепью встанут вторая и третья, а некоторые источники утверждали именно это, придется зазимовать, снегопады отрежут дорогу не только вперед, но и назад...

Громкий лай оторвал эльфа от ставших привычными мыслей и расчетов. Оскорбленная собачьей неучтивостью Перла не выдержала и пронзительно заржала. Уже почти рассвело, и эльф видел не красноватый контур живого существа, а самого пса. Очень крупное животное, размерами сравнимое с эландским волком. Светлая, с бежеватым отливом шерсть, пушистая и густая. Темно-коричневые «чулки» и маска на морде. Уши обрублены, а у пастушеских племен существует обычай рубить собакам уши, чтобы в них не мог вцепиться волк. Значит, собака пастушья... Это могло быть и хорошо – горцы наверняка знают дорогу, и плохо – если хозяева пса окажутся недружелюбными.

Эльф ожидал, что за первой собакой последуют другие. Если поблизости деревня или стадо, их должна охранять целая свора, но пес был один. Собака подлетела пушистым вихрем, она явно устала – светлые бока ходили ходуном, язык свешивался из открытой пасти чуть ли не до земли, не скрывая тем не менее отменных клыков. Либер стоял спокойно, на всякий случай положив руку на рукоятку кинжала, но пес нападать не собирался. Он даже не стал обнюхивать незнакомца, а до лошадей и вовсе не снизошел. Отчаянно виляя хвостом и то лая, то тоненько поскуливая, волкодав совершил несколько кругов вокруг Романа, немного отбежал в ту сторону, откуда пришел, и оглянулся, уставившись на барда. Тот продолжал стоять, с удивлением наблюдая за собачьими выходками.

Убедившись, что двуногий торчит на месте, пес бросился назад, но на этот раз не кружил вокруг, а встал напротив Романа, несколько раз громко пролаял, отступил два шага и вновь

подал голос. Либер начал понимать, в чем дело, когда собака вновь прыгнула вперед, вцепилась зубами в край плаща и, пятясь, потащила эльфа за собой.

– Так ты меня куда-то зовешь? – осведомился бард. – Там твой хозяин? Ему нужна помощь? Ну, пошли...

Как только эльф сделал первый шаг, пес опрометью помчался назад, затем остановился, коротко взлаял, словно бы умоляя поспешить, и вновь кинулся вверх по склону. Дорога была нетрудной, и Роман вскочил в седло – кто знает, вдруг тут и впрямь промедление смерти подобно. Если же там окажутся враги, то четыре ноги лучше двух. Но никаких врагов не обнаружилось.

Не прошло и получаса, как собака привела всадника к обрыву и, жалобно скуля, застыла на краю. Спрыгнув на землю и зацепив поводья коней за ксати подвернувшийся еловый выворотень, Роман заглянул вниз. Дно пропасти терялось в тумане, снизу отчетливо доносился грохот потока, но на глубине в три или четыре человеческих роста виднелся небольшой выступ, на котором он заметил мертвую косулю – в ее шее торчала черная стрела. Но главным было не это – на туше зверя неподвижно лежал человек.

– Так вот в чем дело, – обратился Роман к собаке, так как больше обратиться было не к кому. – Вы охотились, подбили серну. Та свалилась вниз, твой хозяин полез за добычей и тоже упал. Думаешь, он жив?

Волкодав в ответ что-то проскулил, с нетерпением наблюдая за манипуляциями Романа,ковырявшегося в седельных сумках в поисках длинной и крепкой веревки, которая, разумеется, оказалась на самом дне. Собака прекрасно понимала смысл происходящего, так как больше не пыталась привлечь внимание. Роман осмотрел края пропасти, прикидывая, где бы закрепить веревку. В одном месте обнаружился след от недавно выпавшего камня: здесь несчастный охотник пытался спуститься или неудачно привязал ремень. Так и не найдя подходящей глыбы, Роман решил довериться Топазу, не раз выручавшему хозяина в его многочисленных странствиях. Подведя жеребца к обрыву и велев не сходить с места, эльф прикрепил веревку к задней луке седла, сбросил плащ и верхнюю меховую куртку, оставшись в походной одежде из замши.

Спуск с помощью веревки для опытного разведчика был делом совершенно заурядным, и вскоре бард стоял на небольшой каменной площадке рядом с распростертым телом. Первым делом он ощупал затылок упавшего и выяснил, что шею тот, по крайней мере, не сломал. Рука упавшего была гибкой и теплой, что обнадеживало.

Прикинув, как это сделать половчее, эльф рывком перевернул разбившегося и чуть не вскрикнул от инстинктивного отвращения – перед ним лежал гoblin. Не так давно Роман на месте бы прикончил мерзкую тварь или, из уважения к собаке, оставил бы умирать самостоятельно, ибо каждому эльфу известно, что гoblinы есть зло в его чистейшем проявлении и само их дыхание оскверняет Свет и Творца. Но после столкновения с Всадниками, разговоров с Рене о темных и, самое главное, после мимолетного знакомства с Урриком Рамиэрль стал смотреть на Ночной народ более благожелательно. Грубая звероподобная внешность гoblinов не могла не отталкивать, но они были такими же разумными существами, как и любая другая раса. Среди них, безусловно, встречались и жестокие, неумолимые убийцы, про которых со смаком повествовалось в старинных эльфийских хрониках, но и создания, способные любить и обладающие мужеством и своим кодексом чести, тоже случались. В последнем Роман убедился на личном опыте.

Эльф встал на колени и принялся осторожно ощупывать пострадавшего. Тот, кстати, оказался совсем еще мальчиком. Лицо еще не украшали обязательные для каждого гoblinа длинные висячие усы, да и фигура отличалась юношеской хрупкостью. Закончив осмотр, Роман пришел к выводу, что бедняга здорово ударился головой, хоть тушка косули и смягчила удар. Зато нога была явно сломана. Впрочем, и тут могло быть хуже – суставы оказались целы, да

и перелом оказался закрытым. Решив, что сначала надо вытащить раненого из пропасти, а потом уже приводить в чувство, объясняться и думать, что делать дальше, Роман принялся за дело. Соорудив из конца веревки петлю, бард перехватил ею раненого под мышками, проверил, хорошо ли держится, затем внимательно оглядел скалу.

Либеру доводилось только с помощью двух кинжалов подниматься по сложенным из гладко отесанных камней стенам. Раздираемая же корнями растений, обдуваемая горными ветрами скала изобилвала трещинами, и взобраться по ней не составляло никакого труда. Вскоре Роман уже стоял наверху. Пес встрепенулся было, но, увидев, что спаситель один, вновь улегся. Негодник понимал, что его друга не бросят, а мешать сейчас ни в коем случае нельзя.

Роман еще раз глянул вниз – вроде никаких выступов и нависших камней. Можно поднимать. Топаз, повинувшись голосу хозяина, начал медленно пятиться, веревка натянулась, неподвижное тело поплыло вверх. Роман лежал на краю пропасти, свесившись чуть ли не до пояса, готовый каждый миг перехватить веревку или приказать Топазу остановиться, но все прошло благополучно. Подхватив раненого, эльф бережно положил его на загодя расстеленный плащ, куда немедленно перебрался и пес, принявшийся «умывать» бесчувственного хозяина. Эльф немного подумал и спустился вниз еще раз – за косулей. Не пропадать же добру!

Когда он кончил возиться с тушей, спасенный уже пришел в себя и, опираясь на собаку, даже умудрился сесть, хоть лицо его и морщилось от боли.

– Ты говоришь по-арцийски? – Роман старался произносить слова как можно четче и медленнее, но с тем же успехом он мог трещать, как сорока. Юный гоблин явно не знал ни одного из известных Роману языков и наречий.

2

Высокая, закутанная в светлый плащ фигура уверенно и ловко скользила между деревьев. Рядом, как пришитые, двигались два свирепого вида белых пса, чуть впереди рыскала небольшая охотничья собака. Тоже белая.

Охотник двигался очень тихо – не скрипел под его сапогами снег, не шуршали раздвигаемые ветви, но подобраться незаметно к намеченной цели ему все же не удалось. Навстречу бежавшей впереди собаке вышла огромная рысь и встала, нехорошо оскалив клыки. Псы замерли, готовясь к бою, однако хозяин их придержал. Очевидно, решил начать дело с разговора. Воткнув в землю посох, увенчанный вырезанной из кости головой оленя с мерцающими опаловыми глазами, Охотник негромко, но властно позвал:

– Герика Годойя! Тебе пора возвращаться!

Ждать долго не пришлось. Высокая женщина в эльфийском плаще появилась немедленно, словно ожидала зова. Встала рядом с рысью, положила левую руку на холку зверю. Тихий с хрипотцой голос прозвучал лениво и равнодушно:

– Мне не важно, кто ты и по какому праву пытаешься мне приказывать. Я свободна и не собираюсь возвращаться.

– Ты отвергаешь Зов Ройгу? – В интонациях прищельца чувствовались угроза, уверенность в своих силах и, пожалуй, удивление. – Однажды ты ослушалась, и произошло то, что произошло. На этот раз ты покоришься сразу.

– Я думаю иначе, слуга Прошлого. Нам не по дороге. Идем, Преданный.

Женщина повернулась и не спеша пошла в глубь леса. Охотник раздраженно выдернул посох и что-то негромко сказал собакам. Два белесых чудовища, пластаясь в воздухе, устремились за ускользающей добычей. Псы мчались молча, беззвучные и неотвратимые, как старость. Герика ничего не слышала, во всяком случае она не оборачивалась. Странно, но не проявляла признаков беспокойства и рысь. Погоня стремительно приближалась. Женщина миновала странные снежные ворота – молодая береза под тяжестью снега склонилась над тропой, образо-

вав причудливую живую арку. Мгновение – и под заснеженные ветви влетели псы. И заскребли когтями по снегу, пытаясь вырваться из объятий ожившего дерева. По стволу березы побежали красивые синие огни, спустились по ветвям, охватили бьющихся псов. Странные твари умирали молча, корчась в сапфировом пламени. Такое же едва не сожгло Герику на краю Пантаны.

Охотник на выручку не пришел – у него возникли свои сложности. Прямо перед ним, положив руку на эфес меча, возник золотоволосый эльф. Противники мерили друг друга взглядом, прикидывая, с чего бы начать. То, что полдень увидит только один, было очевидно обоим.

– Вот мы и встретились, Роман, – нарушил молчание Охотник.

– Рамиэрль, с вашего разрешения, – учтиво склонил голову Астен Кленовая Ветвь. – Неужели слуги Ройгу могли предположить, что я оставлю даму одну в зимнем лесу?

– Я предполагал, что ты далеко, – нехотя признался ройгианец. – Я ждал Герику Годойю. Она должна прийти на зов Того, кому принадлежит душой и телом.

– Вот как? – В голосе эльфа послышалось вежливое удивление. – Она свободна душой и, как вы изволили неизящно выразиться, телом. И она пойдет туда, куда сочтет нужным.

– Или куда ее отведете *вы*, проклятые ублюдки! – Охотник начинал терять терпение. – Вы заставили ее забыть долг, но, как только я сотру тебя в порошок, она все вспомнит и уйдет со мной.

– Я не советовал бы вам строить столь далеко идущие планы. – Астен был сама любезность. – Возвращайтесь-ка к своему господину и посоветуйте ему отказаться от его безумной затеи.

– Что я слышу? Эльфы решили вылезти из своего болота? Поздно! Ваше время ушло, наше время возвращается. Эстель Оскора наша. Если эта девка спуталась с вами, она ляжет здесь вместе с тобой. Мы найдем другую. Ройгу сейчас силен, и не вашей паршивой волшбе его остановить. – Беловатое мутное облако стекло с пальцев Охотника и, изогнувшись парусом, метнулось к Астену; эльф с нарочитой небрежностью взмахнул рукой, и навстречу устремился синий луч.

Парус приобрел сходство с нелепой, но проворной белой птицей, попробовавшей с ходу облететь нацеленное на него оружие. Луч, в свою очередь, обернулся неким подобием лозы и обвил призрачную шею врага, оплетая его светящимися усиками. Там, где две силы соприкасались, вспыхивали багровые искры, одна из которых опустилась на руку Охотника. Тот вздрогнул, как от ожога.

– Хм, ты сильнее, чем я думал, эльф. – Порыв ветра метнулся к Астену, другой, не уступающий ему в силе, рванулся навстречу, поднимая тучи снега. Два мага замерли, с ненавистью глядя друг на друга. Птица с лозой продолжали свой поединок уже высоко в небе. Багровые искры сыпались вниз, гасли на лету. Охотник нет-нет да и поглядывал с опаской вверх, Астен волшебного огня не боялся. Маленькая собачонка, счастливо избежавшая участи своих собратьев, неожиданно высоко подпрыгнув, попыталась впиться эльфу в глотку и была рассечена надвое ослепительно сверкнувшим мечом. Охотник издал яростный рык и погнал вперед стену тумана, Астен ее остановил стеной синего огня.

Теперь эльф и ройгианец мерились силой, как это делают подвыпившие моряки в тавернах, пытаясь пригнуть к залитому ромом столу руку противника. Ни мастерство, ни ум уже ничего не значили. Решала грубая сила; все, чем обладали соперники, было брошено на весы, оставалось ждать исхода, но как раз этого Преданный делать и не собирался. Возможно, поборники рыцарских дуэлей его бы и осудили, но рыси живут по другим законам. Огромная кошка, неслышно проскользнув среди ветвей, на какое-то время застыла, выбирая подходящий момент, и прыгнула на плечи Охотника. Разумеется, она его не убила, да и не могла убить, но сосредоточенность, столь необходимая магу во время заклинания, была нарушена. Рысь, повизгивая от боли, отлетела в сторону, но и стена тумана дрогнула и попятилась, неровно

прогнувшись. Астен не замедлил этим воспользоваться, и все было кончено в считанные мгновения. От Охотника осталось ровно столько же, сколько от его собак, а именно горстка пепла.

3

– Ну и что прикажешь с тобой делать дальше? – устало поинтересовался Рамиэрль. – Только гоблина со сломанной ногой мне для полного счастья не хватало.

Все попытки понять друг друга оказались безуспешными. Единственное, чего Рамиэрлю удалось достичь, и то с помощью собаки, это объяснить спасенному, что он не враг, да более или менее привести в порядок поврежденную ногу. Мальчишка пережил мучительную процедуру не пикнув. Только в желтых рысьих глазах вскипели слезы.

– И что теперь? – обратился эльф к своим бессловесным спутникам. – Роскошно. Пятнадцать ног на пятерых и еще четыре дохлые в запас! Даже больше, чем надо! Было бы глупостью не использовать их для того, для чего их создал Творец. Вопрос – куда идти. Мне через горы, а тебе, дружище, надо домой. Беда в том, что вряд ли твои родичи придут в восторг при виде эльфа, а прикинуться гоблином я, увы, не могу – не для того я с Примеро... расставался. Так что быть мне самим собой...

Представляю, что бы поднялось в Убежище, появившись там гоблин... Его превратили бы в ежа до того, как он объяснил, что сдуру кого-то спас. Нет бы мне этот ваш дурацкий язык выучить, договорились бы, что я тебя спасаю, а вы меня через горы пропускаете, а еще лучше провожаете... Так ведь нет! И ведь знал же, что ваши по уши вляпались в эту свару, мог бы хоть сотню слов заучить! Ну ладно. Подвезу тебя поближе к дому, а дальше – извини. Я в вашу деревню соваться не буду...

Парнишка, беспокойными глазами следивший, как его спаситель приторачивает тушу косули к седлу, что-то взволнованно проговорил хриплым шепотом. Эльф быстро обернулся:

– Заговорил? Беда только, что я не понимаю. Я тебя не брошу и твою добычу не отберу. – Роман присел на корточки и заглянул в глаза раненого. – Если твои родичи меня убьют, это будет с их стороны очень некрасиво. И к тому же глупо. Потому что этот ваш Белый Олень в конце концов прикончит всех, если я раньше не доберусь до Проклятого. Ну, поехали. – Гоблин вздрогнул от боли, когда Роман ловко подхватил его и усадил на Топаза впереди седла. – Я буду тебя держать сзади. А ты сиди тихо. Я мог бы попробовать снять боль, но кто его знает, как на тебя подействует наша магия, – у вас же, говорят, все наоборот. Что эльфу хорошо, то гоблину смерть. Куда ехать-то?

Последний вопрос парень понял. Он обернулся и что-то пробормотал, показывая на своего пса, которому крикнул одно короткое слово – видимо, «домой!». Волкодав гавкнул, поколотил для порядка по бокам пушистым хвостом и бодро потрусил по узкой, но вполне проходимой тропке.

Глава 9

*2228 год от В. И. 27–28-й день месяца Звездного Вихря
Большой Корбут
Озерная Пантана. Босха*

1

Дальние вершины все еще заливало уходящее солнце, но здесь, в заросшей лиственницами долине, ночь уже накрыла все синими мягкими крыльями. Кони неспешно шли по чуть припорошенной первым нестойким снегом золотистой хвое. Их мерная поступь укачивала, успокаивала, да и бежавшая впереди собака была совершенно спокойна, и Роман с наслаждением отдался чувству отрешенного созерцания. Бурная жизнь редко давала ему такую возможность, и Нэо почти победил столь свойственную бессмертным привычку наслаждаться тем, что все идет как заведено Творцом и ничего нельзя и не нужно менять.

Сейчас от либера мало что зависело. Он должен был отвезти раненого домой, а там его ждет или бой, или мир. Вдруг ему все же удастся договориться с Ночным народом о помощи или хотя бы о ненападении? В любом случае все решит встреча, и загадывать заранее не имеет смысла. Роман слишком мало знал об исконных врагах эльфов, чтобы пытаться что-то предугадать.

Юный гоблин, которого Роман на свой страх и риск все же напоил притупляющим боль средством, дремал или делал вид, что дремлет. Длинные волосы юноши, прямые и черные, стянутые на затылке в конский хвост, лезли Рамиэрлю прямо в лицо, и тот со смешком отворачивался. Это было действительно смешно – эльф, таскающий на руках гоблина.

Деревья расступились, и кони, весело фыркнув – им нравилась сегодняшняя дорога, – вслед за псом-проводником перешли неглубокую речку. Собака бурно отряхнулась, оглянулась, негромко твякнув, словно привлекая к себе внимание. Спящий вздрогнул, помотал головой, отгоняя сон, и, обернувшись к Рамиэрлю, что-то сказал. Слов, разумеется, было не понять, но по всему выходило, что они почти приехали. Правда, никаких следов деревни или хотя бы хутора заметно не было. Не лаяли собаки, вековые лиственницы не знали топора, хотя... Обладающий почти звериным чутьем Рамиэрль уловил запах дыма. Что ж, если здесь и живут гоблины, их не может быть много, а чем их меньше, тем проще договориться. Хотя тут вполне может быть застава, где обитают пять-шесть воинов. Что, впрочем, опять-таки неплохо. Если что, он оставит им мальчишку и ускачет. Дорога, хвала Великому Лебедю, это позволяет.

Ни бежать, ни драться не потребовалось. Молодой гоблин что-то еще сказал на своем гортанном языке, и собака затрусила вперед. Вскоре они перешли еще одну речку, вернее, большой ручей и стали подниматься на гору. Тропинка петляла между почти облетевших кустов лещины и темного можжевельника, и Роман порадовался, что в такой темноте не промахнется только эльф. Гоблины же, даром что их величают Ночным народом, ночью видели хуже Светорожденных, а значит, стрела ему не грозит.

Наконец кусты расступились, и лошади вышли на небольшую поляну, посреди которой стоял огороженный частоколом дом. Ворота были не просто заперты, но заложены изнутри чем-то тяжелым. Пес сидел у них, вилая хвостом, но не лаял – очевидно, вблизи от дома ему велели не шуметь. Это было весьма странно, но опасности в себе, похоже, не таило.

Его невольный спутник между тем водил рукой по неструганому дереву, явно что-то выискивая. Наконец это ему удалось. Роман так и не успел заметить, что тот сделал, но в доме зашевелились. Послышался звук открываемой двери и торопливое шарканье ног. Юноша кого-то окликнул – видно, узнал по походке. С той стороны раздался возглас, весьма напоминающий

человеческое «ой-ой-ой!», и возня – лихорадочно вытаскивали запиравший ворота тяжеленный брус. Мальчишка продолжал что-то торопливо рассказывать, его невидимый соплеменник – коротко ахать. Наконец ворота распахнулись, и Топаз с Перлой, брезгливо перебирая ногами в черных чулочках, вступили в логово Тьмы.

2

Астен с удовлетворением осмотрел небольшую уютную поляну, розовую от вечерних лучей. Очень подходящее место для ночлега. Высокие буки с серебристыми стволами казались колоннами, подпиравшими немисливо чистое небо. Подлеска почти не было, но по краям поляна заросла кустами дикой розы, на которых все еще держались не склеванные птицами оранжевые плоды.

Мелькнула странная мысль – если бы ему предложили выбрать место для своей могилы, он выбрал бы именно эту буковую рощу на окраине Босхи. Мысль была странной потому, что Астен никогда еще столь страстно не упивался жизнью. За последние несколько недель он передумал и перечувствовал больше, чем за сотни лет безмятежного и бессмысленного существования в Убежище. Когда-то лебединый принц уже сделал попытку уйти в большой мир, но не смог оторваться от Пантаны. Затем... Затем он подарил Тарре своего сына.

Эльфы считали этот его поступок кто безумием, кто подвигом, а он просто дал Рамиэрлю возможность сделать себя самому. Внешний мир, разноцветный, огромный и жестокий, всегда манил Астена, но ему не хватало решимости отказаться от изысканного покоя. Порой поэт мучительно завидовал разведчику, в своих мечтах представляя безумные эскапады с погонями, приключениями, открытиями. И только об одном он не думал – о любви. Он, женатый на красивойшей женщине Убежища!

Астен воспринимал прелести Нанниэли холодно и отстраненно, как совершенство статуи или букет вина. Когда жена ушла от него, или, вернее, когда он позволил ей это сделать, жизнь не стала ни беднее, ни, наоборот, счастливее. Свою возлюбленную из мира людей Кленовая Ветвь давно забыл и именно поэтому посвятил ей огромное количество стихов, где скромная пантанская крестьяночка именовалась то утраченным аметистом, то унесенной ветром птицей... А вот лица ее он не мог вспомнить при всем желании, лишь наплывали какие-то смутные видения – расшитый трилистниками платок, из-под которого выбивается рыжая прядка, эльфийская сережка-колокольчик в маленьком ухе, страдальчески сведенные брови... Он забыл даже имя, потому что предпочитал называть ее на эльфийский лад – Кэриа.

А вот теперь, теперь его тянет к себе существо, отмеченное клеймом Ройгу. Астен сам не понимал, что его привлекло в Герики, – скорее всего, ее яростное стремление оставаться самой собой, не обольщаясь на свой счет и не боясь правды, какой бы та ни была. Кленовая Ветвь порой сожалел, что тарскийка не оказалась могущественной волшебницей, она смогла бы распорядиться Силой лучше, чем кто бы то ни было. Во всяком случае, лучше, чем его дочь. Астен не сомневался, что Эанке – убийца. Убийца по самой своей глубинной сути. Он удивлялся лишь тому, что дочь так долго выжидала.

Когда они покидали Убежище, у Астена мелькнула мысль, что герой старинных сказаний на его месте уничтожил бы порожденное им зло. Он же трусливо бежал, оставив Эмзара расхлебывать заваренную Эанке кашу. И был счастлив тем, что Убежище осталось позади и, как ему думалось, навсегда.

Возвращаться Астен не собирался. После Кантиски его дорога лежала в Эланд. Эльф был уверен, что Рене Аррой примет его без лишних вопросов, а его познания в магии придутся весьма кстати.

– О чем ты задумался? – Тарскийка смотрела на принца-Лебедя с плохо скрытой тревогой.

– Так, ни о чем. – Эльф улыбнулся. – Но мне пришло в голову несколько замечательных мыслей. Для начала предлагаю называть меня Астени, во-вторых, тебе очень подходит твое имя. Геро – Цветущий Вереск... И потом, так ли уж нам нужно в Кантиску?

Женщина молчала, явно ожидая продолжения. Эанке на ее месте уже излагала бы свое мнение, Нанниэль дала бы понять, что его поведение неприлично, его давняя возлюбленная заранее согласилась бы со всем, что он скажет. Герики выжидала. И это ему отчего-то очень нравилось.

– У меня сто доводов в пользу Эланда. – Астен говорил с не свойственным ему напором. – Там найдется место Преданному. Всадники Таяны просили тебя защитить Явеллу, то есть проход из Таяны в Эланд, а из Кантиски этого не сделаешь. Да и мои познания там будут вполне уместны. И наконец, я все равно туда собирался.

– Но, Астени, – она без лишних слов приняла его просьбу, – ты же обещал вернуться в Убежище.

– Все не так. – Лебединый принц с облегчением рассмеялся. – Брат действительно меня об этом просил, но я ему ничего не обещал. Для себя я все решил еще в тот день, когда ушел Роман.

– Но почему? – Ее вопрос не был ни праздным любопытством, ни данью вежливости. Она хотела знать. И он ответил.

– Потому что я начинаю понимать, что бессмертие похоже на небытие. Я устал от пустоты, от бессмысленности, от покоя. Человеческая жизнь коротка, но она *есть*, вернее, *может быть*, если ею распорядиться как следует. А что такое моя жизнь, жизнь моих соплеменников? Ее словно бы и нет. Исчезни мы, никто не заметит. Мы существуем, и опять-таки это касается только нас... А теперь нам выпал шанс прожить пусть коротко, но ярко. Зная, что завтра может никогда не наступить, следует распорядиться своим «сегодня» так, что не будет ни страшно, ни стыдно уходить. Я хочу жить, Герики! Жить, чувствовать, надеяться, сомневаться!.. И все это я найду в Эланде. Мое место там. Ты идешь со мной?

Она не колебалась.

– Конечно. Я никогда не хотела в Кантиску. Клирики, даже лучшие из них, вызывают у меня тоску. Раз я должна стать стражем Явеллы, я постараюсь им стать, хотя не представляю, чем могу быть полезна. С Охотником я ничего не смогла поделать. Кто он был?

– Насколько я мог понять, – Астен взял Герику за руку, она этого не заметила или сделала вид, что не заметила, – насколько я мог понять, прислужники Ройгу могут подчинять себе человеческое тело, с которым со временем срастаются и которое можно уничтожить. Что мы и сделали. Изначальная сущность, скорее всего, уцелела и нуждается в новом материальном воплощении. Сама она, очевидно, проделать это не в состоянии, ей нужна помощь и сила, источник которой, похоже, находится в Тарске. Все начинается именно там, в Последних горах. Всякий раз после поражения Ройгу его приспешники отступают именно туда... А возможно, – Астен наморщил лоб, пытаясь удержать ускользающую мысль, – Ройгу еще и не вступал в игру. Пресловутый Белый Олень, которого уничтожили Всадники, всего лишь его отражение... Сгусток тумана, наделенный малой толикой прежней силы.

– Что же в таком случае сам Ройгу, – в голосе Герики послышалась дрожь, – если даже его образ обладает таким могуществом?

– У меня только одно объяснение, – пожал плечами эльф. – Ройгу – один из первых богов Тарры, каким-то образом не погибший вместе с другими и жаждущий то ли власти, то ли мести... Возможно, он безумен.

– Разве бог может быть безумным?

– Каждая сущность, обладающая мыслями и чувствами, может в известном смысле утратить разум... Я не понимаю другого: почему он так долго выжидал, ведь Светозарные покинули Тарру больше двух тысячелетий назад.

– Тогда почему Всадники и болотница на нашей стороне?.. Они ведь тоже *были*...

– Это еще одна причина, по которой мы должны попасть в Эланд. Что-то мне подсказывает, что там мы найдем ответ... Но ты меня совсем не слушаешь?

– Слушаю, – просто ответила тарскийка, – просто мне совсем невольно бороться с этим проклятым предчувствием.

– Что, совсем как *тогда*?

– Хуже. – Она грустно улыбнулась. – Тогда у меня на сердце лежала жаба, теперь – атэвский эр-хабо.⁶

– Весело, – вздохнул Астен. – Перед приходом Охотника ты испытала нечто подобное?

– Нет. Я спала и сквозь сон услышала зов. Некто именем Ройгу велел мне следовать за ним. Я ничуть не испугалась. Просто разбудила тебя, хотя ты, по-моему, не спал. А дальше ты все знаешь.

– Значит, это не Ройгу. Что ж, я так и думал.

– Тогда кто? – Она взглянула в глаза принца-Лебеда.

– Мои соплеменники. Мы, то есть я выдал себя, когда сжег Охотника... Синяя Тень растаяла, я теперь как на ладони. Для родной крови, для любого Светорожденного, кто возьмется отследить след магии Дома Розы... Самое печальное, что я могу их всех уничтожить. И я буду, скорее всего, должен это сделать, но ведь я же их всех знаю! Я уж не говорю о том, что за нами наверняка идет Эанке. Хоть бы только без Нанниэли...

Герики не ответила. И хвала Великому Лебедю.

Астен вновь оглядел так приглянувшуюся ему поляну. Что ж, место вполне годится для битвы... Лебединый принц аккуратно сложил все пожитки, кроме меча, под особенно густой куст шиповника. Проверил, как лежит в руке эфес, как ходит меч в ножнах, расстегнул плащ, чтобы сбросить при первой необходимости. Геро смотрела на его приготовления тревожными серыми глазами.

– Мы остаемся тут. – Она не спрашивала, она утверждала.

– Да, – просто ответил эльф. – Бежать не имеет смысла. Эанке всегда меня найдет. Что поделаешь, родная кровь... Думаю, чем раньше все кончится, тем лучше. Может быть, вы с Преданным уйдете в лес и переждете?

– Нет, – это тихое «нет» прозвучало удивительно твердо, – я останусь. Это единственное место, где мне не будет страшно.

– Я так и думал. – Астен поцеловал руку Герики, словно они находились в бальном зале. – Если что, постарайся выжить и дойти. Назло всем.

– Ты говоришь так, будто не надеешься. Не надо, прошу тебя...

– Надо. – Астен все еще не выпускал ее руки. – Лучше попрощаться, чем не успеть сделать это. Я не рискну сказать, что уже люблю тебя, но если удача от нас не отвернется, у нас может быть будущее.

– Странно, – она подняла глаза к небу, в котором дрожал почти мертвый месяц, – я могу слово в слово повторить твои слова. Хорошо, если тебя убьют, я постараюсь выжить и дойти до Эланда, если... Хотя вряд ли мне это удастся, я не колдунья и даже не воительница.

Астен бросил на землю свой плащ, и они долго сидели на нем в обнимку, закутавшись в плащ Герики. Все было сказано, но молчание не было тягостным. Наоборот. С каждым мгновением, с каждым толчком сердца в их души входили покой и надежда.

⁶ **Эр-хабо** – обитающая в Эр-Атэве гигантская хищная рептилия, напоминающая рогатую жабу со спинным гребнем. Считается воплощением всего самого отвратительного. Легенды говорят, что эр-хабо были изгнаны из преисподней за свою тупость, жадность и неопрятность.

3

Из четверых обитателей заимки только один кое-как изъяснялся на старом тарскийском. Впрочем, для Романа и это было находкой. Хоть тарскийцы и называли свой говор языком, он не очень-то отличался от таянского, который, в свою очередь, был не чем иным, как испорченным арцийским. Просто в Высоком Замке или Идаконе нобили, почитающие себя грамотными, предпочитали говорить и читать на языке империи, пусть даже та переживала не лучшие свои годы. Тарскийские же умники возвели простонародный говор в ранг языка, доказывая, что именно из Тарски, от Цялы, и берет начало вся Арция. Год назад это было смешно, сейчас становилось страшно.

Как бы то ни было, южные гоблины торговали с тарскийцами, а потому вынужденно овладевали их наречием. Старый Рэннок пад Коэй в свое время спустил немало плотов по бурным горным рекам и довольно много общался с людьми, что, собственно говоря, и заставило его задуматься о том, так ли уж они плохи и изначально греховны, как утверждали старейшины и жрецы.

Рамиэрлю опять повезло. Прихотливая судьба привела его не в расположенную в половине дна от места встречи с Грэддоком – именно так звали спасенного юношу – деревню Ладэка, где заправлял ненавидящий не только эльфов, но и людей жрец-старейшина, а к изгоям, которых сама жизнь сделала терпимыми.

В доме, окруженном частоколом с насаженными на него звериными черепами – умиловать Горных Хозяев, – жило четверо. Раньше всех на заимке обосновался Рэннок, который не был тогда ни старым, ни седым. Даже среди обладающих медвежьей силой гоблинов предводитель ватаги вогоражей⁷ выделялся силой и смелостью. Никому иному не удалось бы спасти от расправы забравшихся в окрестности деревни людей – мужчину и женщину, искавших в горах лучшей доли.

Было это, как назло, в канун праздника Начала Весны, когда нужно приносить жертву Ночи, чтобы та не отвернула лицо свое от своих детей и не позволила выжечь мир яростному и несправедливому солнцу. Во времена, которые ушли – Рэннок полагал, что к счастью, а жрец-старейшина Кадэррок пад Ухэр – наоборот, – в жертву Владычице и Родительнице приносили достойнейшего из юношей, и в этот же день к Ней добровольно уходили старые и немощные, дабы не висеть камнем на шее молодых. Кроме них, на Темном алтаре расставались с жизнью пленники, захваченные после того, как день стал длиннее ночи, и лучшие бараны из прошлогоднего приплода.

Тогда Ночной народ был многочисленнее и сильнее. Гоблины жили в нижних долинах в каменных городах с храмами, а воины то и дело отправлялись в набеги за добычей и пленными. Затем случилась Беда, пришлось бросать дома и уводить женщин и детей в горы. Одни ушли на север, чтобы среди острых скал и ледников думать о мести и оплакивать Изначальных Созидателей. Другие повернули на юг, где горы были пониже и полесистей. Северяне признали главенство Белых жрецов, предрекавших возвращение Созидателей, южанам же явился Волчий Пророк, запретивший приносить в жертву себе подобных и спускаться с гор до той поры, пока не прозвучит Зов Изначальных.

Поколения сменялись поколениями, южные гоблины превратились в истинных горцев, все дальше уходили времена былого могущества, все больше смахивали на сказки рассказы о чудовищах-эльфах, Созидателях, Великой Проигранной Битве. Оставались смутная тоска да раздирающий душу интерес к поселившимся на равнинах людям... И еще твердое убеждение, что никто из людей не имеет права переходить раз и навсегда определенную границу.

⁷ Вогораж – плотогон (гобл.).

С теми, кто жил «по ту сторону», можно было даже торговать, тем более что приносили они вещи изумительной красоты, а в ответ просили всего ничего – деревья, каких в горах пруд пруди, шкурки и шкуры, что всегда в изобилии у каждого охотника, да вонючие травы, от которых и вовсе никакого толку. Напротив, стоило овцам или быкам забрести в заросли синявки⁸ или кумарки,⁹ как белая шерсть покрывалась отвратительными пятнами, которые не сходили до линьки.

Впрочем, люди и не рвались в горы, у них имелись запреты, а эти двое зачем-то пришли и были пойманы. Тогда-то Кадэррок и показал зубы. Он и его дюжие сыновья, одному из которых и посчастливилось захватить добычу, решили встретить праздник так, как встречали в старину. Пленникам пришлось бы умирать очень долго, если б не вернувшийся на зиму в родную деревню спустить заработки, а может, и жениться Рэннок. И дело было даже не в том, что вогораж выпил и с юности ненавидел Кадэррока. Плотогон ничего не знал о Кодексе Розы, но душой чувствовал, что пытать связанных подло, истязать же женщину, какого бы племени она ни была, и вовсе противно природе.

Это могло показаться чудом, но Рэннок отбил полуживых пленников у их мучителей. Правду сказать, деревня, хоть и молчала, была скорее на его стороне. И все равно назад вогоражу ходу не было – один из сыновей Кадэррока с проломленной головой остался лежать у котла с кипящим бараньим жиром.

Рэннок стал изгоем, но изгоем уважаемым. Он не мог жить в деревне, не мог взять жену и даже не мог покинуть место своего преступления, ведь разгневанные покровители убитого, не найдя виновника, могут обратить свой гнев на невинных. Вместе с тем никто не смел поднять руку на невольного убийцу, хотя все знали, где он устроился. Бывший вогораж срубил себе дом на вершине Кумарки, горы, на которой никто не селился, так как склоны ее пятнала ядовито-зеленая трава, что, как всем известно, означает: духи-хранители почитают место сие мерзким и нечистым. Тем не менее на склоне бил чистый ключ, в кустах розичек¹⁰ весной пели соловьи, а ранним летом ядреная зелень кумарки меркла перед сочной краснотой земляничных полян. Рэннок стойко переносил свое одиночество: охотился, резал по дереву, соорудил над пещеркой, из которой бил родник, что-то типа человеческой часовни... Тяготился ли он своим изгнанием, тосковал ли по бродячей шальной молодости, сожалел ли о своем шаге, никто не знал. Шли годы, и в одну зимнюю ночь в дверь постучали.

Он знал Грэдду с детства. Когда Рэннок в последний раз вернулся домой, Грэдда была смешной девчонкой, еще носившей короткую детскую юбку с бахромой и бусы из ягод рябины. Затем родичи, изредка приходившие к нему за медвежьими шкурами и горным медом и приносившие в обмен муку и холстину, обмолвились, что Грэдду сосватали в соседнюю деревню за состоятельного вдовца и что более богатой свадьбы на их памяти не было.

И вот теперь на пороге застыла жалкая, облепленная снегом фигурка. Рэннок гостью не узнал, но любой пропущенный снежными духами свят. Грэдда выглядела изможденной до последней крайности и притом была беременна. Не задавая лишних вопросов, Рэннок внес полумертвую женщину в дом, выскочил на улицу за снегом и принялся оттирать обмороженные щеки. Гадать, что она тут делает в такую пору, времени не было. Впрочем, женщина все рассказала сразу же, как пришла в себя.

История оказалась самой обычной. Мужа, который был еще старше Рэннока, она не любила, хоть и исполняла все, что положено жене. Про самого Кроэрка они почти не говорили, но Рэннок сразу понял, что ни умом, ни добротой, ни красотой тот не отличался. Грэдда честно

⁸ Синявка – растущая только в горах Большого Корбута трава, содержащая в себе природный краситель синего цвета.

⁹ Кумарка – растущая только в горах Большого Корбута трава, содержащая в себе природный краситель зеленого цвета. Особенно ценится из-за того, что именно из кумарки готовится краска для церковных облачений.

¹⁰ Горная роза, разновидность шиповника с лепестками темно-вишневого или снежно-белого цвета.

родила мужу дочь. На сына сил у Кроэрка не хватало, но он предпочитал винить во всем жену. А затем в их деревню пришел такой же вогораж, каким был некогда Рэннок. Он был весел, красив и смел. И она полюбила, сильно, отчаянно и безоглядно. Зима подарила им немного счастья, потом пошли весенние дожди, и вогораж ушел за текущей водой, распростившись со своей мимолетной подругой и даже не обещая вернуться. А она поняла, что беременна. Это было счастьем, она не сомневалась, что родится сын, но... Муж уже почти год не был мужчиной и предпочел признаться в своей слабосильности, но не покрывать измену жены.

Обвиненная при матерях всей деревни, Грэдда не стала каяться и просить прощения, а высказала все, что накопилось за годы ее невеселого замужества. Высказала и ушла, сорвав с головы расшитую серебром и сердоликами повязку и бросив в лицо мужу свадебное ожерелье. В старые времена ослушницу сбросили бы с обрыва, но это в старые времена. Деревня растерялась и дала Грэдде уйти, тем более мужа ее никто не любил; поговаривали, что предыдущую жену он свел в могилу побоями и попреками, потому и искал новую в чужой деревне, куда не докатилась его дурная слава.

Что люди, что гоблины, что эльфы – природа одна. Никто не любит принимать неприятные решения, а тем паче за них отвечать. Беременная, кое-как одетая женщина уходит в снежную бурю? И пусть ей. Замерзнет – значит, Горные Хозяева сочли ее виновной. Выживет – опять же судьба. И никто не виноват.

Грэдда каким-то непостижимым образом добралась до родного дома и упала в объятия матери. Семья готова была ее принять, но жрец-старейшина не мог потерпеть такого непотребства. То ли не хотел отдавать залог, внесенный незадачливым супругом, то ли увидел повод вернуть столь любезную ему старину. Грэдду решили выдать мужу, то есть обрекли на смерть. И она бы смирилась, сил бороться у нее почти не оставалось, если бы не ребенок, яростно заявлявший о своем праве на жизнь. И преступница вспомнила про Рэннока. Один раз он уже пошел против всех, защитив приговоренных, может быть, и сейчас?

Рэннок не колебался. Грэдда осталась у него. В его доме увидел свет и мальчишка, нареченный в честь матери Грэддоком, которому приемный дед дал свое родовое имя. По весне на Кумарку заявили бывший супруг с Кадэрроком, но ушли несолоно хлебавши. С тех пор у Рэннока появился смысл в жизни, а в доме – добрая и ласковая хозяйка.

Год шел за годом. Грэддок рос и радовал мать сходством с ее пропавшим возлюбленным, а деда – ибо старый вогораж стал мальчишке именно дедом, строгим и любящим, – сметливостью и храбростью. А затем их нашла Криза, которой какая-то добрая душа поведала, что мать жива. Отца девочка ненавидела, а норовом пошла не в него и даже не в мать, а в ее дядю, старинного приятеля Рэннока, самого отчаянного из всей деревни.

Когда девчонке сравнялось четырнадцать и папаша приискал ей подходящего мужа, она просто вылезла в окно, прихватив с собой любимого пса и пару хороших боевых ножей, которые ее жирному родителю были без надобности, и отправилась к матери. Радость, с которой ее встретили, искупила годы разлуки, и с тех пор в доме не стихал смех. Правда, отныне приходилось соблюдать осторожность – Криза была слишком хороша собой, да к тому же оставалась наследницей родового состояния, которого отец по Ночному Праву не мог лишить единственному ребенку.

Рэннок, несмотря на свои годы все еще обладавший медвежьей силой, был хорошим защитником, даже если забыть о том, что дом отшельника неприкосновенен. Да и подрастающий брат обещал превратиться в настоящего воина. Кризу из дома одну не выпускали, хотя та стреляла без промаха из лука, могла найти дорогу в кромешной тьме и ходила по горным тропинкам не хуже серны. Рэннок и Грэдда часто ночами обсуждали, как устроить так, чтобы Криза смогла встречаться со своими ровесниками. Восемнадцать для девушки предел; если в это лето ее не сосватать, она так и проживет всю жизнь отшельницей со стареющей матерью.

Мальчику легче. Еще год-два, и он сможет поискать свою судьбу с любой ватагой вогоражей, которым нет дела до того, кто ты и откуда, лишь бы был силен и смел.

Но все эти ежедневные заботы отступили, когда ушедший на охоту Грэддок к вечеру не вернулся. Дед утешал Грэдду, говоря, что парень не один, а с Крохом, что, скорее всего, они забрели слишком далеко от дома в поисках дичи и заночевали в лесу. Грэдда, обычно спокойно переносившая отлучки детей, молча плакала. Пришло утро, а об ушедших не было ни слуху ни духу. Криза собралась идти на поиски, дед ее остановил, сказав, что надо ждать еще, ведь они не знают, куда Грэддок пошел, да и, случись что, пес вернулся бы за помощью. Однако к вечеру даже Рэннок понял – что-то произошло, и заявил, что с первыми лучами солнца пойдет на поиски сам.

Они молча сидели за пустым столом, пытаясь отогнать самые невеселые мысли, когда шум и голоса возвестили о возвращении. Грэддок был жив и, пока открывали ворота, даже успел выложить историю всех своих злоключений. Рамиэрля приняли с распростертыми объятиями.

Странно, но и у эльфа все его предрассудки смыло, как накатившая на берег волна смывает написанные на песке дурные слова. Гоблины больше не казались ему ни отвратительными, ни страшными. Правда, Творец сотворил их уродливыми, но ведь не телесная же красота спасает мир, а ум, мужество и благородство.

Рамиэрль понял, что он может быть откровенен со своими хозяевами. Тщательно подбирая понятные старику слова, он рассказал, что мог. Конечно, о многом пришлось умолчать, в противном случае пришлось бы объясняться неделю, но эльф сказал достаточно, чтобы старый вогораж надолго задумался.

– Гость, – наконец изрек он, – то, что ты говорить, есть беда для вся земля. Я знать, как глупый старый жрец хотеть беда. Те, кто пришла вниз, такая же. – Рэннок покачал седой головой. – Они не понимать, что играть для смерть. Их надо держать.

– Ты прав, почтенный. – Эльф даже не заметил, что говорит с гоблином уважительнее, чем с Примеро. – Я прошу тебя объяснить мне дорогу через ваши горы. Для того чтобы помочь тем, кто сейчас сражается, я должен найти одно место... – Эльф запнулся, не зная, как объяснить, что он ищет, но этого было и не нужно.

– Древний место, да, – торжественно кивнул Рэннок; как и все гоблины, он был склонен к патетике, – такие есть. Есть хороший место. Есть очень плохой, если ходить туда. – Он махнул рукой куда-то на север. – Там много зло. Ты ищешь там, где зло прекратить. Надо идти вверх. Затем вниз. – Рэннок задумался, затем черные глаза радостно блеснули. – Я понимать, что мы делать! Криза!

Чернокобая девушка, сидевшая в углу и что-то торопливо плетущая из кожаных ремешков, вскинула гладко причесанную головку.

– Эгхо, куэрх?¹¹

4

Сумерки стали ночью, а они все ждали. Наконец кусты расступились, и на серебро поляны выпрыгнул Преданный. Умей рысь говорить, и то она не могла бы яснее объяснить, что преследователи близко. Астен легко вскочил и помог подняться Герике. Торопливо обнял, первый и последний раз прикоснулся губами к губам, быстро расстегнул подбитую белым мехом куртку и вытащил висящего на цепочке серебряного лебедя.

– Если что, сохрани и отдай Роману. Или носи сама, а потом подари, но тому, кто станет для тебя всем. – Геро ничего не сказала, только надела талисман и попыталась улыбнуться. –

¹¹ Да, дедушка? (гобл.)

Ты – умница... Теперь забирай Преданного, и идите вот к тем кустам. Постарайся, чтобы вас не видели. Я хочу с ними поговорить, вдруг у кого-то в сердце или в голове что-то осталось. При виде тебя они сразу же полезут в драку.

Герика не спорила. Она вообще никогда не спорила, только раньше это шло от бессилия; теперь же она просто знала, что Астена виднее и что ни в коем случае не нужно ему мешать. Тарскийка поманила рысь, которая, казалось, прекрасно поняла, что от нее требуется, и укрылась в густом кустарнике. Астен накиннул, не застегивая, плащ и вновь сел на снег. Ждать пришлось недолго. Из леса одна за другой вышли шесть фигур. В своих белых одеяниях они казались близнецами. Принц Лебедей даже не пошевелился, но снег засветился так, словно над поляной взошла полная луна.

Первый из пришельцев, увидев сидящего Астена, остановился, второй с ходу налетел на него. Эльфы столпились кучкой, не зная, что им делать дальше. Астен не спеша встал, отряхнул от снега плащ, бросил его на ветки шиповника и спокойным небыстрым шагом направился к соплеменникам.

– Не знаете, что дальше делать? – спросил он, поочередно оглядывая каждого из пришедших. – Стрела в спину – это да, это вы можете, а вот взглянуть в глаза вряд ли.

Светорожденные настороженно молчали. Астен внутренне поздравил себя с успешным началом. Как он и предполагал, их преследовали Эанке с Фэриэном. Остальных он знал меньше. Все они были из Дома Лилии, все они были молоды и далеки от страстей, разрывавших верхушку Убежища. Астен смог, хоть и с трудом, вспомнить их имена: Дейре Осенний Сон, Веол Туманный День, Геден Виноградная Гроздь и, кажется, Илад Клеверная Дымка. Совсем еще дети, они вряд ли понимали, во что их втянули. Если не удастся договориться, то его, Астена, новая жизнь начнется с шести смертей, и по меньшей мере четыре будут непра-ведными.

Принц Лебедей ничем не выдал обуревавших его чувств, хотя все в нем звенело от напряжения. Боковым зрением он заметил, что кусты остаются неподвижными, Геро, хвала Звездам, держит слово.

– Что ж, – он еще раз обвел взглядом всех шестерых, стараясь посмотреть в глаза каждому, – вы, кажется, шли убивать?

– Не вас, мой принц, – не выдержал Геден, – ту, что ушла с вами. Она есть зло!

– Откуда ты это знаешь? – Так, не давай Эанке или Фэриэну перехватить нить разговора. – Ты можешь это доказать?

– Но... – парень явно замялся, – нам сказали!

– Сказали? Кто? – Эльфы с возрастающим удивлением смотрели на брата Эмзара. Прежнего Астена больше не существовало. Перед ними стоял глава Дома Розы, наследник главы клана, потомок древних владык. Он спрашивал так, что нельзя было не отвечать. Хотелось склониться в глубоком поклоне, встать на колени, признавая право этого стройного золотоволосого мужчины распоряжаться твоей судьбой, твоей жизнью.

– Кто сказал? – повторил Астен, и трое из четверых не выдержали.

– Фэриэн... Глава Дома... Он говорил, что знает точно...

– А он не говорил случайно, что сотворил вместе с Эанке Аутандиэль из Дома Розы? – Астен произнес имя дочери как чужое. – Вы не знаете, что Герика их встретила в то время и в том месте, где погибла Тина Последняя Незабудка? Вы не знаете, что в этот же вечер Герике пытались убить, хотя она наша гостья, а долг гостеприимства свят?

Парни растерянно молчали. Наконец кто-то выдал:

– Нам этого не говорили, мой принц...

А Веол робко спросил:

– Мой принц, а откуда это известно вам?

– Я видел это своими глазами. Я, Астен Кленовая Ветвь, глава Дома Розы, заявляю и в этом клянусь, что видел, как присутствующая здесь Эанке Аутандиэль покушалась с помощью магии на Тину Последнюю Незабудку и Герику Ямбору, нашу гостью. Я видел стоящих перед вами Эанке и Фэриэна, – Астен говорил с четырьмя юношами, как свидетель перед судьями, и в их изумленных глазах постепенно зажигалось понимание, – возле места убийства Тины, когда они выказывали враждебные намерения против Герики. Тем же вечером на Герику было совершено нападение с помощью магии, и я узнал магию Дома Розы, которой владеют лишь мой брат Эмзар Снежное Крыло, я, мой сын Рамиэрль и упомянутая Эанке. Я обвиняю означенную Эанке в убийстве Тины и покушениях на жизнь Герики Ямборы, а Фэриэна – в пособничестве. Я сказал и жду ответа.

Над поляной повисла тишина. Юноши переводили взгляд с Астена на Эанке и своего господина и обратно. Наконец темноволосый Илад Клеверная Дымка шагнул в сторону Астена и дрогнувшим голосом произнес:

– Я признаю обвинение!

Геден, немного поколебавшись, встал рядом с приятелем. Веол и Дейре растерянно молчали. Эанке кусала губы, с бешенством глядя то на отца, то на Фэриэна, который нерешительно потянул из ножен меч.

– Я вызываю тебя, дабы перед лицом Вечных Звезд прояснилось, что есть истина!

– Я принимаю твой вызов. – Лицо Астена оставалось непроницаемым, но его сердце пело – убийства не будет, все уйдут живыми. Фэриэн для него не противник, пусть убирается вместе с Эанке, откуда пришел, а мальчишек он им не отдаст, они все вместе уйдут в Эланд и увидят, что такое добро и зло, что такое борьба, жизнь, любовь!

Астен отбросил в сторону куртку. Четверо молодых эльфов не могли отвести зачарованного взгляда от стройного воина, чьи волосы были схвачены на затылке серебряной лентой войны. Его противник, торопливо сдиравший свои одежды, словно бы утратил присущую Светорожденным грациозность и казался сильным, опасным и вместе с тем неуклюжим зверем.

Глава Дома Розы Астен Кленовая Ветвь и глава Дома Лилии Фэриэн Весенний Рассвет отсалютовали друг другу согласно этикету и заняли позицию. Клинки скрестились. Фэриэн сделал выпад, Астен ловко отступил. Даже не отступил, а слегка подался назад. В зимнем лесу было тихо, очень тихо, и потому каждый звук казался неправдоподобно громким и резким. В снежной тишине далеко разносился стук сшибающихся мечей и скрип снега под ногами бойцов.

Фэриэн был хорошим воином, даже очень хорошим, и он не сомневался в победе, так как никогда не видел младшего из братьев-Лебедей с мечом в руках. Вот с Рамиэрлем, с тем глава Дома Лилии сойтись в бою не хотел бы. Фэриэн не знал, что учил разведчика-либера его собственный отец, чьим наставником, в свою очередь, был Эмзар Снежное Крыло, по свидетельству Переживших Разлуку чуть ли не родившийся с клинком в руке.

Розы и Лилии, два самых влиятельных Дома клана, никогда друг друга не любили, хотя до открытых столкновений у них не доходило со времен Войны Монстров. Светорожденных оставалось слишком мало, чтобы они могли позволить себе роскошь убивать друг друга на дуэлях. Казалось, поединки навсегда ушли в прошлое, но кровь Тины отворила дорогу другой крови.

Фэриэн и Астен вкладывали в бой все свое умение и силу. Первый стремился убить врага, вернув тем самым покорность своих воинов, другой... Другой собирался вывести противника из строя, не убивая. Стороннему наблюдателю вначале могло показаться, что Астен слишком легок. У Фэриэна и руки были длиннее, и в росте он выигрывал, и к тому же был очень силен. Но принц-Лебедь творил с мечом истинные чудеса. Он фехтовал иначе, чем Фэриэн, делая ставку не на мощь, а на быстроту и неожиданность. На главу Дома Лилии обрушился настоя-

щий водопад ударов. Безошибочно выискивая слабые стороны в обороне своего противника, Астен легко уходил от чужих атак.

Да, выпады Фэриэна были неистовы, но замершим зрителям становилось все более очевидным, что Кленовая Ветвь упорно шадит врага. Астен метил исключительно в правую руку Фэриэна. И добился-таки своего!

Мечи в очередной раз с лязгом скрестились, затем Фэриэн сделал еще один выпад, несомненно достигший бы цели, не будь его соперник столь быстр и ловок. Удар, казалось бы неотвратимый, был с легкостью парирован, и не успел Весенний Рассвет восстановить равновесие, как Астен наконец ударил.

Противник пошатнулся, выронил меч и отступил назад, прижимая левой рукой покалеченную правую. К нему кинулся было Веол, но Фэриэн так рыкнул, что беднягу прямо-таки отбросило к трем товарищам. Астен спокойно вытер клинок о снег, светло улыбнувшись, отсалютовал юношам мечом и... упал на утоптаный снег.

Он еще смог прошептать: «В спину... подло...» – и его глаза закрылись. Затем сознание вернулось, и тот ужас, что он увидел, затмил в его душе ужас смерти. На поляне бесновался неистовый вихрь, в котором корчились шесть изломанных тел. Астен смотрел на это, не имея сил не только что-то изменить, но даже отвернуться. Смотрел, пока еще мог видеть....

Герика все же владела Силой. Бедные мальчишки, ему так и не удалось их спасти...

5

Эстель Оскора

Я увидела, как Астен упал лицом вперед, ткнувшись в снег. Что это конец, я поняла сразу. То, что произошло потом, я не смогу забыть до конца дней своих, сколько бы их, этих дней, ни было мне отпущено. Время замедлило свой бег, словно прозрачная быстрая река внезапно превратилась в поток тяжелой вязкой магмы. Я ясно видела божественно прекрасное лицо Эанке, на котором появилась торжествующая улыбка, видела ее изящные руки с длинными, унизанными кольцами пальцами, которые медленно-медленно вздымались в повелительном жесте, видела развевающиеся дымно-черные волосы и сверкающие сапфирами серьги... Спутники Эанке медленно появлялись из-за деревьев, медленно оправляли одежды, медленно поворачивали головы в мою сторону...

Я, видимо, вышла из своего укрытия, но как я это сделала, не помню. Эанке увидела меня и засмеялась. Для нее я была уже мертва – досадная и необъяснимая помеха на пути триумфального возвращения в прекрасные миры, заселенные бессмертными; миры, согреты божественным присутствием. Но меня мнение детей Звезд не заботило. Единственное, что имело значение, – Астен, погибший от руки подлой твари, по несчастью пришедшейся ему дочерью. Поднимавшаяся во мне холодная, тяжелая ненависть, казалось, становилась осязаемой, превращалась в смертоносное оружие.

Преданный, замерший рядом со мной, внезапно отпрянул – его звериное нутро первым почуяло происходящее. Я стремительно переставала быть собой – неуклюжей и беспомощной женщиной, оказавшейся волею судеб в центре магической круговерти. Эанке Аутандиэль не успела понять, что жертва превратилась в палача. Затопившая меня ненависть внезапно стала мною, а я стала ненавистью. Неистовое желание уничтожить, смести с лица земли убийцу Астена породило чудовищный вихрь, подхвативший эльфов, как осенняя буря подхватывает облетевшие листья. Самым диким было то, что в лесу стояла тишина, – даже самые тонкие ветви и те остались спокойны, поднятый мною смерч старательно обходил деревья, кусты, старое птичье гнездо... Ему были нужны лишь те, кого я ненавидела.

Вихрь бесновался посредине поляны, корежа, уродуя, уничтожая, а я стояла, бессмысленно глядя, как прекрасные существа превращаются в окровавленные ошметки. Я смотрела, и в моей окаменевшей душе ничто не дрогнуло. И это была я, которая не могла заставить себя взглянуть на чужую кровь. Я следила за пляской смерти и не пыталась ее остановить. Все кончилось само собой. Пятеро мужчин отныне пребывали в иных мирах, где с них, возможно, уже спрашивали за то, что они свершили. И не мне было знать, сочли ли их жертвами или же убийцами, но Эанке, хоть и чудовищно изуродованная, еще жила и прожила почти час.

Я склонилась над ней, поймав ее взгляд, полный ненависти и удивления, и ничего не почувствовала. Даже удовлетворения. Я отвернулась от тех, кого убила, словно это были растоптанные черви. В этот миг для меня существовало только одно – Астен! Я грохнулась на снег рядом с ним. Его щека еще оставалась теплой, но он был уже далеко. И ничто больше не имело значения.

6

Ледяная рука сжала горло так неожиданно, что Роман выронил из рук кружку с чернорябиновым вином, и та покатилась по полу, оставляя на выструганных досках причудливый темно-лиловый след. Эльф этого не видел, как и изумленных и испуганных глаз хозяев. Сердце бешено колотилось, взгляд застилала тьма, прорезываемая ярко-синими вспышками. Он не понимал, ни что с ним происходит, ни где он находится. Он вообще ничего не понимал, превратившись в один клубок боли и отчаянья. Затем все исчезло так же внезапно, как и накатило; он вновь сидел в чистой, пахнувшей сушеными травами горнице в обществе четверых гоблинов и одной собаки, которая успела положить тяжеленные лапы ему на плечи и всячески выражала свое собачье сочувствие, вылизывая лицо. Отодвинув от себя дружественную морду, Роман виновато улыбнулся и развел руками, стараясь дать понять, что сам не понимает, что с ним случилось.

Седой гоблин глубоко вздохнул, сотворив рукой какой-то странный знак, видимо отводящий зло, и подал гостю новую кружку, доверху наполненную все тем же рябиновым.

– Прости, почтенный, – Рамиэрль сам удивился, с каким трудом ему дались эти простые слова, – и попроси простить хозяйку. Я прибавил ей работы.

– Что с ты быть? – резко и требовательно спросил вогораж. – Ты не походить ты сам! Сказать я!

– Не знаю, – через силу улыбнулся Роман, – что-то сжало вот тут. – Он показал на сердце. – Затем темнота. И какие-то огни перед глазами. А потом все прошло. Осталась лишь пустота.

– Очень пустота? Да? – участливо переспросил старик и что-то быстро сказал своим, которые обменялись понимающими грустными взглядами, а женщина неслышно подошла к эльфу и обняла его за плечи, что-то тихо-тихо приговаривая по-горски. Странное дело, но Роману от этого стало немного легче. – Я думать так, – седой гоблин выговаривал чужие человеческие слова еще более старательно, чем раньше, – я очень думать так. Ты сейчас терять близкий или родной. Он умирать и думать о ты. Это плохо, но лучше надо знать. Такая жизнь. Вам она все равно лучшая, чем нам.

– Лучше? – Рамиэрль с удивлением поднял глаза. – Смерть всегда смерть.

– Да, но вы... У вас есть не знать, как вы звать... То, что есть всегда, даже если тело умирать или убивать?

– Душа?

– Душа? Да. Душа! У вас есть. Вы потом новая жизнь. Встретить всех опять. Мы, орки, нет. У нас нет душа. Только одна жизнь. Мы умирать. Исчезать навсегда. Только память оставаться. Песня. И еще есть эта... Честь? Да, честь. Ты не плакать. Ты идить и делать, что долж-

ный. Криза... ее зовут Криза, да... Она знает горы так, как я. Она смелый девочка. Она идет с тобой. Грэддок больной, да. Он лежать до весна и не мочь идти. Я должен быть с ним и Грэда. А Криза идет. Весна Грэддок ходит. И я, и он ходи Ночная Обитель и смотреть и слушать много орки. А потом мы встречаться и говорить, что видеть и находить. А ты и Криза идти утро. Времени не хватать. Скоро снег. Зима. Плохо. Высоко. Лошадь оставлять тут. Им не идти гора. Они не олень. Падать. Боять.

– Спасибо. – Роман вновь заставил себя улыбнуться. – Криза, красивое имя... Нам надо научиться понимать друг друга.

Кого бы он ни потерял, это уже случилось, а ему нужно идти вперед. Это счастье, что судьба ему послала спутницу и что он может не беспокоиться о Топазе и Перле. Роман больше не сомневается: он перейдет горы и найдет Проклятого...

7

Эстель Оскора

Не помню, сколько я просидела рядом с Астени. Останься Эанке жива, она получила бы еще одно наглядное подтверждение того, что я – чудовище, нелюдь, порождение Тьмы и так далее. Я была без плаща, но я пережила эту ночь, несмотря на такой холод, что даже звезды казались ледяными. Впрочем, звезды я стала различать только к утру, когда застывшее небо позеленело.

Надо было вставать и идти на северо-восток. В Эланд, где я никогда не бывала, к человеку, с которым мы когда-то были близки, но о котором я почти ничего не могла вспомнить...

Преданный, молча пролежавший всю ночь у моих ног, неожиданно подал голос. Я вздрогнула и взглянула на своего спутника. Рысь уже разгребла снег и сосредоточенно разбрасывала смерзшуюся буковую листву. Зверь вновь оказался умнее меня – Астену была нужна могила. К счастью, шуба из листьев оказалась теплой – до земли мороз не добрался, и мы вдвоем к полудню вырыли достаточно глубокую яму, в которой и было суждено упокоиться сыну эльфийских властителей. То, что я сотворила потом, не свидетельствовало о моем благоразумии, но я не могла иначе – черная дыра казалась такой темной и холодной... Велев Преданному оставаться возле тела, я пошла назад к зарослям бересклета и шиповника, на которые мы вчера любовались.

Я ломала руками, кромсала ножом гибкие темно-зеленые ветви, покрытые раскрывшимися плодами, так смахивающими на весенние цветы. Остановила меня резкая боль – я умудрилась-таки порезаться... Сорванных веток хватало, чтобы достойно проводить всех погибших, но до всех мне не было дела – пусть их лежат... Они считали меня опасным животным, что ж, я таковым и стала. По их милости и для них.

Я выложила дно могилы ветками, на которых расстелила плащ Астена, затем кое-как спустила его самого, накрыв до подбородка своим плащом, – мне не хотелось, чтобы его касались тряпки тех, кто вышел на охоту за нами... Себе я оставила кинжал, с которого не стала стирать его кровь. Пусть будет со мной, пока ее не смоет чья-то еще или же моя...

Оружие врагов – подходящее украшение для могилы воина, а Астен был воином, защищавшим до последнего вздоха эту землю и... меня. Женщину, навязанную ему судьбой в спутники и ставшую причиной его гибели. То, что я так легко смогла отомстить, делало его смерть еще более жестокой и ненужной. Я в последний раз расправила золотистые волосы, коснулась ледяной руки. Больше всего мне хотелось остаться здесь навсегда, но тогда я была бы не чудовищем, я была бы предательницей, подсадной уткой, приманкой, из-за которой погибают лучшие из живущих на этой земле...

Я забросала Астена ветками и с помощью Преданного зарыла яму. Обошла убитых и собрала оружие – кинжалы, луки, мечи – и соорудила что-то вроде ограды. Можно и нужно было идти, но я медлила. Камней здесь не имелось, а вот всяческие лесные твари водились, без сомнения. Если не грянут совсем уж лютые морозы, то лисы и волки разгребут рыхлую землю в два счета. Сделать с этим было ничего нельзя, но мои ноги, казалось, приросли к месту, а в душу словно вогнали чудовищный кол... Проклятое воображение рисовало, как острые лисьи зубы рвут тело эльфийского принца, как к весне только несколько выбеленных снегом костей остается от того, кого я начинала любить.

Я не могла ни смириться с этой мыслью, ни отогнать ее и тупо глядела на разворошенную землю. Глядела, но не видела, во всяком случае я не сразу заметила то, что творилось под моим взглядом. Земля начала плавиться. Текучие медленные ручейки, от которых веяло жаром, лениво сползали с небольшого холмика, сливались друг с другом. Могила на глазах покрывалась блестящей глазурью, словно какой-нибудь сахарный пирог. Я лихорадочно оглянулась в поисках какого-то волшебника, пришедшего на помощь. Лес был пуст; немногочисленные зимние птицы и те разлетелись, напуганные вчерашней схваткой и нашим с Преданным присутствием. Мы были одни, а это означало, что я сотворила еще одну волшебку. Не представляю, как я это сделала, но мое неистовое желание защитить мертвого друга от падальщиков каким-то образом расплавало почву. И не только расплавало, но и превратило ее в сверкающий лиловый камень с белыми и сиреневатыми прожилками. Могила была надежно защищена аметистовой броней, а белые пятна в камне напоминали печальных лебедей. Мимолетная эта мысль нашла немедленный отклик. Внутри лилового монолита замерцали, перемещаясь, светлые огни, и в центре отчетливо проступил силуэт прекрасной птицы.

Овладевшая мной сила покинула меня, едва лишь мерцающий лебедь застыл, печально склонив гордую голову. Сразу дала знать о себе боль в изодранных руках и стало очень, очень холодно. Тот, кто в меня вселился, видимо, устал и махнул на все рукой. Вот тут бы и лечь у свежей могилы да заснуть навеки, но сидящее во мне упрямство вскинулось на дыбы. Я должна выжить и найти Рене Арроя! Иначе Астен погиб зря, а уж этого-то я допустить никак не могла.

Я торопливо обыскала всех покойников еще раз и собрала то, что мне могло пригодиться и что я могла унести с собой. Белый плащ Аутандиэли, сорванный первым же порывом ветра, похоронным флагом висел на кусте бересклета. Я его взяла, и он пришелся мне впору. Уцелела и фляга странноватого эльфийского напитка, отгоняющего усталость, и куча всякой мелочи типа колец, медальонов и амулетов. Некоторые из них наверняка имели какую-то силу, и я прихватила их с собой. Если мне доведется увидеть Романа – а я доживу до этой встречи хотя бы для того, чтобы рассказать ему правду о том, что произошло сегодня! – я отдам ему весь этот скarb. Пусть сам разбирается с ним в меру своих знаний и понятий, а мне надо идти.

К счастью, я достаточно хорошо знала небо, по крайней мере достаточно, чтобы найти север. Первые люди, к которым я смогу обратиться, будут эландцами. Так решил Астен, и мне оставалось только следовать его решению. Я в последний раз оглянулась на сверкающий холмик и зашагала на северо-восток. Впереди у нас с Преданным была целая зима...

Часть вторая

Талая вода

*Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.*

Анна Ахматова

Глава 1

*2229 год от В. И. 2-й день месяца Агница
Арция. Святой град Кантиска
Эланд. Идакона*

1

– Б ывают новости и получше, – отрывисто бросил герцог Аррой присмирившему Зенеку. – Можешь идти.

Аюдант тихо вышел. Меньше чем за год неотесанный деревенский парнишка превратился в расторопного молодого офицера, что, впрочем, никак не сказалось на его фронтерском выговоре, но Рене было не до подобных мелочей. Он смертельно устал от неопределенности, от необходимости скрывать свое раздражение и все чаще накатывавшее чувство безнадежности. Владыка Эланда сидел у стола, со злостью глядя на послание, подписанное старым приятелем, ныне подвизавшимся в Арции.

Капитан, простите, барон Герар был отвратительным придворным, неплохим моряком и хорошим другом. Он не мог не передать Счастливику Рене то, что услышал, когда арцийский двор совершал увеселительную прогулку на флагмане императорского флота – за такое кощунство ублюдков следует сушить на рее вверх ногами, а что останется – отдавать ракам!

Да, в Арции военные корабли служили для того, чтобы катать по Люффере полупьяных нобилей! Конечно, Базилек платил своим морякам, и неплохо платил, но Герар презирал тех, кто его нанял, а вассалом императора он себя никогда не считал. За такого сюзерена камбале и той стыдно будет! То ли дело – друг Рене, в свое время оплативший Гераровы долги и подставивший плечо в схватке с челядью очередного обманутого Гераром мужа. Рене мог рассчитывать на благодарность, и, надо отдать справедливость арцийцу, он с лихвой отплатил за мимолетное эландское великодушие.

Теперь Рене знал точно: «эмико» из Таяны в самом деле является другом и пишет правду. Император Базилек, вернее, его зять, так как сам Базилек давно ничего не решает, не просто не хочет помогать в борьбе с Годоем, но и запретил арцийским нобилям участвовать в объявленном Церковью Святом походе. Мало того, арцийцы, прикрываясь вымышленным походом на Майхуба, пропускали армию Годоя к Гверганде.

Бредовость предлога была очевидна, но она связывала Феликса по рукам и ногам. Пока Таяна не напала на Эланд, Архипастырь обречен вести утомительные переговоры с арцийским двором, если только не решится открыто назвать императора тем, кто он есть. И начать тем самым смуту, что опять-таки на руку Михаю Годую.

Конечно, Церковь сильна, а Церковная гвардия, пожалуй, является лучшей арцийской армией и вполне способна защитить Кантиску, но для того, чтобы вести наступательную войну, она слишком мала. Да и Феликсу лучше не покидать Святой град, так как власть Архипастыря держится на авторитете святого Эрасти, а не на поддержке конклава. Кардиналы не замедлят воспользоваться отсутствием его святейшества, чтобы начать плести свои бесконечные интриги, а таянский регент и арцийский временщик им помогут.

2

Почерк у кардинала Таянского и Эландского был воистину пастырский – округлый и четкий. Не то что быстрые летящие каракули его святейшества, которые тот и сам не всегда мог сразу разобрать, особенно по прошествии времени. Читать письма Максимилиана было бы сплошным удовольствием, если б не новости, которые тот сообщал. Кардинал писал образно и емко, опуская присущую большинству клириков витиеватость и ссылки на Книгу Книг. Разумеется, в официальных посланиях Максимилиан соблюдал все каноны, но в личной переписке был предельно откровенен, за что не терпевший велеречивости Феликс был своему единомышленнику и соратнику глубоко признателен. Говоря по чести, обаятельный, глубоко начитанный Максимилиан, с детства стремившийся к церковной карьере, на месте Архипастыря выглядел бы куда уместнее резковатого, замкнутого Феликса. Судьба же вручила Посох бывшему воину; при желании в этом можно было углядеть волю провидения. Ибо приближалась война.

Феликс машинально поправил свечу в атэвском подсвечнике, изображавшем готового вспорхнуть голубя. Занятно, но у атэвов эта птица символизировала плотскую любовь, а Церковь Единая и Единственная видела в ней символ целомудрия. Рассеянно улыбнувшись и погладив правую руку – привычка, возникающая от постоянного желания убедиться, что он больше не калека, Архипастырь склонился над посланием.

«Дела, дорогой друг, – писал Максимилиан, – оставляют желать много лучшего, хотя назвать их безнадежными я бы тоже не торопился. Соглашаясь выехать в Эланд, я полагал, что вы преувеличиваете достоинства герцога Рене и его влияние на жителей государства, но оказалось, что вы их недооценивали. Рене Аррой – истинный воздъ, которого обожают все его подданные (хотя это слово к жителям Полуострова вряд ли подходит) от мала до велика. Причем Аррой ничего не делает, чтобы завоевать эту любовь и поклонение.

Каюсь, мой дорогой друг, я и сам попал под обаяние этой неординарной личности и теперь могу представить, каким был император Анхель в лучшие свои годы. Не скрою, если бы не герцог Рене, я бы счел положение Гнезда Альбатроса безнадежным, но все равно без помощи нам (видите, любезный Феликс, я уже не отделяю себя от своей строптивой паствы) долго не продержаться. Вести из Таяны приходят самые тревожные.

Не знаю, уцелели ли те источники, которыми располагала Церковь в Гелани. Хочется надеяться, что это так, но самозванец Тиверий находится полностью под влиянием самозваного же регента и, видимо, раскрыл тому все известные ему тайны Церкви. Остается надеяться, что покойный Иннокентий делился со своими епископами далеко не всем. Тем не менее вреда Тиверий и последовавшие за ним уже принесли и еще принесут немало. Когда настанет день расплаты, я буду свидетельствовать перед конклавом против них и с чистой совестью предам нынешнюю таянскую клику в руки Скорбящих братьев. Но вернемся к делам нашим.

Если я повторяю то, что уже известно в ваших южных краях, пропустите эти строки, хотя я почти уверен, что они станут для вас столь же неприятной новостью, что и для меня.

Начну, однако, с хорошего. В Гелани у нас появился некий таинственный друг, присылающий голубиной почтой новости исключительной важности. Кроме того, Рене имеет в Таяне своих прознатчиков, имена которых держатся в строжайшей тайне, за что я герцога не виню. Люди, помогающие нам из логова чудовища, заслуживают того, чтобы об их безопасности заботились.

Итак, нам достоверно известно, что в Гелани скапливаются войска, причем их численность превышает возможности Таяны и Тарски вместе взятых. Михай называет новую армию горским ополчением, но это прекрасно обученные воины, подчиняющиеся железной дисциплине и фанатично преданные делу, о котором я расскажу ниже. Рене утверждает (и у меня нет оснований ему не верить), что эти воины принадлежат к расе гоблинов, каковых мы многие годы почитали вымышленными существами. Тем не менее наш вездесущий герцог в юные годы предпринял путешествие в Последние горы и имел сомнительное удовольствие познакомиться с этими существами достаточно близко. Не столь давно последовало нападение, свидетелем которого стал брат Парамон, а теперь одного из гоблинов видел собственными глазами и я. Он принес на себе (я не преувеличиваю!) в Эланд больного графа Гардани, выполняя клятву, данную известному вам Роману Ясному. Как барду удалось вынудить гоблина это сделать, я не знаю, но мог лично убедиться в том, что Ночной народ, как их еще называют (самоназвание этих созданий – орки), обладает нам непонятным, но очень строгим кодексом чести.

Статью эти существа не сильно отличаются от людей, но лица их (если подобные физиономии можно назвать лицами) способны даже самого храброго человека лишить сна. Гоблины довольно высоки ростом, широки в плечах, их руки несколько длиннее человеческих, а сами они обладают огромной силой. Одеваются в основном в кожу и домотканое сукно, предпочитая мрачные, темные тона в одежде, что как нельзя лучше сочетается с их отталкивающими физиономиями. У них смуглая кожа, жесткие черные волосы, начинающие расти почти от сросшихся бровей, воистину звериный оскал, узкие рысьи глаза черного или желтого цвета. Они носят длинные висячие усы, а волосы в зависимости от семейного положения либо стригут в кружок, либо стягивают сзади в некое подобие конского хвоста. Это неутомимые и свирепые бойцы, исстари предпочитающие в качестве оружия усиленные луки, дротики, пращи, кривые ятаганы и кинжалы. Копья у них не в почете – очевидно, потому, что, обладая руками такой длины, они могут достать любого врага саблей или кинжалом. До последнего времени гоблины предпочитали биться по старинке, «один на один», не имея практически никакого понятия о тактике, не говоря уж о стратегии, и презирая современное оружие, кроме арбалетов, к которым их приучили тарскийцы.

К сожалению, в последнее время ситуация изменилась. По приказу и при личном участии Годоя гоблины осваивают длинные пики и алебарды, одновременно обучаясь атаковать или обороняться большими колоннами и действовать совместно с тарскийскими мушкетерами. Учитывая их

огромную силу, ни в Эланде, ни в Арции противопоставить пехоте, организованной подобным образом, нечего.

Рене полагал, что численность гоблинов невелика, но он ошибался. В юго-западной области Последних гор, которую он посещал, гоблины действительно живут в небольших деревнях, занимаясь скотоводством и охотой, а также рубят лес и сплавляют его по горным рекам в Тарску. Кстати, они тоньше в кости и более похожи на людей, чем их северо-восточные родичи.

Те же, видимо, живут большими поселениями и подчиняются своим вождям, которые присягнули на верность Годой. Как нам стало известно, сделали они это по доброй воле, так как регент открыл им, что намерен вернуть в мир их богов. Мы с герцогом Арроем и Шандером Гардани провели несколько вечеров, пытаясь из полудетских воспоминаний первого и разговоров бедного Шандера с его невольным спасителем (кстати, граф вспоминает «своего» гоблина по имени Уррик весьма тепло и искренне возмущился, когда я назвал того нелюдем!) составить единую картину верований этого племени и на основании этого понять, чем же их мог завлечь Михай Годой. Впрочем, я полагаю, что сам герцог Рене придает этим легендам куда большее значение, чем пытается показать. Надеюсь, со временем он станет со мной более откровенным.

Пока же возвращаюсь к нашим неприятелям. Гоблины уверены, что были созданы (надеюсь, эта ересь не дойдет до ушей Скорбящих братьев, иначе я рискую окончить свои дни, приняв Агва Закта, чего не хотелось бы) не Триединым, но некими Истинными Созидателями, сотворившими Тарру и населившими ее сначала неразумными тварями, затем существами, сочетающими в себе животное и разумное начало и ныне вымершими, и людьми, обладающими бессмертной душой. Последнее с точки зрения гоблинов является признаком ущербности, ибо дает право на ошибку, которую можно исправить или искупить в следующей жизни. Себя же гоблины почитают венцом творения, так как не имеют души и рождаются, чтобы выполнять свое предназначение, которое за них никто не исполнит, а затем исчезнуть навсегда, покрыв себя либо позором (если долг не исполнен), либо славой.

Шандер пытался доказать своему спасителю, что тот, как и всякая разумная тварь, обладает бессмертной душой, но не преуспел в этом. Зато его спаситель рассказал ему весьма забавное гоблинское предание. Оказывается, Истинные Созидатели были уничтожены вторгшимися в наш мир чужаками, которые привели с собой своих прихвостней, что как две капли воды похожи на действующих в наших сказках бессмертных эльфов.

Уничтожив Истинных Созидателей, узурпаторы установили свое господство, которое длилось семь тысяч лет, после чего вместе с эльфами внезапно покинули сей мир. Гоблины во времена владычества эльфов отступили в Последние горы, где и жили в ожидании знамения возвращения Истинных Созидателей, которых, по их мнению, можно вернуть. Как это сделать, «друг» Шандера, естественно, не знает, но именно при помощи этой нехитрой приманки Годой заставил Ночной народ выползти из нор и встать под свои знамена.

Как и следовало ожидать, тарские внушили своим звероподобным союзникам, что начинать следует с Эланда. Разумеется, никаких Созидателей они там не найдут, но беду могут причинить немалую. Я с

трудом представляю, как наш бесподобный регент станет объясняться с приведенной им ордой, когда гоблины поймут, что их обманули. Впрочем, боюсь, поймут они это еще не скоро.

Рене полагает, что Годой предназначил гоблинов для того, чтобы взломать оборону Эланда, а потом по их трупам пойдут тарскийцы. Таянцы, по мнению адмирала, не горят желанием воевать, им слишком памятна дружба Альбатроса и Рыси, к тому же они запуганы и растерянны, а страх и растерянность – не те чувства, которые делают из человека воина.

Видите, дорогой друг, я начинаю рассуждать о некоторых вещах как заправский генерал. Однако не гоблины и не тарскийские стрелки более всего беспокоят герцога Арроя. В Таяне творятся вещи, непонятные человеческому разумению. То, что Годой далеко продвинулся по дороге Недозволенной магии, очевидно, и никто не может представить, какие страшные тайны открылись ему на путях, благоразумно запрещенных святой Циалой. Мы точно знаем, что он научился подчинять тело другого человека своей недоброй воле; правда, делать это, судя по всему, весьма трудно, и результат непредсказуем. Во всяком случае, принц Стефан Ямбор и граф Шандер Гардани устояли перед этим колдовством, но ценой тяжелой болезни.

Состояние Гардани лично мне представляется безнадежным – он медленно слабеет, и помочь ему не может никто. Возможно, если бы в Идакону вернулся Роман Ясный, сумевший излечить Стефана, он спас бы и графа Гардани, но где находится либер, не известно никому. Мне искренне жаль графа, который переносит свои страдания с необыкновенной стойкостью, и я полагаю, что одно это преступление делает возможным применение против Михая Годоя любых мер.

Пока же мы готовимся к войне и считаем дни, которые нам для этого отпустила великодушная зима. Не скрою, то, что весна в Эланд приходит на месяц позже, чем в Южную Фронтеру, вселяет определенную надежду. Если бы Святое воинство нанесло упреждающий удар через Гремиху, планы Михая были бы серьезным образом нарушены, ибо ему пришлось бы дробить свои силы. Без этого наше положение будет очень тяжелым, но я все же надеюсь на вашу решительность.

*Остаюсь искренне ваш,
Максимилиан Эландский.*

Писано в двадцать шестой день месяца Вепря».

– В двадцать шестой день месяца Вепря, – пробормотал вслух Феликс. – Проклятье! Можно подумать, я не понимаю, что все это значит... Но я ничего не могу поделать с этими мунтскими ублюдками!

Его святейшество еще раз пробежал глазами послание. Через месяц-полтора дороги в Таяне и Фронтере просохнут. Тут бы и дать по рукам зарвавшемуся выскочке! За зиму к стенам Кантиски стеклось немало народа, желающего помахать шпагой во славу Триединого и своего кошелька, но армия должна покинуть Святую область и пройти половину Арции, чтобы достичь Фронтеры – если начать с удара по Таяне, или же Гверганды – если соединить силы Церкви с силами Эланда.

Вряд ли Годой рискнет сунуться в междуречье Ганы и Садры раньше месяца Медведя, но выступать надо самое позднее через неделю, а это невозможно. Разве что объявить войну еще и Базилеку, но без Романа с его чудесами из этого вряд ли что-то выйдет.

Архипастырь нервно погладил руку, затем решительно дернул шнур звонка. Брат Парамон, уже вполне освоившийся с должностью секретаря его святейшества, но все еще робеющий блистательного брата Фиделиуса, возник на пороге, близоруко моргая.

– Мне нужен Сарриж, – отрывисто сказал Феликс, – и побыстрее.

Его святейшество откинулся в кресле, глядя в расписанный великим Триго потолок и не видя его. Задуманное счел бы безумием сам Филипп, но другого выхода Архипастырь не видел, хотя искал с того злосчастного дня, когда в его кабинет провели смущенного графа Фло, посла его императорского величества Базилека.

Длиннейшее велеречивое послание, без сомнения сочиненное канцлером Бернаром, оказавшимся достаточно дальновидным, чтобы жениться на тогда еще не императорской дочке, сводилось к тому, что провозглашенный Церковью Святой поход неугоден Мунту.

Реакция империи Феликса не удивила, более того, не знай Архипастырь подробностей творящегося в Таяне, он бы счел ее обоснованной. Арция одряхла и держалась лишь потому, что никому не приходило в голову ее хорошенько потрясти. Некогда присоединенные королевства и герцогства все еще назывались провинциями, а местные нобили были слишком сыты и ленивы, чтобы отложиться. Архипастырь не мог не понимать, что рано или поздно кто-то решит из герцога или графа превратиться в короля, и если ему улыбнется удача, а она улыбнется, буде мятежник окажется смел и предприимчив, то империя не протянет и несколько лет.

Базилек и его окружение предпочитали не замечать очевидное, полагая, что на их век хватит. Они опасались другого – усиления Таяны и Эланда. Пусть союзники на Арцию не покушались, раздвигая границы за счет северных и восточных земель, примыкающих к Запретной черте, фронтерские нобили начинали поглядывать на Рене и Марко как на возможных сюзеренов, от которых куда больше толку, чем от мунтских вырожденцев. Отставка же, данная Стефаном беспутной императорской родственнице, подкосила объединение старого с новым путем династического брака. Бернар, в отличие от Базилека собиравшийся прожить и проправить еще лет пятьдесят, видел, что процветание Таяны означает закат Арции. Неудивительно, что ссора Рыси с Альбатросом представлялась имперцам чудесным спасением.

Базилек без колебания признал все права Михая Годоя и спешно отправил в Гелань с дипломатической миссией графа Фредерика Койлу, сделавшего все возможное и невозможное, чтобы укрепить регента в его желании захватить Эланд. Годой принял графа по-королевски, завалив его подарками и введя в круг своих избранных друзей. В этих условиях непреклонная позиция Церкви, не признававшей притязаний тарскийца, не могла вызвать у Мунта ничего, кроме отторжения.

В своем письме Бернар указывал, что не намерен вмешиваться в дела его святейшества, но не может позволить Святому воинству пройти через имперские владения и воспрепятствует присоединению к Святому походу своих вассалов. Более того, Базилек осведомлен о том, что далеко не все члены конклава разделяют мнение Архипастыря. Канцлер недвусмысленно намекнул, что империя поспособствует расколу Церкви и предоставит мятежным клирикам лежащую недалеко от Мунта Фей-Вэйю, чье имя тесно связано с именем Циалы Благословенной. Были и другие угрозы и намеки, но в сравнении с первыми они выглядели словно землянички рядом с ифранской дыней.

Феликс понимал, что унять императорского зятя вполне возможно. Если пустить в ход то оружие, которым так сильны церковники, и свои личные связи в Мунте – в свое время рыцарь Флориан входил в число друзей убитого при Авире принца Эллари. Увы! У Архипастыря не было времени, склока с Арцией при любом исходе помогала Годую, а рисковать единством Церкви на пороге потрясений, которые сулило лето, казалось безумием.

Феликс был вынужден ждать, копя силы в подвластной ему Святой области, собирая припасы и деньги, тренируя добровольцев, которым для того, чтобы примкнуть к войску, не требовалось разрешение сюзерена. Уже сейчас под Кантиской собралось не меньше десяти

тысяч волонтеров, которые вкупе с двенадцатью тысячами отборного церковного войска представляли немалую силу. Только сила эта была связана по рукам и ногам бездарным императором и его обнаглевшими родственниками. Феликс видел, что единственным выходом станет ускоренный марш на помощь Рене, но сперва придется дождаться нападения Годоя на Эланд. Только вот дорога займет не меньше полутора месяцев, и все это время Аррою придется отбиваться в одиночку, а этого-то Феликс и не мог допустить.

Лейтенант Сарриж застал Архипастыря изучающим карту Пантаны. С той невероятной ночи в храме Святого Эрасти все свидетели явления великомученика и расправы над свято-татцами держались вместе. Добори со своим аюдантом, брат Парамон и Ксавье Сарриж стали надежной опорой Архипастыря. Феликс не стал хитрить.

– Посмотри сюда. – Архипастырь ткнул пальцем в пантанские болота. – Тебе нужно добраться до этих мест и разыскать остров в болоте, который называют Убежищем.

Лейтенант с явным непониманием смотрел на Феликса, и тот со вздохом продолжил:

– То, что я тебя прошу сделать, конклав назвал бы ересью, но мы не имеем права оставлять Эланд без помощи. И по милости Бернара мы не можем ударить по Годой первыми.

– Еще бы! – Лейтенант подался вперед. – Но что мне делать в Пантане?

3

Карта, разглядываемая Рене, была родной сестрой той, на которую смотрел в Кантиске Архипастырь. Мало чем отличались от мыслей его святейшества и выводы герцога. Удар через Фронтеру имел смысл в начале месяца Иноходца, когда Эланд и север Таяны еще лежат под снегом, а Гремихинский перевал становится проходим. Если бы Годой оказался втянут в войну на юге, Рене получал возможность ударить через Внутренний Эланд. Вместе они бы могли победить, особенно догадайся таянцы поднять восстание. Пока же самым догадливым оказался Годой, успевший за зиму спеться с Базилеком. С другой стороны, войско, состоящее из отборного ядра Церковной гвардии и оравы добровольцев, среди которых попадались как прекрасно владеющие оружием нобили, так и крестьяне с дубинами, вряд ли выстоит против объединенных сил Тарски, Таяны и гоблинов. Вполне может случиться, что Годой Феликса разобьет, а поражение Архипастыря подорвет боевой дух защитников Эланда.

– Конечно, подорвет, – встрял Жан-Флорентин. – И не смотри на меня так. Мысли я читать не умею и вообще полагаю так называемое мыслечтение выдумками невежд. Зато я умею читать карту и знаком с твоим образом мышления, к тому же ты кое-что произносишь вслух. Очень мало, но достаточно, чтобы понять, если знать, над чем ты думаешь...

– Да ни над чем я не думал, – огрызнулся Аррой.

– И совершенно зря, – менторским тоном отвечивал жаб, – ибо существует только тот, кто мыслит. Ты же для человека рассуждаешь достаточно здраво, по крайней мере ты в состоянии понять одну притчу, которую я считаю своим долгом тебе изложить.

Рене Аррой промолчал, так как давно смирился с мыслью, что остановить Жана-Флорентина, рассказывающего одну из бесчисленного множества ведомых ему поучительных историй, невозможно. Жаб торжественно начал:

– Сразу же после Исхода никто не верил, что Светозарные, как они себя сами называли, ушли навсегда. Люди ушедшим богам доверяли, а те в общем-то неплохо с вами обращались. Впрочем, тебе бы подобное не понравилось. Ты – убежденный сторонник свободы воли и свободы выбора, а Светозарные были уверены, что они лучше других знают, что смертному делать можно и чего нельзя. Тогда очень приятно было жить тем, кто боится выбора, а выбор – это самое трудное, что только может встретиться мыслящему существу. Считалось, что право выбора, право принимать решение есть у богов, а прочим оно вроде и ни к чему, потому что...

– Ты, милый друг, по-моему, отвлекся, – напомнил адмирал. – Скоро сюда пожалуют Максимилиан с Эриком и Диманом, так что заканчивай.

– О, сколь суетливы люди, и как далеки они от высокого, – посетовал Жан-Флорентин, тем не менее возвращаясь к предмету беседы. – Так вот, сразу же после Исхода никто в него не верил. Постепенно стали появляться всякие проповедники, которые потом образовали эту вашу Церковь. Они ходили и говорили, что Светозарных нет, а есть Триединый, единый в трех лицах Создателя, Судии и Спасителя. Ну, ты же знаешь эту ненаучную и по сути ничего не объясняющую теорию, которая опять-таки подменяет собой право выбора...

– Жан-Флорентин, – холодно предупредил Рене, – если ты сейчас же не прекратишь, я расскажу про тебя Максимилиану, и веди с ним богословские споры сколько хочешь, а меня уволь. Мне рассказы про Триединого без надобности. Раз он не может или не хочет нам помогать, не о чем и говорить.

– У тебя исключительно утилитарный подход к одному из самых сложных вопросов, – возмутился жаб, – но признаю, что в данной обстановке подобная точка зрения вполне обоснованна. Итак, знаешь ли ты, как первый Архипастырь святой Амброзий обратил в свою веру жителей Кантиски? Я говорю не о приукрашенном и позолоченном варианте, описанном в этом недобросовестном труде, который называется Книга Книг, а истинную историю. Ты меня слышишь?

– Слышу, – подтвердил Рене, – но Максимилиан, надо полагать, уже внизу.

– Ну, хорошо, – зачастил Жан-Флорентин. – В Кантиске, а это был большой по тем временам торговый город, находилось самое известное капище Светозарных. Это вполне объяснимо, так как каждый купец старался задобрить если не богов, то хотя бы их жрецов, которые вовсю баловались магией Света. Так вот, этот самый Амброзий взял да и сжег один из храмов. Самый красивый, кстати. И ничего ему за это не было, так как вместе со Светозарными исчезла и их магия. Ну, люди не то чтобы уверовали в Триединого, но увидели, что старые боги сами себя защитить не могут, а этот Амброзий с его приспешниками творит что хочет. Народ не стал спорить, когда те на месте разрушенного храма свой соорудили. Как говорит Диман: «Нахальство – второе счастье».

– Друг мой, ты что-то стал выражаться неподобающим философу образом, – усмехнулся Рене.

– Отнюдь нет, – ответствовал философский жаб, – я, кажется, упоминал, что бытие определяет сознание. А я вынужден находиться среди военных людей, не очень образованных, но обладающих живым, образным мышлением, что накладывает определенный отпечаток и на мою манеру поведения.

– Короче, с кем поведешься, от того и наберешься, – подытожил Рене, поднимаясь, чтобы приветствовать вошедших советников.

Глава 2

2229 год от В. И. 3—14-й день месяца Агнца

Запретные земли

Озерная Пантана. Босха

1

Криза и Рамиэрль быстро шли на восток. Эльф *знал* дорогу так, словно бы тысячу раз уже проходил ею, и не важно, стало ли тому причиной черное кольцо на его руке или что-то еще. Криза держалась молодцом. Она тащила на себе столько, словно была не девушкой, пусть и варварского племени, а вьючным мулом, и при этом без умолку болтала. За месяцы, проведенные в дороге, Рамиэрль и орка не встретили ничего сверхъестественного. Это был обычный зимний поход в горах. Трудный, конечно, но по-своему даже скучный. Бесконечные подъемы и спуски, выбор самой удобной дороги, охота, поиски места для ночлега – вот и все.

Рамиэрль узнал, что в горах удобнее ходить по верху гребней. Даже делая на первый взгляд огромный крюк, ты приходишь к цели быстрее и куда менее уставшим, чем если бы ломился напрямик, спускаясь в долины и карабкаясь на кручи. Криза не просто хорошо знала горы – она их чувствовала, поэтому ни лавины, ни метель ни разу не застали путников врасплох. От Рамиэрля требовалось одно – указывать направление, остальное орка брала на себя. Дичиться она перестала очень быстро и столь же быстро принялась овладевать арцийским. Рамиэрль от своей попутчицы не отставал, его успехи повергли бы в ужас Эанке, для которой гоблины были существами, отличающимися от крыс лишь размером и степенью опасности. Что до самого Нео, то он предпочел бы век в окружении гоблинов месяцу наедине с красавицей-сестрой.

Либер не был бы самим собой, не расспрашивай он попутчицу о корбутских преданьях и гоблинском житье-бытье. Криза отвечала охотно и с подробностями. Ко всему, у девчонки оказался чистый сильный голос, и она с удовольствием пела старые песни и баллады, многие из которых казались Рамиэрлю весьма красивыми. Разумеется, бард принялся их переводить, благо времени хватало – иногда им по несколько дней приходилось пережидать бураны или прятаться в скалах, ожидая, когда нависшая над дорогой снежная громада сползет вниз, сделав восхождение на какое-то время безопасным.

Им везло: Последние горы в месте перехода заметно понижались, словно бы проседая. Это было царство поросших лесом хребтов, разделенных долинами. Тысячелетия сгладили некогда острые вершины, придав им форму таянских курганов; летом здесь царствовали травы и странные белые, словно вырезанные из бархата цветы, про которые особенно любили петь гоблины, называя их Слезами Инты.¹²

Путешествие выходило не слишком обременительным, и не будь поставлено на карту столь многое, Рамиэрль получал бы от него удовольствие. Теперь же эльфа одолевали дурные предчувствия, особенно невыносимые по ночам, когда уставшая Криза крепко спала, а Роман, которому для восстановления сил требовалось много меньше времени, час за часом вглядывался в темное небо, усыпанное огромными, как это бывает лишь в горах, звездами. Казалось, они забрели в места, где отродясь не было никакой магии. След Уанна тоже не ощущался. Рамиэрль пытался найти мага-одиночку и посредством волшбы, и выискивая следы прошедшего раньше. Напрасно. Уанн как в воду канул. Либо воспользовался иными путями, о суще-

¹² **Слезы Инты** – гоблинское название эдельвейсов, по преданию выросших из слез Инты, смертной возлюбленной сына Омма, скрывавшейся вместе с детьми в Последних горах.

ствовании которых Рамиэрль мог лишь догадываться, либо погиб, и именно его смерть эльф почувствовал в доме Рэннока.

Рамиэрль так и не смог понять, кого же он потерял – отца, Эмзара, Уанна, Рене, Герику... Все они были ему дороги, любой из них мог в смертный час вспомнить барда и обладал достаточной силой, чтобы послать Последний зов. Ум навязчиво подсказывал, что столь острой будет боль от самой страшной потери, но мысль о смерти отца Роман гнал прочь. Не потому, что был готов выкупить его жизнь ценой другой, кроме, разумеется, собственной. Просто, пока он не знал *кто*, они все оставались живы. Все!

Наступало утро. Криза протирала глаза, потягиваясь, как горная рысь, весело бежала умываться, разводила огонь... Орка свято придерживалась обычая своего народа, согласно которому мужчина, если рядом женщина, не должен унижать себя приготовлением пищи. Каким-то образом девчонка умудрялась создавать на походном костерке кушанья, достойные самой Красотки Гвенды. Затем они пускались в путь и шли до самого вечера.

Эльф с оркой почти миновали хребет, тянувшийся вдоль Большого Корбута, но более низкий и пологий, когда оказались в окруженной горами равнине, похожей на дно высохшего озера. Снега там не было, и Романа поразила странная трава, серебристо-седая и шелковистая, как волосы пожилой женщины. Дул легкий ветер, и по равнине перекачивались серебряные волны. Душу эльфа невольно охватила тоска, горькая и светлая, как последние слезы, когда потеря уже оплакана и наступает облегчение. Рамиэрль коснулся чуткими пальцами гитариста шелковистых травинков, показавшихся странно живыми.

– Здесь вся беда и проходила. Так давно-давно.

– Беда? – переспросил Роман. – Какая беда?

– Старая беда, – шепотом пояснила Криза. – Это Седое поле. Здесь они ходили биться. Созидатели и те, кто пришел. Они все погибшие, а трава стала седая от горе. Это Подзвездное плакало о тех, кто его создавать. Новые не хотели, чтобы другие видели плач земля, и запретили сюда ходить. Мы тоже были трусливыми, мы боялись за дети и уходили за горы.

– Но вы не забыли, хоть вам и было приказано забыть, – откликнулся Рамиэрль. – Не суди своих предков слишком строго.

– Я не сужу, – вздохнула Криза. – Но я хотела, чтобы это лучше была грустная сказка. А она стыдная. Тут должна быть еще колодец, из которого текут слезы всегда. Пойдем искать.

Они искали колодец до ночи, но не нашли ничего. Только шепчущую о чем-то седую траву. Лишь на закате над долиной проплыла стая странных белых птиц. Они летели клином и кричали мелодично и жалобно.

– Я тоже знаю про них. Это Белые Птицы, души тех, кто погибал на этом поле. Они вечно летать здесь и вечно звать.

Рамиэрль промолчал. Даже если эти птицы были просто птицами, не стоило разрушать очарование легенды, самой красивой и страшной из рассказанных Кризой. Сам не зная почему, эльф взял с собой прядку седой травы, спрятав туда же, где хранил иммортели с могилы Мариты. Криза с удивлением посмотрела на своего попутчика, подумала и сделала то же самое.

– Я принесу это для дедушки, – с гордостью сказала она, – а то даже он не ходит здесь. Теперь я могу сказать, что всё как рассказывают. Кроме колодца, – честно добавила она.

2

Тенькнула птица, ветер легонько пошевелил тонкие молодые ветви... Прозрачные капли нехотя скользили по золотистым сережкам и стекали вниз, на мерцающий лиловый камень.

Как это похоже на слезы, подумал Клэр Утренний Ветер, проследив взглядом их падение. Эту заросшую белой ветреницей поляну, окруженную стройными буками, они нашли на рассвете. И вот Эмзар пятый час сидел рядом с могилой брата, положив руку на аметистовое

надгробие. Клэр сначала стоял поодаль, потом, видя, что Снежное Крыло ничего не замечает, подошел поближе. Как ни странно, Эмзар услышал и, вздрогнув, поднял темноволосую голову, нетерпеливо откинув падающую на глаза прядь.

– Хорошее место, Клэр. Думаю, если б Астени мог выбирать, где ему остаться, он выбрал бы такую поляну и... – Владыка Лебедей запнулся и махнул рукой. – Я знал, что он не вернется, но надеялся, что это не будет так сразу... И так страшно!

– Но откуда эти аметисты?

– Разве это не очевидно?

– Для меня – нет...

– Герика. – Эмзар поднялся на ноги и нарочито тщательно принялся расправлять складки плаща. – Ты больше не должен думать о мести, Клэр. За Тину рассчитались сполна. Смотри... Вон туда смотри, где кривое дерево, и дальше, чуть влево... Да, там... Только пригнись, я сидел, потому и увидел.

– Но Геро ничего не могла, ты же ее видел.

– Не могла, но смогла... *Так* похоронить Астени под силу только ей, ведь Эстель Оскора – порождение этой земли. Значит, она пережила бой, а здесь был бой, я уверен. Астени погиб, а Герика... скорее всего, потеряла голову, и то, что в ней спало, вырвалось на волю. К счастью, она пришла в себя, раз вспомнила про Астени. А вот Эанке и всех, кто с ней был, хоронили волки.

– Чудовищно...

– Не говори глупостей! – Голос Эмзара стал жестким. – Это первая хорошая новость с тех пор, как Рамиэрль пошел за Белым Оленем. Сила Тарры оживает в этой смертной. И, клянусь Великим Лебедем, Геро сумеет ее взнудать.

– Но что она сотворила с... Эанке и остальными... – Клэр пересек полянку и раздвинул зеленеющие ветви шиповника. – Наверное, надо их... то есть то, что мы нашли, забрать в Убежище?

– Они сами выбрали свою судьбу, и та их настигла. Эанке проклята, и пусть это проклятие останется с ней. Я не знаю, что может прийти с ними на Остров, а рисковать всеми, кто там остался, нельзя.

Клэр согласно склонил голову.

– Да будет так. Простить я не могу, забыть – тоже. Постараюсь об этом не думать. И все же я рад, что Геро... заплатила мой долг. Мне было бы тяжело убить женщину.

– Окажи ей равную услугу и убей Годоя. Вряд ли ей будет легко поднять руку на отца, каким бы тот ни был, а его смерть – жизнь всех остальных. Но ты ошибаешься насчет долга. От него нас с тобой не избавит никто. Мы должны платить Тарре не только за себя, но и за наших струсивших повелителей...

3

Они не стали разбивать лагерь на Седом поле, а вернулись в горы. Больше ничего примечательного ни в этот день, ни в следующие не произошло. Местность становилась все более пологой, ели и лиственницы сменялись сначала буками, затем зарослями орешника, и наконец путники вышли к настоящему травяному океану. Это было бескрайнее море золотистой прошлогодней травы, сквозь которую уверенно пробивался ясно-зеленый молодой подшерсток. На зеленеющем золоте алели, белели, лиловели первоцветки, вокруг которых кружили проснувшиеся пчелы. Радостный весенний мир мало напоминал мрачные церковные сказки о Запретных землях, но на гоблинские Равнины Горя зацветающая степь походила еще меньше.

Рамиэрля продолжало властно гнать на восток. Криза радостно шагала рядом. Несмотря на тяжелую ношу, орка умудрялась собирать невиданные степные цветы, на коротких привалах

украшая себя венками. Девушка всегда остается девушкой, даже если принадлежит к племени гоблинов. Как бы то ни было, реку первой заметила именно орка, не имевшая обыкновения тонуть в мыслях. И река эта была огромной. Они вышли на крутой берег и замерли, любуясь плавным, величавым течением. Даже Гана в сравнении с этой запретной красавицей казалась жалкой речонкой. Дальний берег мог рассмотреть разве что эльф, для человека и даже для гоблина он сливался с небом и неторопливыми волнами.

Видимо, в этих краях паводков не знали или же они прошли тогда, когда путники еще не перевалили через горы, – река была чистой, прозрачной и спокойной. Кое-где берег порос зеленеющим кустарником. Чуть дальше по течению Роман заметил протоптанную множеством копыт тропу – сюда заходил на водопой конский табун, но никаких следов жилья, никакого дерева, из которого можно соорудить плот. Конечно, можно подняться по течению или спуститься в поисках брода, но сколько дней придется потратить, чтобы найти место для переправы или помощь?

Эльф легко спустился к воде и опустил в нее руку. Холодно, но не настолько, чтобы стать смертельным.

– Криза, ты умеешь плавать? – Он не сомневался, что не умеет, но спросить был обязан.

– Нет, – удивилась она, – а разве можно это делать не рыбе и не жабе?

– Можно, – заверил ее Рамиэрль. – Более того, именно это я сейчас и сделаю.

Она непонимающе уставилась на него черными глазами. Оставлять орку на берегу не хотелось, но выхода у них, похоже, не было – время не ждало.

– Криза, – эльф говорил медленно и ласково, как с Перлой, когда та начинала капризничать или же бояться, – давай договоримся. Я поплыву через реку. Ты останешься здесь. Тут, по-моему, неплохое место для стоянки. Жди меня, – он подумал и решил, – до четвертого полнолуния, считая нынешнее. Если меня не будет, иди к деду и все ему расскажи. Но я вернусь, и, скорее всего, не один.

Внучка старого Рэннока в самом деле была умной девушкой. Она, конечно, расстроилась, но поняла, что так нужно. Рамиэрль помог ей разбить лагерь в зарослях какого-то кустарника с желтыми цветочками, собранными в изящные кисти. Эльф с удовлетворением осмотрел дело рук своих – можно пройти в двух шагах и не заметить. Не похоже, чтобы в этих местах кто-нибудь был, но осторожность не помешает.

Прощанье отложили до утра, и это было ошибкой, потому что впервые за все время пути они не знали, о чем разговаривать. Костер, ловко скрытый в небольшой впадине, тихо догорал, прощальный ужин, сооруженный оркой из ничего, был съеден, золотистый эльфийский напиток выпит. Просто лечь спать обоим казалось неуместным...

– Криза, раз уж мы так засиделись, расскажи мне про Слезы Инты.

Орка с готовностью кивнула, ее тоже мучило молчание, а потом, она, по всему, очень любила эту историю. Внучку Рэннока всяческие предания волновали куда больше того, что творилось у нее перед глазами. И при этом девушка крепко стояла на земле и обо всем имела свое мнение. Рамиэрль про себя улыбнулся: именно этой глубинной уверенности в своей правоте и не хватало последние две тысячи лет его народу...

– Ну так кто же она была, эта Инта?

– Человек... Смертная, не как ты... Но и не наша. Жаль, что так было, но зачем врать? – Раскосые черные глаза с вызовом уставились на собеседника. – Мы всегда помним так, как было. Пусть для нас это не так славно... нельзя ложить... лгова... говорить не так про тех, кто уже ушел. Это самый большой грех, это северные говорить, что им нужно, мы – не такие.

Орка замолчала, в яме потрескивал огонь, с реки тянуло свежестью, что-то громко плеснуло, похоже, рыба здесь была под стать самой реке – огромной...

– Тогда бывало все иначе, – вновь заговорила девушка. – Были холмы. Много холмов. И много больших деревень, совсем больших...

– Городов?

– Да, городов. Там жили люди. И орки. Все воевали, мирились, умирали, жили. А Созидатели часто приходили и бродили среди живых. Но никто не знал, что это они. Они приходили и уходили. А потом у людей рождались ребенки... У нас, гоблинов, такого не получивалось... Жаль, но так было. А потом дети Созидателей уходили далеко... Они не умирали до Последней битвы, про которую знала старая гарга, которая знала все. И за это Созидатель Созидателей, великий Омм отдал ей навсегда много земли, и она делала там, как хотела. И там никто не может жить, там воды столько же, сколько земли, и тот, кто туда идет, не вернется...

Гарга сказала, что будет битва, в ней погибать все и родится новое, которое будет на потом. А какое оно станет, никто не знает до Последней битвы. Если больше победить Созидатели, жить будет можно. Если их враг, то жить будет очень плохо. Созидатели готовились к этой войне, но сначала пришли те, кто пришли. Они называли себя Светом, но были злая беда. Они убивали всех Созидателей и их детей. Наши тоже были там... Седое поле стало седым в тот день... Ты видел. И теперь нет никто, когда прийти время Последней битвы, поднять оружие на зло, и все получит оно. Если только сама земля не возвращать Созидателей. Но это трудно, почти никак сделывать...

Если б орки могли дать им жизнь, но мы можем только умирать за эту жизнь навсегда, все теперь в руки дети Инты... Она была просто молодая. Людей Созидатели не делают красивыми, но они любят их, а не нас... Сын Омма увидел Инту в саду дома ее отца, и она захотелась ему. Она была дочь одного господаря из холмов, у нее бывал жених. Наш народ не помнит, кто он был. Наверное, король. Так всегда бывает. Но она ставала подруга сына Омма. Он видел ее только раз, и еще раз, когда ехал на битву с чужими. Он заходил к ней просто так, он был самый молодой из Созидателей и сказал Инте, кто он такой и куда идет.

Она просила его брать ее и показывать война. И он взял на свою коня женщину, хотя не был долган это. Никто из Созидателей такого не делывал. И он оставлял ее на белый камень, откуда все видно. Она видела все. Те, кто пришел, победили. И трава стала седой, а небо белым. Солнце остановилось и стояло в небе от горя, и время тоже упало, как воин, которого бить по голове. И так и было, пока победители не погнали солнце вперед плетью, и оно стало красным от крови и обиды. Они разбудили время, но оно уже пошло в другую сторону. Не назад и не вперед, а вбок, туда, куда нет дороги. Но это было не сразу. А сначала победители ушли, так как устали и на них тоже были много-много ран.

Тогда Инта сошла с камня и хотела искать любимого, – в голосе Кризы слышалось с трудом скрываемое восхищение, – она не боялась страшные бессмертные, которые охраняли поле, чтоб туда никто не появляться, пока новые Хозяева залечивать раны и окружать это место горы.

Дальше было не так, как нам хотеться. Но мы не имеем прав забывать благородство, оно бывает и у врагов. Оскорбить память врага – позор для нашей чести. Инту увидела женщина из племени эльфов. Она была очень сильная, и у нее было много власти. Она была одна из королев, но она пускала Инту на поле, потому что уважала любовь... Она так и сказала, и мы помним эти слова. Они как кусты на стенах обрыва, за которые спасается падающий. Эта королева спасать доброе имя всех своих потомков. Вот... Но Инта так и не знает ее имени. Инта находить любимого. Он был один из всех, кто еще не умирал. И он узнавать Инту и давать ей свой меч. А это был самый сильный меч против зла, который даривал ему отец Омм. И Инта взяла этот меч, а сын Омма тут же умирал, так как только меч и надость отдавать его в надежные руки делала ему жизнь после битвы.

Инта взяла меч, и он тут же менялся в ее руках, и она держать простой посох. И она пошла назад. И плакала. И из ее слез вырастали цветы белые, как побледневшее от беды небо.

Та эльфка выпускала Инту. Она была великая колдунья, но она или не увидела меч, или не хотела увидеть. Никто не знает, что была у нее за душа. А Инта пошла назад. Но что для

крылатого лошада два часа полета, для ноги женщины... – Криза покачала головой, – это очень долго. Пока она шла, у нее рос живот. Так рос, что было видно, что она не может вернуться к дому, отец и жених будут ее убивать. Она ушла совсем в другое место. И тут гарга вышла оттуда, где вода мешана с землей и всех любопытных тянет вниз, где живут каменные говорящие твари, знающие про все, но ничего не знающие, что есть истина.

Гарга выползывала из своих землев и находила деревню гоблинов. И жрецу-старейшине она велела разыскивать Инту, так как в ней вся надежда Подзвездного. И они отыскивали женщину, и та жила с ними, и никто об этом не знал. Даже гоблины соседних деревнев, так как гарга велела молчать. У Инты родилась два одинаковых дитя. Но один было мальчик, а другой – нет. Они жили еще несколько летов среди гоблинов, но потом эльфы начали гнать нас в горы. А люди стали предатели и начали молиться новым богам. Тогда жрец-старейшина и Инта решили, что она с дочь уходить назад к люди, а ее сын орки уносят в горы и воспитываевают из него воина, который помнит.

Но все всегда не так, как думывают даже умные. Инта с дочка уходила, и никто с тогда не знает, что с ними было. А на гоблинов нападывали люди, которые тоже хотели начинать жить в те места. Жреца-старейшину убивали, а сына Инты находили и решали, что он пленник, так как понятно было, что он не гоблин, а что он сын Созидателя, никто не мог понимать. И его уносили, и тоже ничего не известно больше.

– А меч? – с трудом сдерживая волнение, спросил Рамиэрль.

– Не знаем, – призналась Криза. – Он был у хороший воин, который должен был учить сына Омма биться. Тот прорываться из боя и пропадывал. Никто его больше не находить.

– Я одного не понимаю, – после долгого молчания подал голос эльф. – Откуда ты все это узнала?

– Слезы Инты, так цветы зовут все. Это так, – ответила орка, – но только те, кто родился в семьях, как моя мать, знать вся правда... Это северные все напутывать, они хотеть забывать и Инта, и эльфка. Они хотеть только убивательный меч... Это кто давно за наших дедушки жили в том селе, где прятали Инта. Мы все помним, ничего не должно быть забытое. Но мы не знаем, где сейчас кровь Омма и меч, который остановит зло.

– А где зло, вы знаете? – Рамиэрль сам не знал, зачем он это спросил.

– Не знаем, но чувствуем, – орка передернула плечами, – оно просыпается, и времени почти нет. Мы не победим без Созидателя. Но мы можем умирать с честью.

– Нет, эмикэа,¹³ – Рамиэрль шутливо дотронулся до носа своей собеседницы, – мы победим. Мы просто обречены на победу. А теперь – все. Спать!

¹³ Эмикэа – подруга (эльф.).

Глава 3

*2229 год от В. И. 17-й день месяца Агнца
Северный берег Адены*

1

Эстель Оскора

Там, откуда я пришла, сейчас уже зеленели листья и весело щебетали влюбленные птицы. Здесь же о весне напоминало только небо, бледно-синее и неимоверно глубокое, небо, в которое хотелось смотреть и смотреть. Зима проходила, снег стал рыхлым, зернистым и влажным и по вечерам отсвечивал густой синевой. Я не знаю, как бы я шла по этому снегу, если б не эльфийские сапоги, – бедняга Преданный проваливался по брюхо. Не научи меня Астени начаткам магии, я если б даже не сдохла, то одичала, а так, судя по отражению в походном зеркальце, я даже напоминала женщину, хотя меня это мало заботило, меня вообще ничего не заботило, кроме дороги. Я не представляла, далеко ли еще до Эланда. Просто шла вперед, причем все больше ночами: зеленоватый Тэриайкс, Око Рыси, указывал путь на север, а я знала, что, идя прямо на него, я рано или поздно доберусь до моря.

Или Преданный разделял мою уверенность, или ему было все равно, куда мы идем, но он ни разу не попытался увести меня с выбранной мной дороги. Днем мы спали: я – завернувшись в один эльфийский плащ и подложив под себя другой, Преданный – по-кошачьи свернувшись клубком у меня в ногах. Припасы, захваченные Астени, давно кончились, мы жили тем, что добывал Преданный. Дичи вокруг хватало, а охотником мой кот оказался отличным. Для него такая жизнь была естественной, а я... Я медленно, но верно становилась дикой тварью, разве что до поры до времени брезговавшей сырым мясом; во всем же остальном я не так уж и отличалась от лесной рыси. Я и раньше любила ночь, она добрее дня. Ночью огонь жарче, деревья выше, а чувства обостряются... Запахи, звуки, странная, начинающаяся с заходом солнца жизнь манила меня, когда я была еще малолеткой. Боги! Как давно это было... И где, где? Неужели в Тарске? Нет, не помню...

В Тарске жили страшные люди. Я знаю, что боялась их до безумия, но я забыла само ощущение того страха... Зато на память приходит то горько-сладкий вкус ягод, которые никогда не вызревали под здешним солнцем, то ощущение захватывающей меня радости, когда я бегу по залитому солнцем склону, а большие алые цветы раскачиваются на тоненьких стебельках, и высокая трава под теплым ветром перекачивается изумрудными волнами. Вот это помню, хотя мой мозг услужливо напоминает мне, что я ничего подобного не видела, не могла видеть, ведь наследница Тарски не бегала в одиночку в холмах. Но то, что помнил – или знал? – мой ум, напрочь позабыло сердце. И наоборот. Может быть, причиной была та самая чудовищная магия, превратившая меня в опасное для всего сущего создание?

Преданный довольно бесцеремонно толкнул меня лапой. Хорошо хоть когти спрятал. Мой кот не любил, когда я задумывалась, и был прав. Нужно не думать, а идти. И мы шли. Всю зиму. Иногда нам попадались занесенные снегом хутора и деревушки, иногда приходилось переходить дороги. Раз или два мы видели вдаль огни больших сел или городов, но мы обходили их.

Вряд ли люди, коротающие зиму у огня за тяжелыми дверями, были бы рады дикой гостье, заявившейся из лесу в сопровождении огромной рыси. Они могли увидеть во мне

ведьму, или разбойницу, или сумасшедшую, попробовать меня схватить, а то и прикончить. А меня больше смерти – в конце концов, что такое смерть, чтоб ее бояться? – пугало, что овладевшая мною на краю Пантаны ярость вновь затопит мое существо и я начну убивать. Я не жалела, что расправилась с Эанке. Вернись все назад, я убила бы ее снова, но вот крестьяне или купцы... Они не были виноваты ни передо мной, ни перед Астеном...

Сначала я старалась не думать о моем мимолетном друге, но мысли вновь и вновь возвращались к буковой роще, в которой мы встретили ту проклятую ночь. Не случись беды, вряд ли следующую мы провели бы порознь. Астен был эльфом, магом, Светорожденным. Я, и то в лучшем случае, могла назвать себя человеком, но эльфийского принца это не отвратило, а я... Я так и не смогла понять, была ли влюблена или же просто до безумия хотела тепла, хотела, чтобы кто-нибудь был рядом. Судьба отказала мне даже в этом. И мы пошли в Эланд. Я и рысь. Два диких, опасных зверя. Только Преданный умел обращаться со своими когтями и клыками, я же не знала, когда ко мне придет, если придет, моя сила и что я с ней буду делать. Я пыталась сосредоточиться, отыскать в себе искру той чудовищной магии, что переполняла меня в день смерти Астени, но ничего не получалось. Разве что мне стали удаваться простенькие волшебные фокусы, которым он меня учил. Я могла зажечь огонь на снегу, залечить небольшую рану, овладела ночным зрением, научилась обшаривать мыслью дорогу в поисках чужого разума. Это доказывало, что я не безнадеежна, не более того.

Так мы и шли. Я потеряла счет дням, и только меняющийся звездный узор позволял прикинуть, сколько времени прошло. Может быть, я была не права, отправившись в Эланд, может быть, стоило после гибели Астени повернуть в Кантиску и отдаться под покровительство Архипастыря? Но я совсем не знала Феликса. Не знала я и Рене, хотя память услужливо напоминала мне подробности нашего знакомства. Лучше бы, конечно, мне было с ним не спать, но прошлого не исправить. Если я в самом деле живое оружие, ему место в руках герцога Арроя, а не в руках Церкви.

Не знаю почему, но меня пугала сама мысль о монахинях, к которым меня наверняка бы определили. О молитвенных бдениях и очах, опущенных долу, и потом, разве не мне сказали Всадники, что «они» не должны перейти Явеллу? Значит, мое место там. Герцог Аррой узнает все и пусть решает, ему не привыкать. Конечно же, между нами больше ничего не будет. Мне это не нужно, да он и сам вряд ли захочет. Тогда он выполнял просьбу короля Марко, а я... Я подчинялась.

...Преданный насторожился, я это почувствовала сразу. За месяцы наших скитаний я научилась понимать своего спутника-друга лучше, чем себя самое. И теперь, глядя на прижатые уши и медленно поднимающуюся на загривке шерсть, я видела, что случилось что-то куда более неприятное, чем волчья свадьба или проходящий по пересеченному нами на рассвете тракту обоз. Преданный уже не сидел, он стоял, нехорошо оскалившись, готовый к бою, но бой казался рыси безнадеежным. Тоска сжала и мое сердце – стоило пройти половину Арции, чтобы пропасть, так и не узнав, кто же ты на самом деле – зло, спасение или просто тварь с горячей кровью, которой боги по прихоти своей дозволили мыслить и чувствовать.

Моя рука потянулась к эльфийскому кинжалу и застыла в воздухе – оружие было ни к чему. Сердце забилося бешеными толчками, утренние краски стали ярче, сочнее... Я ощутила, как во мне плещется Сила и что на сей раз Сила эта мне подвластна.

Было бы куда более разумно обойти десятой дорогой это место тревоги, которое почуял Преданный и которое пробудило во мне мои дьявольские таланты, но любопытство свойственно человеческой природе, а я все еще оставалась человеком. Без колебаний оставив серебристый валун, сидя на котором я любовалась весенним небом, я свернула в березовый лес.

Белые стволы словно бы светились под лучами яркого предвесеннего солнца, место было чистое и доброе, и тем нелепей и страшнее казался чужой кошмар, заполонивший светлую рощу. Ужас тянулся расплывающейся струей; так бывает, когда в ручей выливают ведро

краски, она долго держится темным облаком, постепенно спускаясь по течению... Выплеснутый в ясный березовый лес предсмертный ужас тихо стекал нам навстречу. Преданный несколько раз судорожно дернул головой, словно пытаясь проглотить что-то застрявшее в глотке, но пошел вперед. Магия Романа, некогда связавшая зверя с принцем Стефаном, наделила его почти человеческими чертами. Обычная рысь, пусть трижды ручная, бросилась бы наутек, Преданный крался впереди меня, указывая дорогу, хотя я в этом и не нуждалась. Отзвук чужих страданий, разлитый в воздухе, не почуял бы только бездушный.

2

Максимилиан был доволен – место для нового эрастианского монастыря казалось исключительно удобным и выгодным. На высоком берегу впадающей в Адену Лещицы, в половине дна перехода от Лисьего тракта, оно, безусловно, привлечет паломников. Понравился кардиналу и глава общины, смиренный слуга Триединого Эгвантий. В недавнем прошлом воин, он в одиночку брал кабана и медведя, а в глубоко посаженных серых глазах будущего аббата светился незаурядный ум. История Эгвантия Максимилиана очень занимала. Его высокопреосвященству не пристало сомневаться в словах человека, уверяющего, что ему явился святой Эрасти и велел оставить воинскую службу, отправиться на берег Лещицы и заложить новый монастырь. Монастырь, который мог при необходимости стать не только оплотом веры, но и цитаделью против земных врагов.

События последних месяцев не исключали, что святой Эрасти вновь ввязался в дела земные, и вместе с тем... Посвятив себя Церкви, Максимилиан очень рано усвоил искусство политики, слыл прекрасным полемистом и даже неплохо играл в эрмет, но вот зримых доказательств существования Триединого или, на худой конец, святых клирик не наблюдал. До минувшего лета. Неудивительно, что его высокопреосвященство одолевали сомнения.

Герцог – Максимилиан так и не мог мысленно называть Арроя принцем, хоть и приложил руку к его будущей коронации, – смотрел на вещи проще, раз и навсегда решив, что не стоит искать ответ, пока вопрос еще не задан, и что всемогущ Триединый или же нет, но в битве с врагом надо рассчитывать на собственные силы. Клирик улыбнулся и покачал головой, словно продолжая разговор с правителем Эланда, когда тот открыто заявил, что готов чтить Церковь, ибо сейчас они союзники, но уверовать в то, что ожидаемое нашествие происходит с соизволения Триединого, не может. Что ж, Рене верен себе... Максимилиан придержал красавца-коня – мирское пристрастие к породистым лошадям было сильнее требований Церкви о скромности – и подозвал ехавшего на крепком гнедом мерине Эгвантия.

– Как я понимаю, мы почти у цели?

– Видите четыре сосны за излучиной? На вершине второго холма?

– Действительно, прекрасное место. Не думаю, что оно долго будет уединенным, реки всегда привлекают купцов...

– Еще больше их привлекает мир, ваше высокопреосвященство.

– Так вот в чем дело. – Максимилиан внимательно посмотрел на собеседника. – Святой Эрасти посоветовал тебе построить цитадель...

– На границе с Арцией, – ветеран с горечью покачал головой, – нет ни одной крепости. Даже разведчики и те не имеют места, где приклонить голову, да и сел и хуторов здесь почти нет... Кто хочешь пройдет.

Очень умно, интересно, обошлось ли тут без Рене, подобная выходка вполне в его духе... Или же Эгвантий придумал сам? В таком случае быть ему епископом!

Эланд следовало приручить, сделав лояльным Церкви, но сперва надо стать своим и победить в войне. Начнем с монастыря на арцийском берегу Адены. Соглядатаев Бернара появление смиренных монахов не обманет, но не даст прямого повода обвинить Эланд в нарушении

мира, тем более его высокопреосвященство, отправляясь благословлять строителей, не взял с собой ни одного эландца.

Кардинал очнулся от своих мыслей, когда холм, на котором к осени вырастет небольшая цитадель, закрыл полнеба. Максимилиан направил коня к каменистой отмели, снег с которой уже стоял, но иноходец заартачился. Остальные лошади дружно последовали его примеру, всеми доступными им средствами показывая, что не желают взбираться наверх.

– Неужели волки? Тут, средь бела дня? – недоуменно проговорил Эгвантий.

Что бы это ни было, кони перепугались не на шутку. Будь они в Арции, Максимилиан наверняка отвел бы отряд на середину реки и отправил трех или четырех человек пешком посмотреть, что происходит. Но в Эланде, чтобы тебя уважали, иди первым. Должности, богатство, древность рода здесь не то что ничего не стоили, но прилагались к тому, что человек делал из себя сам. Как ножны к клинку.

Максимилиан это понял и, твердо решив подняться к высям церковной иерархии, имея за спиной Эланд, во всем подражал Рене. Впрочем, не без удовольствия. Соскочив с коня, кардинал бросил поводья смешному толстенькому монаху, который скрепя сердце последовал за его высокопреосвященством на край света. На фоне откровенной трусости брата Бартоломея смелость и ловкость кардинала заметно выигрывали, что было главной причиной, по которой Максимилиан таскал за собой нудного толстяка.

– Мы сейчас разделимся, – коротко бросил кардинал. – Шестеро из конвоя и обозники возьмут лошадей и вернутся к отмели. Мы поднимемся в лагерь и, как только выясним, в чем дело, пришьем за вами.

Лошади продолжали беспокоиться, но кардинал на возмущенное ржанье не оглядывался, хоть и выделял в общем хоре голос своего красавца. Полтора десятка вооруженных людей направились к протоптанной в рыхлом снегу тропинке, ведущей к снабжавшей строителей водой проруби.

– Странно, что нас никто не встречает, – Максимилиан с удивлением поднял на Эгвантия красивые южные глаза, – в наше время нужно следить за рекой более внимательно.

– Ничего не понимаю, – честно ответил будущий настоятель, – на холме должна стоять стража, да и день сегодня такой, что не заметит нас только слепой. Спят они, что ли...

Они не спали. Вернее, спали вечным сном. Подъехав со стороны Лещицы, они увидели бы всех обитателей Соснового холма на нестерпимо блестящем от выступившей воды весеннем льду. Люди бросились вниз с крутого обрыва, и случилось это совсем недавно. Этим утром или ночью.

– Они все одеты для дневной работы, – прошептал кто-то из воинов.

– Значит, утром, – откликнулся второй. – Лисы и воронье не успели...

– Да тут и ворон никаких нет, – откликнулся еще один.

Ворон действительно не было. Не было вообще никакой живности, две собачонки, взятые с собой будущими монахами, и те куда-то подевались.

Пораженный Максимилиан и его ставшие необыкновенно молчаливыми спутники обошли временные хижины, в одной из которых еще тлел очаг. Все говорило о том, что несчастье произошло после того, как все позавтракали и направились на работу. Кардинал не обладал талантами следопыта, но Эгвантий читал по снегу, как по книге. По всему выходило, что люди, в спешке побросав свои дела, без всякой видимой причины опрометью припустились к обрыву, с которого и кинулись вниз, то ли не заметив пропасти, то ли будучи охвачены таким ужасом, что смерть на речном льду представлялась избавлением в сравнении с тем, что на них надвигалось. Но что бы это ни было, следов оно не оставило. Эландцы несколько раз прочесали лагерь и не нашли ни одного отпечатка, ни одной вещи, происхождение которой было бы непонятно.

Эстель Оскора

Нас вывело к довольно крутому холму. Снег тут частично сошел, среди грязно-белых пятен виднелись проталины, поросшие сухой серо-золотистой травой, среди которой проглядывали низкие желтые цветочки, бывшие в этих краях первыми вестниками весны. На холме, увенчанном несколькими соснами, никого не было видно, но люди там были совсем недавно.

Сзади раздалось испуганное ржанье. Овернувшись, я увидела рабочую лошадь, поводья которой запутались в кустах на опушке леса. Рыжая кобыла с белой звездочкой на лбу смотрела на меня, и мое сердце сжалось. Это была первая лошадь, которую я встретила, покинув Убежище! И эти трогательные весенние цветочки тоже были первыми... Я почти забыла, что меня сюда пригнало, и тут бедная коняга закричала от ужаса и забилась, стараясь освободиться. Еще бы! Преданный ей наверняка казался чем-то ужасным, а объяснить, что он не собирается нападать, мой кот не мог. Рыси по-лошадиному не разговаривают. Оставив свою находку на потом – если не удастся примирить ее с Преданным, я ее хотя бы распуताю, – я взобралась на вершину. Там был разбит большой лагерь, даже не лагерь... Похоже, здесь собирались соорудить то ли крепостицу, то ли большой торговый склад. Последнее казалось вполне вероятным: я выбралась на берег очень большой реки, в которую впадала речка поменьше. Очень хорошее место для господ негоциантов. И для меня, так как большой рекой, к которой я могла выйти, направляясь к морю, могла быть только Адена, а это значит, что я почти в Эланде.

Я смотрела на реку, когда из-за кустов можжевельника появилась *она* – изящная, серебристо-серая, с длинной узкой головой. Синеватые ноздри вбирали наш запах, из горла вырывалось глухое рычание. Преданный двинулся вперед, оказавшись между мной и тварью из леса. Тварью прелестной и, я не сомневалась, смертоносной. Справиться с ней он не мог, даже Астени с Романом пришлось бы постараться, а я – я могла ее прикончить без труда. Но не хотела. Она была так хороша, словно бы сотканная из быстрых снежных облаков. Очевидно, это была собака, нечто среднее между борзой и гончей, хотя размером она превосходила Преданного. И еще она могла убивать не только клыками, но и чем-то еще. Я чувствовала силу этого существа, созданного загонять хозяину дичь. Положив руку на холку Преданному, я отступила к холму; мне не хотелось, чтобы рысь ввязалась в драку, и мне не было никакого дела до того, кого гонит эта тварь. Мне она не мешала, я не собиралась с ней связываться, однако, когда я коснулась пальцами теплого рысего меха, меня словно бы пронзила мысль – вот они! Они пришли! Эта облачная красotka той же породы, что и Белый Олень, а значит, придется драться здесь и сейчас.

Как ни странно, я ничуть не разволновалась. Напротив, мысли выстроились в ряд, как «Серебряные» на параде. Я знала, что эту тварь живой не отпущу, а вот она, похоже, этого не понимала. Наоборот. Нет, она не нападала, она радовалась, как радуется собака, встречаясь с хозяином, – ликующе взвизгнув, принялась охаживать себя хвостом по бокам.

Мы смотрели друг на друга довольно долго. Гончая тумана не смела приблизиться ко мне, существу в ее понимании высшему и всеильному, а я не знала, что делать. Убивать не хотелось. Прогнать? Один Проклятый знает, что она может натворить... Взять с собой? Вряд ли это понравится Преданному, да и на что я буду похожа, объявившись в Идаконе не только с рысью, но и с эдакой племянницей Белого Оленя? Нет, пожалуй, я все же должна прикончить это создание...

Мои идиотские размышления были прерваны самым неожиданным образом. Вдали послышался гулкий прерывистый лай, вернее, звук, похожий на лай. Обычным псам из плоти и

крови вряд ли могли принадлежать такие голоса, это была свора существ, подобных тому, что смотрело на меня. Туманная собака дрожала всем телом, пританцовывая на месте, разрываясь между непреодолимым желанием присоединиться к гону и рабской потребностью в приказе. Она *признавала* за мной право этого приказа, а стало быть, я принадлежала к силам, вызвавшим из глубин Преисподней туманных бестий. Я припомнила белое чудовище, от которого нас спасли Всадники, и мне захотелось убраться куда подальше, только это было невозможно. Я *должна* была узнать, за кем идет охота, и, если это был человек, спасти или хотя бы попробовать сделать это.

Я не знала, не могла знать, хватит ли у меня сил совладать с целой сворой, не разорвут ли они меня на куски по приказу своего настоящего хозяина, а что он где-то рядом, я не сомневалась – туманные это псы или же самые настоящие, понять, что они гонят дичь не для себя, труда не составляло. Я выросла в герцогстве, где охотились все, и, пусть моя душа не помнила ни охотничьих радостей, ни разочарований, голова хранила множество сведений о привычках собак и обычаях охотников.

Туманная собака пронзительно заскулила – просилась к своим собратьям, – и я милостиво крикнула «эй-гой!», разрешая присоединиться к охоте. Одним прыжком гончая исчезла в зарослях.

4

Эгвантий, то есть капитан Гинте, поудобней перехватил отобранную у солдата шпагу. За плечом ветерана шумно дышал кардинал и толпились те, кто нашел в себе силы не броситься с кручи, увидев приближающийся кошмар. Гинте был воином до мозга костей, а потому, увидев вырвавшихся из леса белообрисых бестий размером с хорошего теленка, не застыл от ужаса и не завопил, а, схватив за руку остолбеневшего Максимилиана, поволок его высокопреосвященство к лесу. Несколько человек бросились за ними, и им удалось выскочить из стремительно сужающегося кольца. К несчастью, единственный путь к отступлению уводил в сторону от спасительной реки.

Достигнув опушки, Гинте не удержался и оглянулся. Так и есть, загадка Соснового холма была разгадана, только вот сумеют ли разгадавшие ее об этом рассказать? Несколько десятков белых тварей молча прижимали людей к краю обрыва, а те отступали, бестолково, по-овечьи налетая друг на друга. Спасшиеся с ужасом наблюдали, как их товарищи безропотно пятятся к пропасти. Досматривать неизбежный конец Гинте не стал и другим не позволил, погнав уцелевших вниз. Они как могли быстро спускались с холма, то оскользаясь на подтаявшем льду, то увязая в раскисшей земле или проваливаясь по колено в наполненные ледяной водой колдобины. Гинте уже казалось, что они ушли, и тут в спину повеяло цепенящим ужасом. Захотелось упасть на землю, закрыть голову руками и лежать, пока судьба не настигнет и не произойдет то, что неминуемо должно произойти.

Но Гинте вновь не поддался сам и не позволил этого другим. Таща за собой его высокопреосвященство и подбадривая людей словами, весьма странными в устах будущего аббата, он гнал их вперед, чувствуя каждой жилкой приближение погони. Без сомнения, белые твари могли бы настичь их в два счета, но тем, видимо, нравилась охота как таковая. Их пьянил ужас жертв, и хотелось растянуть удовольствие.

Свора шла по следам беглецов, торжествующе завывая, но приближалась медленно, словно соизмеряя бег с шагом измученных людей. Наконец Гинте понял, что силы и Максимилиана, и прочих его спутников на исходе. Мелькнула предательская мыслишка – бросить всех к Проклятому и, пока свора расправляется с добычей, уйти. Разумеется, чтобы рассказать... Ничего. Расскажут те, кто остался с лошадьми. Тогда эландец и вырвал чужую шпагу, намереваясь защищать остальных. Кто-то сзади поступил так же – ветеран почувствовал, что

спину ему прикрывают, но оборачиваться не стал. Не оглянулся он и на треск в кустах – кто-то все же попытался уйти. Ну и пес с ним. Гинте смотрел только вперед, в ту сторону, с которой должна была прийти смерть. И она пришла. Кусты на той стороне прогалины расступились, и свора во всей своей красе высыпала на поляну. Псы шли неспешной рысцей, опустив морды к самой земле. Когда между ними и жертвами осталось расстояние в два лошадиных прыжка, твари, как по команде, сели и, подняв узкие морды, издали торжествующий вой.

Гинте слышал, как кто-то – не кардинал! – принялся судорожно молиться, путая и пропуская слова. Воин сильнее сжал эфес, понимая, что против эдакой нечисти его оружие то же, что пучок соломы против разъяренного быка. Белые твари, однако, не нападали, и это становилось странным. Гинте мог поклясться, что их настроение переменялось, в нем чувствовалась какая-то растерянность.

Псы вновь завыли, но вой этот теперь выражал недоумение и скрытую обиду, и тут на поляну вышла женщина. Она появилась сзади, из-за спин сгрудившихся в кучку людей, так что лица было не рассмотреть. Гинте отрешенно заметил, что для женщины она довольно высока и закутана в странный плащ какого-то неуловимого цвета. Капюшон был откинут, и на солнце блестя разлетающиеся по плечам волосы, отливающие всеми оттенками от пепельного до золотисто-рыжего. Рядом с женщиной, как пришитая, шла огромная рысь. Странная пара оказалась между Гинте и вожак своры и остановилась в шаге от оскаленной белой морды. Незнакомка протянула вперед руку, в которой что-то блеснуло. Вожак заскулил, как обычный пес, и попятился; вслед за ним, точно повторяя его движения, отступили и остальные. Женщина с рысью сделала шаг вперед, и все повторилось.

Застывшие у древних камней люди с удивлением и вскипавшим восторгом наблюдали, как их страшные преследователи, скуля, пятятся к чаще, из которой и появились. Спасительница медленно шла вперед, и за ней неотступно следовал ее зверь. Кто-то за плечом Гинте прошептал благодарственную молитву святой Циае, кто-то помянул Проклятого. Воин услышал, как перевел дух Максимилиан, и наконец понял, что они спасены. Светловолосая женщина между тем почти вытеснила свору с прогалины. Когда хвосты псов поравнялись с первыми кустами, твари разом повернулись и исчезли в зарослях. Женщина же положила руку на холку своему четвероногому спутнику и медленно пошла к людям.

Она оказалась молода и недурна собой, хоть и не походила ни на сказочную Лесную Деву, ни на святую Циалу. Если б не волосы и странная одежда, пришельца ничем не отличалась бы от сотен других северянок. Или все-таки отличалась? Было в широко раскрытых серых глазах нечто неуловимое, что навсегда застревало в памяти. Воин с трудом представлял, что надлежит делать и говорить, но Максимилиан уже опомнился. Выйдя из-за спины Гинте и остановив того величественным жестом, кардинал приблизился к спасительнице – таким образом, чтобы оказаться подальше от рыси, – и хорошо поставленным проникновенным голосом произнес:

– Благодарю тебя, дочь моя.

– Не стоит благодарности, святой отец, – она опустила глаза и сразу же превратилась в обычную ноблеску, – я не смогла бы ничем помочь, если б не одна вещь, завещанная мне другом. Осмелюсь спросить, далеко ли отсюда до Идаконы?

– Если не вскроется залив, шесть дней конного пути. Берегом гораздо дольше. Но как могло случиться, что столь молодая женщина, безусловно хорошего рода, оказалась одна в лесах Северной Арции? Вам не следует нас опасаться, – добавил Максимилиан, видя, что она молчит, и Гинте едва не ухмыльнулся: вряд ли обладательница талисмана такой силы может их бояться. Тем более после того, как видела их самих трясущимися от страха. – Я Максимилиан, кардинал Эландский и Таянский, а это моя свита.

Женщина гордо вскинула голову и, глядя в глаза его высокопреосвященству, отчеканила:

– Я Мария-Герика Ямбора, урожденная Годойя, вдовствующая королева Таяны. Я иду к Рене Аррою.

Глава 4

2229 год от В. И. 23-й день месяца Ангца

Эланд. Идакона

Арицийская Фронтера. Ласкава пуца

1

Эстель Оскора

Знакомство с красавцем-кардиналом я начала с вранья. Я никогда не верила клирикам, какому бы богу те ни молились, а признаваться в добрых отношениях ко мне со стороны туманных тварей людям, которых только что едва не прикончили, было не слишком разумно. Меня запросто могли объявить ведьмой, и выбирайся потом из передряги как хочешь, к тому же овладевшая мной сила покинула меня, едва я прогнала Охоту. Осталось лишь знание. Гончих тумана выпустили наводить страх и убивать. Нет, они не могли загрызть человека или причинить ему увечье, ведь их как бы и не существовало. Это были тени, отражения, бегущие впереди идущей на нас беды. Их сила таилась не в клыках – твари оживляли чудовищный древний страх, страх, который спит в дальних закоулках нашего существа и, проснувшись, вынуждает бежать, не разбирая дороги, пока не разорвется сердце, бросаться с обрыва на острые скалы, рубить топором руки своих же товарищей, цепляющихся за борта переполненной шлюпки, хотя рядом есть другие, пустые и полупустые.

Гончие тумана несли с собой этот ужас и вместе с ним смерть. Даже самые сильные не могли долго сопротивляться их магии, и это при том, что встреченная мной свора была лишь передовым отрядом. Пройдет не так уж много времени, и Белый Олень и его приспешники обзаведутся реальной плотью. Тогда их можно будет убить, но и они пустят в ход клыки, когти и кое-что похуже. Стая Соснового холма стала первой, ее спустили, желая посмотреть, что получится. А вот Охотника с собачками не было, иначе не удалось бы так легко прогнать тварей туда, откуда они пришли.

Будь у меня возможность размышлять, я вряд ли бы догадалась, что и как нужно делать. Умом нельзя постичь непостижимое, но я подчинилась голосу своей порченной крови. Он шептал мне, что свора видит во мне хозяйку, и я стала ею. Кровь подсказала мне, *как* я должна приказывать псам, а *что* приказать, было делом моей совести и моего разума. Я видела, что загнанные псами на грани безумия, еще немного, и самые слабые ударят тех, кто еще сопротивляется голосу своры, в спину. И я пошла вперед.

Псы растерялись. Они признавали за мной право повелевать, но мой приказ отменял повеление Охотника. На какой-то краткий миг я испугалась, что меня не послушают, но моя воля пересилила. Я многое поняла в этой схватке и многому научилась. Каждая моя догадка, подтверждаясь, превращалась в знание. Если мне повезет, то от стычки к стычке я буду становиться сильнее, и, кто знает, может быть, придет время, когда я на равных схвачусь с самим Ройгу.

Свора убралась. Я знала, что она будет бежать и бежать, пока не доберется до тех, кто ее послал. Скорее всего, они догадаются, кто именно прервал Охоту, но тут уж делать нечего. Рано или поздно нам предстоит встретиться лицом к лицу, пока же мне нужно что-то говорить спасенным.

Мои поиски Рене закончились, ибо меня угораздило нарваться не на кого-нибудь, а на эландского кардинала, который к тому же уже встречал Преданного и знал, кому тот принадлежал. Байку о том, что я укрылась в лесу у некоего отшельника, где меня отыскала рысь, его высокопреосвященство проглотил не задумываясь. Равно как и утверждение, что странный плащ и талисман – дары все того же доброго лесного дедушки, с наступлением весны отправившего меня к людям. К тем, кого я знала и кто знал и помнил Стефана Ямбора.

Мне повезло, что люди, пусть и не осознанно, подражают эльфам. Лебедь, символ клана, подаренный мне Астени, сошел за атрибут Триединого в ипостаси Творца. Я не спорила – пусть верят, это отвлекает от дурацких вопросов, но Рене Аррой я расскажу все, благо от Романа он знал и об эльфах, и о Проклятом.

2

Зарядивший с утра дождь смывал последние остатки снега, по всему было видно, что еще день или два, и в Эланд придет настоящая весна. Старый Эрик обещал заложить душу против дохлой собаки, если завтра не задует южный ветер, который погонит волны Ганы вспять, и начнется разлив.

Старый маринер не преминул сообщить об этом Рене, который еще не обзавелся большой спиной, позволявшей предсказывать погоду точнее мага-погодника. Аррой поспешил оповестить о предсказании Гардани, ибо погода всегда останется лучшей темой при разговоре с тем, с кем трудно общаться, а с Шани было очень тяжело. Гардани слабел на глазах, и помочь ему возможным не представлялось. Выражать же свое сочувствие словами и скорбной миной Рене не мог. Адмирал представлял себя на месте Шани и понимал, сколь страшным и унижительным было бы выслушивать слова утешения от друзей. Эландец давно бы прекратил мучительные для обоих встречи, но это означало признание того, что Рене ни в коем случае не хотел признавать, – полной безнадёжности.

В глубине души у герцога теплилась надежда на возвращение Рамиэрля, который как-нибудь справится с заклятиями Годоя. Сам Рене лихорадочно припоминал все, чему его учил Норгэрель, и даже кое в чем преуспел. Это могло пригодиться и в бою, и в повседневной жизни, но ничего, что позволило бы спасти Шандера или докричаться до Романа, на ум не приходило. Оставалось ждать и пытаться вести себя как ни в чем не бывало.

Рене весело приветствовал друга и объявил ему прогноз Эрика. Шандер с нарочитым интересом выслушал и заметил, что, если Гана разольется, переправа будет недоступна для войск месяц, а то и два...

– Именно так, – уверенно подтвердил Рене и замолчал, подыскивая новую тему. – Знаешь, мой сын очень дружен с Белиндой.

– Да, я знаю, она мне написала, – согласился Шандер. – Передай мою благодарность Рене-младшему.

– И Диману, – торопливо добавил адмирал, – это он избавил девчонку от общества моей супруги.

– Странная вы пара, – задумчиво заметил Шандер, – мне, наверное, никогда не понять ваших отношений.

– Мне тоже, – улыбнулся Аррой. Тема была нащупана. Обсуждать с Шани семейные дела можно без утайки, а чужие неприятности на какое-то время отвлекут беднягу от собственной беды. – Это ты у нас счастливчик, которому удалось жениться по любви. Мне судьба подсунула такую радость, на которую и через порог смотреть тошно.

– Я счастливчик? – Темные глаза Шандера нехорошо полыхнули. – Да, разумеется. Счастливчики всегда теряют тех, кого любят, и превращаются в обузу... подыхая на руках своих друзей.

– А ну заткнись! – рыкнул Рене адмиральским голосом, в бешенстве позабыв, что находится у постели умирающего. Как ни странно, это помогло – Шандер виновато улыбнулся, став похож на себя прежнего.

– Слушаюсь, монсигнор.

– Вот именно, – улыбнулся и Рене. – Нечего тебе приbedняться! Тебя любили, и ты любил. Да, Ванда умерла, но осталась Белка. А теперь появилась еще и Лупе...

– Так ты знаешь?

– Догадываюсь. Она любит тебя, и, готов спорить на что угодно, она тебя найдет... Так что изволь дожидаться!

Кажется, он наконец взял верный тон, потому что с лица Шандера медленно исчезали равнодушие и безнадежность. Тема Лупе оказалась неисчерпаемой, они проболтали чуть ли не полтора часа, когда в комнату влетел запыхавшийся Зенек.

– Монсигнор! Кардинал Максимилиан.

– И что? – весело осведомился Рене. – Кардинала никогда не видел? Зови. Ты не возражаешь, Шани? – Шани не возражал, да и не успел бы возразить. Дверь распахнулась, и в комнату вступил его высокопреосвященство, причем не один.

3

Эстель Оскора

Мы прибыли в Идакону к полудню. Кардинал Максимилиан, выказывавший все шесть дней пути немалую лихость – не для того ли, чтобы свидетели кардинальского страха решили, будто на самом деле его высокопреосвященство уединился за спиной Эгвантия для молитвы? – немедленно потащил меня к герцогу, но нам сказали, что тот прошел к Шандеру Гардани. Я сразу же вспомнила чеканный профиль, темные, слегка выющиеся волосы, вечно серьезные глаза... Шани был другом Стефана, да и ко мне всегда был добр, теперь же граф умирал. Его высокопреосвященство, во всяком случае, не надеялся даже на чудо.

По дороге к Гардани я лихорадочно соображала, как вести себя в присутствии герцога, но все мои «Я рада видеть вас, ваше высочество, в добром здравии» вылетели у меня из головы, когда нам навстречу стремительно поднялся седой человек с ясными неистово-голубыми глазами. Мелькнула мысль – так вот кого мне все время напоминал Эмзар! А потом я жалобно пискнула и самым неприличным образом повисла у адмирала на шее, ткнувшись лицом в черный колет.

Я рыдала в три ручья, самозабвенно, всхлипывая и тряся головой. Герцог как-то умудрился, не отцепляя меня, выставить всех, кроме, естественно, Шандера, который не мог вставать. Рене ничего мне не говорил, просто обнимал, и все. Стань я действительно всемогущей, я бы остановила это мгновение, так как все страшное, холодное, пустое, что держало меня последние месяцы, разжало когти и с жалобным мяуканьем кинулось наутек. Не знаю, до чего я бы доревелась, если б не Гардани, посоветовавший Рене дать мне какое-то пойло, которым пользовали медикусы его самого. Кольцо сжимавших меня рук разжалось, я, все еще всхлипывая, подняла голову и огляделась. Шандер смотрел на меня с непритворным участием, и как же он переменялся! Если бы я не знала, что это Гардани, я бы тысячу раз прошла мимо и не узнала. Конечно, помни я не глазами, а сердцем, я бы наверняка почувствовала жалость, а так мне стало отвратительно стыдно, что этот полуживой человек видит мою слабость.

Рене плеснул-таки в кубок какой-то пахнущей горечью жидкости и потребовал, чтобы я выпила, ласково погладив меня по плечу. Мое тело вспомнило этот жест, он и раньше меня так успокаивал. И вот тут-то я вскинулась, как норовистая лошадь, которую вытянули кнутом.

Для него я была и оставалась безвольной дурочкой, которая позволяет делать с собой все, что угодно. Он был в этом совершенно не виноват и не мог знать, что я переменялась, но как же все это было ужасно!

4

Желтая бабочка радостно порхала над ломкой прошлогодней травой и первыми весенними цветами. Под деревьями и по оврагам еще прятался синий, набухший влагой снег, но поляны и прогалины были свободны, а теплый ветер подсушил землю, на которой не замедлили расцвести желтые и белые примулы. Маленькие серые пичуги, предпочитающие зимовать в родных краях, оживленно бранились в покрытых серебристыми барашками кустах ивняка. Им не было дела до худенькой женщины, с блаженной улыбкой подставлявшей лицо и руки весеннему солнцу.

Лупе была счастлива, как никогда в жизни. Ее переполняла неистовая, бурная, как весенние ручьи, радость. Женщина словно бы захмелела, и вместе с тем никогда еще она так остро не чувствовала то, что происходит вокруг. Она слышала, как бродят в деревьях молодые соки, еще не нашедшие выхода своей буйной силе, ей были понятны птичьи голоса и забота лисьей четы, спешащей приготовить нору для будущего потомства. Звонкие голоса проплывающих в небе птичьих стай наполняли душу ликованием так же, как и звон ручьев, и трогательные сережки, украсившие орешник. Лупе ни о чем не думала и почти ничего не помнила, от прежней жизни остались лишь легкие, похожие на сны образы – девочка, кормящая с ладони голубей, островерхие крыши, запах сушеных трав, пробивающийся сквозь низкое окошко свет... Все тревожащее, грустное, болезненное словно смыло прозрачной родниковой водой. Даже собственное имя женщина не то чтобы забыла, просто оно стало ненужным, бессмысленным. Зачем о чем-то думать, если в Тахену пришла весна? Есть непреложный закон: весной нужно радоваться и спешить жить. И она радовалась...

Кусты за спиной вздрогнули, расступились, пропуская гибкую фигуру в темно-сером, и снова сплелись. На поляну вышел юноша с точеным эльфийским лицом, в сомкнутых ковшиком ладонях он держал пригоршню крупнозернистого снега, сквозь который пробивались сиреневые с белыми прожилками цветы. Лупе, радостно вскрикнув, подбежала к пришедшему и с нежностью погладила упругие атласные лепестки, прошептав: «Какие красивые...»

Он протянул ей цветы, и она с восторгом их приняла. Цветы пахли свежестью и слегка медом. Женщина с мечтательной улыбкой вдыхала слабый аромат и не сразу почувствовала, как узкая рука легла ей на голову, нежно коснувшись пепельных волос. Лицо юноши приняло сосредоточенное выражение, губы зашевелились. Женщина вздрогнула, словно ее кто-то внезапно тронул ледяными пальцами, и затрясла головой. Когда она подняла глаза, беспредельного счастья в них уже не было. Только непонимание и тревога.

– Где я? Что со мной?.. Почему весна?

– Весна потому, что она пришла. Ты спала и видела добрые сны. – Кэриун-а-Роэбл-а-Дасто невесело усмехнулся. – Мне жаль будить тебя, но у меня нет другого выхода. Беда на пороге.

– Беда? Да, я вспоминаю... Гелань, смерти, гоблины... Как вышло, что я тут?

– Что было последним, что ты запомнила? – Кэриун опустил на землю и принялся рассеянно перебирать пальцами золотистые метелки прошлогодней травы. – Тебя нашла госпожа Тахены. Ей пришлось навеять на тебя зимний сон.

– Зимний сон? Разве может человек спать так же, как медведь или еж?

– Конечно, может, – пожал плечами Хозяин, – только не знает об этом. Звери и деревья, те умеют усыпить себя сами. Люди слишком много думают и слишком много боятся, им нужно помочь. Госпожа узнала тебя и сначала хотела отдать соплеменникам, но сейчас здесь

очень беспокойно. Она не могла им тебя доверить. Но и оставить тебя она боялась, ведь Тахена выпивает разум. Госпожа позвала меня, но мы, Хозяева, зимой теряем часть силы. Я не мог заботиться о ком-то еще, мне пришлось взять тебя в зимнее укрытие...

– Да, – подумав, откликнулась Лупе, – я что-то помню. Помню, я поняла, я бродила по краю болота... По тракту идти было нельзя, а дороги через Кабаны топи я не знала, и они еще не замерзли...

– Тахена не замерзает, – махнул рукой Кэриун, – она не простое болото, там Место Силы. Оно умирает, но для того, чтобы устоять против зимы, его еще хватает. Почему ты ушла от людей, да еще под зиму?

– Я не могу просто жить, – вздохнула Лупе. – Всех, кого я любила, или убили, или забрали. Я одна.

– Это очень плохо, когда все погибают, – печально кивнул Хозяин. – Я тоже остался один. Сейчас я почти привык и даже справляюсь. Холод мы пережили очень хорошо – ни одно большое дерево не погибло, и зверье тоже славно перезимовало. Скоро у всех будет потомство... Жаль, конечно, что окрестные Хранители почти все сбежали, да и Хозяева тоже. Если честно, это трусость. Хранить, когда все в порядке, может любой пень, а вот когда дело доходит до последней осени... Тут мы, братья Дуба, и должны показать, что не зря родились. Слушай, смертная, – оставайся со мной. Дел тут очень много, а рук мало...

– Погоди, – Лупе казалась немного растерянной, – но я ведь человек...

– Ну и что? В Тарре кровь у всех так смешана, что всегда найдешь в ней нужную искру, нужно только раздуть. Если ты постарайся, то сможешь стать Хранительницей, тем более их сейчас тут нет... Я об этом тебе уже говорил... Ты станешь – ну, не совсем бессмертной, но проживешь много дольше людей и даже некоторых деревьев. Если, конечно, Осенний нас всех не сожрет, но тогда все равно никого не останется.

– Не знаю, Кэриун, – растерянно отозвалась Лупе, – я никогда не думала о бессмертии.

– А те, кто о нем думает, никогда его и не получают, так почему-то всегда бывает. Ты согласна?

– Пожалуй, я останусь. Пока...

5

Шандер не спал. По ночам ему редко удавалось заснуть. От сонных зелий, которыми его пичкали медикусы, граф отказался. Вернее, он их принимал с благодарностью, а затем выплескивал в камин, у огня которого и коротал ночи. На это сил у него еще хватало. Признаться врачам, что уж лучше бессонница, чем кошмары полусна-полубреда, в который он проваливался, как только его волю ломала настойка рысьих ушек или осьмистника, Шандер не мог. Рене он тоже ничего не говорил, так как не хотел становиться еще одним камнем на шее адмирала. Тот заскакивал дважды в день, утром и вечером, молча клал руку на плечо и в девяти случаях из десяти сразу же куда-то уносился. Иногда по вечерам присаживался, выпивал кубок вина, рассказывал о том, что творится, хотя Шандеру казалось, что он скорее разговаривает сам с собой...

Вести были тревожные, хотя, хвала великомученику Эрасти, пока речь шла просто о надвигающейся войне. О войне нехорошей, с неравными силами и могущественным врагом, но ни про каких белых оленей и прочую чертовщину слышно не было. На границе с Таяной – сожженные мосты и мельницы. На границе с Арцией – тишина.

Пока дороги не подсохнут, Михай вряд ли решится на наступление, зато потом мешкать не будет. Кем-кем, а дураком самозванный регент не был. Шандер покачал головой, словно продолжая вечерний разговор, прерванный появлением белобрысого Зенека с очередным срочным донесением. Рене убежал. Теперь он наверняка обсуждает с Максимилианом и Эриком

очередное неприятное известие, прикидывая, как убить метлой волка. Ему же, графу Гардани, остается лишь смотреть на огонь и ждать, когда все закончится.

В день, когда Роман вырвал его из лап Годоя, Шандер почувствовал себя вновь родившимся, вообразив себе жизнь, войну, победу, Лупе с ее удивительными пестро-зелеными глазами... Тем горше было разочарование. Он был свободен, но стал калеккой, оказавшись в том же положении, что когда-то Стефан. Год назад граф с трудом переносил раздражительность и переменчивость принца, теперь сам едва сдерживался, чтобы не ответить на участливый взгляд грубостью. Но рядом со Стефаном была Герика, а он сам загнал себя в одиночество. Пугать дочку Шандер не хотел, Лупе была в Гелани, оставалось молить Триединого и в придачу идальонских Великих Братьев, чтобы с ней все было благополучно... Общество остальных было непереносимым, кроме, разумеется, Рене, но лишать адмирала отдыха, и без того короткого, было бесчестно...

Граф Гардани вздохнул и сразу же пожалел об этом – нахлынула ноющая боль в груди. Последнее время он старался дышать поверхностно. Это не то чтобы приносило облегчение, но хоть как-то сдерживало приступы. За окном перестукивались, скреблись ветки деревьев, немилосердно раскачиваемых предсказанным ветром, и барабанил ледяной дождь. Какое счастье было бы в такую ночь вбежать в теплый дом на Лисьей улице, сбросить мокрый плащ, выпить залпом чарку царки, протянуть руки к огню. Но коротать ее наедине с болью и неизбежными мыслями о том, что не лучше ли...

В дверь тихо постучали, Шандер хотел промолчать, делая вид, что спит, но одиночество на этот раз взяло его за горло сильнее, чем когда-либо. Даже излишне услужливый лекарь, на котором можно было сорвать зло, и тот был уместен. Стук повторился, и Шани бросил:

– Входите...

Герике он не ждал. Особой радости полуденная встреча не вызвала ни у кого и вышла очень короткой. Тарскийка плакала на плече у Рене, а Шани, вынужденный при этом присутствовать, готов был провалиться сквозь землю. Потом герцог ее увел, но к вечеру Герика ненадолго появилась снова. На этот раз с Зенексом. Произнесла несколько ничего не значащих слов, он ответил тем же, присовокупив вымученную улыбку, на чем и расстались. Про себя Шандер заметил, что Герика лишилась своего единственного украшения – роскошных кос, а под серыми глазами залегли голубоватые круги, но, как ни странно, это ее не испортило.

Больше Гардани про возлюбленную Стефана не думал, а она пришла.

– Ты позволишь мне сесть?

– Конечно. Да и как бы я мог этому воспрепятствовать? – Последнее можно было и не говорить. Тем более такой непробиваемой дурочке, но настроение требовало выхода.

Герика не обиделась. Она никогда не обижалась.

– Мне надо с тобой поговорить. Расскажи мне об... отце.

Уж этого-то он от нее никак не ожидал. Тарскийка до одури боялась Годоя и слушалась его во всем до того рокового дня, когда любовь заставила ее пойти наперекор страху, из-за чего все они, включая Рене, оказались, в общем-то, в нехитрой ловушке. Просьба застала Шандера врасплох, и, пока он лихорадочно соображал, что ответить, женщина тихо добавила:

– Шани, я знаю, что он подлец и убийца, сходящий с ума по власти. Мне нужно другое: с какими силами он спутался, что он делал с тобой, с другими... Не удивляйся, что я спрашиваю. Я должна понять, чего от него ждать и что я могу сделать...

– Ты?! – Шани даже привстал, опираясь на подлокотники кресла, и тут же, скрипнув от боли зубами, опустился назад.

– Да, я. – Геро вздернула подбородок, светлые пряди сверкнули в свете камина расплавленным янтарем. – Я очень изменилась, Шани, уж не знаю, что на меня подействовало – смерть Стефана, болезнь или магия Романа и его амулеты, но я стала другой. Я теперь ничего не боюсь, мне терять нечего...

Эстель Оскора

Я опять лгала, лгала осознанно и нагло. Мне опять было что терять, и я смертельно этого боялась. Если Рене узнает, что я нелюдь, он или избавится от меня, или, решив, что от меня есть прок, постарается вежливо натравить на Годоя, видя во мне эдакую ручную чуму... А милые, добрые, рыцарственные эландцы станут от меня шарахаться или, сцепив зубы, делать вид, что ничего не происходит, а в их глазах будет ужас и отвращение. Пока они видят во мне обычную женщину, у меня есть шанс разобраться в том, что творится, и в нужный момент вступить в игру.

Рене не знал, на что я способна. Не представляю, понимал ли, во что я превратилась, Годой – называть эту гадину отцом я не могла, – но я его больше не боялась. Рано или поздно нам предстояла встреча, после которой моя ненависть исчезла бы навеки или вместе с ним, или вместе со мной.

Мне следовало отправиться за Явеллу и схватиться с тварями из Охоты в их же логове, но я слишком мало знала. Если б только рядом был Астени или Роман! Эльфы поняли бы, что делать, и помогли бы. Оба, и отец, и сын, хоть и были Светорожденными, не брезговали странным, чуждым и враждебным Свету созданием, но след Романа затерялся, а у могилы Астени сейчас отцвечают дикие нарциссы. Я осталась наедине со своим долгом и со своей вдруг нахлынувшей любовью. И я пришла к Шани. Лучший друг Стефана, он побывал в лапах регента и должен знать или хотя бы догадываться о том, *что* воцарилось в Высоком Замке.

Не могу сказать, что он был рад меня видеть. Скорее наоборот – очевидно, вспомнил, чем обернулась моя прошлая глупость. Измученное лицо, провалившиеся глаза, лоб, покрытый испариной... Этот человек жил в аду, но терпел. Жалость его даже не оскорбляла, она лишала его надежды.

Я спросила о Годое, он не понял. Посмотрел на меня с нескрываемым изумлением. Я что-то ему ответила и, сама не знаю почему, накрыла ладонью его ладонь. Меня пронзил тот самый липкий холод, который источала свора.

Те, кто не давал Шани жить, стали мне понятны, словно кто-то написал на стене огромными буквами их истинное имя. Они были вызваны из небытия противоестественным, мерзким заклятием и сотворены из ненасытного голода. Я видела их – две не принадлежащие нашему миру и нашему времени твари, вцепившиеся в Шани неким подобием щупальцев. Это были сторожевые псы Годоя, а вернее, сторожевые клопы, держащие пленника в повиновении между визитами хозяина. Теперь, разлученные с ним, они оказались прикованы к своей жертве. Только вычерпав до дна жизненные силы, только отдав тело Шани отвратительнейшей из смертей, гады обретут свободу и найдут более податливую добычу... Конечно, регент или кто другой из его шайки мог бы их отпустить, но ждать от Годоя милости?! Предоставленные же самим себе, сущности эти делали то, что умели, по капле высасывая чужую жизнь. Все усилия магов-медиков лишь слегка замедляли их работу. Не знаю как, но я поняла, что Шани остается несколько недель, если... Если я его не освобожу.

Я знала, *как* это сделать, но это значило расписаться в причастности к подлой тарскийской магии, раскрыв себя не только перед Шани, но перед всеми, кто следит, не творится ли в Эланде волшба. Я еще раз взглянула на Гардани. Стефан попал в похожую ловушку, но Роман нашел способ приструнить тварей... Хотя то заклятье, похоже, было иным. Более умным и менее сильным.

Вот я и узнала главное, не спрашивая и даже не думая. Мне обо всем рассказала моя собственная порченная кровь. Михай Годой не более чем подмастерье, втихаря повторяющий за мастером. Где-то обретается некто посильнее и поопытнее господина регента, до встречи с которым я просто обязана дожить. Можно было попрощаться и уйти, в конце концов, Шани был обречен, он меня не любил, я, нынешняя, его почти не знала...

Но я не ушла.

7

Герика молча смотрела Шандеру в глаза, и тот почувствовал себя совершенно растерянным. Женщина была права – она действительно страшно, невероятно изменилась. Теперь в ней ощущались решимость и странная, завораживающая глубина. Шандер чувствовал, что сейчас что-то должно произойти, но словно бы со стороны. Он не боялся. Все происходящее казалось нелепым сном, потом тарскийка убрала ладонь с его руки, и мир вновь встал на свое место.

– Шани, – просто сказала она, – я могу тебя только просить никому не рассказывать, что сейчас будет. Но даже если ты не слушаешь, я не позволю этой мерзости тебя прикончить.

– Я не понимаю...

– Конечно, не понимаешь. – Она улыбнулась печально и ласково. – Я тоже не понимаю, что сейчас сделаю, но я это сделаю. И у меня получится.

8

Эстель Оскора

Я прекрасно видела этих гадов, похожих на плохо сшитые подушки с хвостами-присосками по углам. Они висели за спиной Шани, вцепившись ему в затылок чуть выше ушей, в шею, где их щупальца сплетались – эта мерзость, ко всему, еще была влюбленной парой, – и в спину, возле лопаток. Твари чувствовали мое присутствие, но оно их лишь возбуждало. Безмозглые и ненасытные, они тянулись к заключенной во мне Силе, как змеи к теплу, оживая на глазах. «Подушки» стали медленно пульсировать, щупальца задрожали, усиленно вытягивая из уже полумертвого человека остатки жизни.

Мой приход обходился бедному Шани дорого. И я не выдержала. Расскажет он или нет, если я уйду, не вырвав его у этих туманных упырей, я не смогу смотреть в глаза Рене... Даже если избавлю всех от Годоя и его хозяина. Даже если никто ничего и никогда не узнает, я не отмоюсь до конца своей жизни, сколько бы ее ни оставалось. Я приготовилась. Главное – схватить обоих одновременно. Это удалось без труда – они подвоха не ждали. Сама не знаю, как у меня это вышло, но сгустки недоброй волшбы, наделенные волей и вечным голодом, обрели отвратительные, но вполне осязаемые тела, и я схватила их за раздутые, пульсирующие желудки. Ибо желудки и рты были для них самым главным. Я отодрала их от Шани, с трудом удержавшись на ногах, как если бы выдергивала из стены гвоздь. Бедняга в немом удивлении наблюдал за моими манипуляциями – разумеется, он же не мог ничего видеть! Это я не только видела, я ощущала в руках осклизлые, податливые, пульсирующие тушки, жгучие, как крапива, липкие на ощупь... Я держала их, борясь с извечным женским желанием отшвырнуть подальше «эту мерзость», а моя Сила, свободно изливаясь через пальцы, окружала их незримым коконом, лишая возможности двигаться, осознавать себя, наконец, жить...

К сожалению, я не могла убить их сразу, сохранив при этом жизнь Шани. Мне пришлось ждать, когда они исчезнут. Больше всего это походило на то, как если бы я держала в

руках две тающие живые сосульки. Для того чтобы растопить этих жунов – я знала даже их имя, они назывались финусы, – требовалось время, а оно встало и не желало двигаться с места. Руки немели, наливались усталостью, кожу на пальцах, похоже, уже разъело, но я держалась.

9

Рене второй час наслаждался обществом Жана-Флорентина. Философский жаб, пользуясь случаем, излагал свои взгляды на государственное устройство и его связь с развитием хозяйства и торговли. Аррой слушал вполуха, думая о своем.

Адмиралу было невесело и хотелось выпить, но в последние недели он и так пил достаточно и решил, что хватит. Нет, никто бы не посмел упрекнуть Первого паладина, а теперь еще и будущего короля в пьянстве, но Рене что-то делал или не делал не потому, что это кому-то нравится, а потому, что считал: так надо. Эландец с отвращением посмотрел на запотевшее окно, за которым тусклым пятном расплывался свет сторожевого фонаря. Он никогда не имел ничего против бурь, да и к дождю относился с уважением, если это был добрый шумный ливень. Этот же монотонный дождь выматывал всю душу, и вместе с тем он был спасением. Пока в Эланде дожди, таянцы не сунутся во внутренние болота, а дороги – что ж, дороги открыты.

Герцог очнулся от резкого свиста, который испускал Жан-Флорентин, желая привлечь его внимание. Рене собрался извиниться и спросить, каким же образом деньги вновь превращаются в деньги или что-то такое, так как это было последнее, что он разобрал в жабьей речи, прежде чем утонуть в собственных мыслях. Но оказалось, что ни деньги, ни товар, ни свойственная людям невнимательность маленького философа на сей раз не занимают. Жан-Флорентин не возмущался и не досадовал, а недоумевал, о чем недвусмысленно свидетельствовал усилившийся металлический блеск...

– Мой адмирал, – жаб был на удивление немногословен, – рядом вершится сильная волшба неизвестной мне природы.

10

Эстель Оскора

Я уже думала, что не выдержу. Мои руки одновременно окоченели и горели, сердце колотилось, как овечий хвост, перед глазами плавали пятна самых гнусных расцветок, но я победила! Твари исчезли, и исчезли навсегда, а значит, я была на правильном пути. Не хвост вилял собакой, а собака хвостом. Моя Сила стала оружием, которым распоряжалась я, Герики Годойя, и попробовал бы кто-нибудь сейчас сказать, что это оружие – зло!

Шани удивленно смотрел на меня, он так и не понял, что теперь здоров. То есть, конечно, не совсем здоров. Ему предстоит отлеживаться, отсыпаться, восстанавливать силы еще несколько месяцев, но это он переживет. Теперь любой, даже самый заваливающий медикус поставит его на ноги. На ноги... Я посмотрела на свои руки, готовясь увидеть что-то изъеденное язвами или почерневшее. Ничего подобного, кожа как кожа, разве что чуть покраснела, словно от холодной воды. Глаза мои слипались, от усталости меня шатало, но я не удержалась от искушения – слишком уж удивленно Шани на меня воззрился, и слишком я была горда своей победой.

Глупость, которую я брякнула в следующее мгновение, была потрясающей. Я хорошенько встряхнула Шани за плечи и буквально заорала:

– Встань и иди!

И он встал и пошел. От камина к окну. Шатаясь, налетая на попадавшие по пути вещи, но пошел. На его лице застыло такое изумление, что я опять разревелась.

Глава 5

2229 год от В. И. 24-й день месяца Агнца

Эланд. Идакона

Таяна. Высокий Замок

1

День выдался на редкость скверным, более похожим на позднюю осень, чем на весну. Даже небо, море и обнявшаяся с ним река казались какими-то грязными, а в придачу ко всему продолжал дуть резкий, порывистый ветер, доведенный до бешенства неповоротливостью облаков, никак не желающих убраться к востоку. Разумеется, свою досаду ветер выплескивал на тех, кто ему подвернулся. То есть на деревья и ехавших ходкой рысью вдоль кромки выброшенных на сушу водорослей всадников. Бесконечная череда пустых пляжей с успехом заменяла дорогу, за которой следило само море, утрамбовывая влажный тяжелый песок.

Герике не повезло. Она оказалась в Эланде в самое неприглядное время. Ида разлилась широко и бестолково, и взгляду открывалось огромное пространство, залитое мутной водой, по которой гуляла холодная зыбь. Кое-где из воды торчали замерзшие уродливые деревья, вздымавшие к низкому небу облепленные старыми гнездами и клубками омелы ветви.

– Трудно поверить, что в это место заходит радость, – заметил герцог Рене, останавливая лошадь у грязно-зеленой кромки водорослей. – Паводок только начинается. Завтра здесь будут гулять не лошади, а рыбы.

Герика не ответила, она не собиралась говорить о погоде. Рене пригласил ее на прогулку не для того, чтобы рассуждать о паводке, но для чего? Вечером женщина повторила байку про святого отшельника и была отпущена отдыхать, а ночью уничтожила финусов. Тарскийка была так измотана схваткой, что уснула, едва коснувшись щекой подушки. Рене, зашедший спустя четверть часа узнать, как устроилась гостя, не велел ее будить. Потрепав по голове разлегшегося на пороге Преданного, герцог попросил приставленную к тарскийке добродушную северянку передать ее величеству приглашение проехаться верхом к устью Иды. Герика согласилась. Конечно, и он, и она помнили о том, что было между ними, но никто из любопытных, высыпавших в замковый двор и на улицы в надежде посмотреть на дочь Годоя, ничего не заметил. Рене был вежлив и обходителен, вдовствующая королева спокойна. Женщины нашли ее достойной, мужчины – достаточно привлекательной. И те и другие сошлись на том, что беглянке пришлось многое пережить и ее надо окружить заботой.

Герика мало думала о том, что о ней говорят в Идаконе, ее мыслями полностью завладел спутник. Мыслями, но не взглядом, рассеяннo блуждающим по взбаламученной воде.

Рене слегка придерживал вороного цевца, чтобы лошадка Герики опережала его коня на полголовы. Следовавшая позади охрана, едва кавалькада выехала из города, приотстала, так что разговора никто слышать не мог. Впрочем, разговора никакого и не было. До Иды ехали молча.

– Геро, – начал наконец герцог, – поговорим о главном. Нам нужно объясниться и решить, что делать дальше. Ты согласна?

– Да, конечно.

– Тогда расскажи, что случилось с тобой на самом деле. Ты уж прости, я не верю в святого отшельника и его талисман.

– И правильно, что не верите. – Герика взглянула в голубые эльфийские глаза и сразу же отвела взгляд. – Я не хочу лгать вам, монсигнор. Но и сказать правду не могу. Она слишком... невозможна.

– В жизни мало вещей, которые я считаю невероятными, и с каждым днем их становится все меньше. Ребенок погиб?

Она молчала довольно долго. Потом ответила вопросом на вопрос:

– Когда вы видели Романа?

– Давно. Я видел Романа последний раз в месяц Собаки. Он возвращался в Таяну за Маритой, я – в Эланд.

– Тогда откуда вы знаете о ребенке?

– Теперь уже я боюсь, что ты мне не поверишь.

2

Зов застал регента Таяны в самое неподходящее время. Днем. За обеденным столом, к которому был приглашен Тиверий и несколько нужных нобилей. Михай поморщился от тупой боли в висках, которая всегда сопровождала приход союзников, становившихся раз от разу навязчивей. Делать было нечего, и тарскиец поднялся.

– Дорогая, – регент с улыбкой поднес к губам пальцы супруги, – я вспомнил о крайне неотложном деле. Прошу вас, развлеките наших гостей. Я скоро вернусь.

– Разумеется. – Ланка, как бы ни злилась, никогда не выказывала этого при посторонних. Единственный раз был с Маритой, но сейчас она должна быть довольна. У них выдалась хорошая ночь, все вообще шло неплохо, и тут эти...

Годой, не убыстряя шаг назло союзникам и раскалывающейся голове, миновал увешанную оружием парадную лестницу и скрылся в личных покоях. Даже не удостоив взглядом дверь в кабинет, регент прошел в гардеробную и встал перед висящим на стене огромным зеркалом.

Магия способна на многое: в частности, любое зеркало, сосуд с водой, отполированный камень – короче, все, что способно хоть как-то отражать реальность, она превратит в окно, через которое можно переговариваться с теми, кто находится за сотни вес. При условии, что собеседник готов к разговору.

Вызвать несведущего труднее, тайно проследить за кем-то – тем более, хотя в старые времена встречались и подобные умельцы. Правда, для этого требовались вещи, принадлежавшие разыскиваемым, а еще лучше их кровь. Эльфы же и Преступившие, про которых Михай читал и слышал, вроде бы зачаровывают целые пруды, заставляя отражать то, что находится чуть ли не на краю света. В последнее тарскиец не верил, равно как и в существование всепобеждающего оружия, дарующих власть колец и ожерелий, любовных напитков и тому подобного. Годой предпочитал волшебю понадежней, какой бы трудоемкой она ни была, но магия поиска к таковой, увы, не относилась. Эстель Оскору, во всяком случае, союзники так и не нашли.

Призывы на дочь не действовали – то ли Герика их не слышала, то ли не подчинялась. Сама она сопротивляться бы не стала, так что союзники винили во всем Романа Ясного. Союзники твердили, что красавец-либер – эльф, и регент готов был с этим согласиться. Некогда Светорожденные и их хозяева нанесли сокрушительное поражение тем, кто в свою очередь победил Ройгу, с адептами которого он, Годой, заключил договор. Тарскийский господарь вступил в игру, будучи уверен, что в пределах Благодатных земель никаких эльфов не осталось.

Господин Шаддур клялся, что способности Рамиэрля оказались полной неожиданностью и для них, Годой не верил. Скорее всего, союзники лгали, чтобы он увяз по уши и потерял возможность отступления, но отступать он не собирался. Он вообще никогда не отступал.

Регент собрался с силами и уколол палец увенчанной шаром из кохалонга булавкой. Эта часть обряда была особенно неприятна, но открыть «окно» невозможно без крови. Годой нарочито медленно снял алую каплю каменным наверхушкой булавки и произнес несколько ничего ему не говорящих слов, от которых кохалонг запылал, словно облитый горячим земляным

маслом. Взяв металлическую «свечу», регент воткнул ее в раму зеркала, по поверхности которого пошла рябь, а может, дело было в поднимающемся вверх горячем воздухе.

После того как, беспокоясь об Илане, регент потребовал от господина Шаддура не появляться в Высоком Замке до рождения наследника, они говорили через зеркало. Колдовство действовало безупречно, но в чем тут суть, Михай пока не разобрался. Очень может быть, что, раз за разом питая белый камень своей кровью, он рисковал, но подпускать союзников к Илане было опаснее. Господин Бо уговорил *любвищю*, хоть и отвергнутую, а они с медной лисой не более чем союзники, хотя вместе им и неплохо. Из Иланы выйдет достойная императрица, но к магии ее подпускать опасно, а превращать в племенную корову для Ройгу – тем более и к тому же жаль.

«Свеча» отгорела, и поверхность стекла замутилась, оно больше не отражало обитой атласом стены. В белой мути плавало лишь изображение самого Годоя, и это было очень неприятно. Особенно когда двойник открыл глаза, заполненные клубящейся мглой.

– Ты не слишком торопился, – недовольно процедил Годой-в-зеркале.

– Я не ожидал тебя сегодня, тем более днем, – огрызнулся живой Михай.

– Мы ошибались, – зеркальный не желал втягиваться в перепалку, – Герику не в Арции, а в Эланде.

Михай ошарашенно молчал. Его расчет строился на том, что он доберется до дочери раньше Шаддура. Пусть у союзников – магия и Зов, сами они с осени заперты в Таяне. Последний, кому удалось перейти Горду до ее пробуждения, погиб в начале зимы, и погиб он, по свидетельству Шаддура, на краю пантанских болот от магии Ройгу. Союзники, да и сам Михай, не сомневались, что Охотника прикончила Герику и вышло это случайно. Магия преследователя разбудила ее кровь, дурочка до полусмерти испугалась и, сама не понимая как, пустила в ход Силу.

Что случилось дальше, оставалось гадать, но Темная звезда уцелела – иначе Ройгу обрел бы способность сливаться с другими существами и зачинать себе подобных. Этого не произошло, значит, дочь жива и в Арции. Начавшиеся поиски завершились успехом. В небольшой циалянкой обители на берегу Люфферы появилась послушница, про которую говорили, что она вдова таянского принца. Все сходилось, оставалось забрать Герику из монастыря. Правда, девчонка, побывав на ложе Ройгу, стала смертельно опасной, но это Годоя не пугало. От мира отказываются либо отчаявшиеся и опустошенные, либо стремящиеся обрести власть. К власти Геро всегда была равнодушна. Значит, она решила похоронить себя заживо, оплакивая своего Стефана. Если за ней явится отец, она по привычке ему покорится, а пока пусть таскает монашеский балахон.

Михай растил Герику для одной-единственной цели. Она должна стать Темной звездой, но Темной звездой, послушной отцовской воле. Смерть младенца, так расстроившая союзников, Годоя обрадовала. Как бы медленно ни выросл новый Ройгу, рано или поздно он обрел бы силу и получил все. Бесплодная Эстель Оскора, обретшая могущество и остающаяся в отцовских руках, сделает все потуги Шаддура бессмысленными. Михай Годой не просто станет хозяином Благодатных земель, но и создаст новую империю. Великую. И последнюю.

– Мы больше не можем ждать, – прервал молчание Годой-в-зеркале, – и не можем рисковать. Ты должен наполнить Большую Чашу, и быстро.

Эстель Оскора

Я себя ненавидела за ложь, но сказать правду было свыше моих сил. Как просто казалось мне месяц назад выложить герцогу Аррою все, что со мной приключилось. И о том, что я родила чудовище и стала чудовищем, и о том, что Роман прикончил младенца и, пока я жива, Ройгу не может иметь потомства от другой женщины. Я собиралась рассказать о заговоре Эанке, о том, как ощутила в себе Силу и шутя справилась с самой сильной колдуньей Убежища, как под моим взглядом плавилась и превращалась в драгоценный аметист рыжая лесная земля, как я прогнала гончих тумана... Я бы объяснила эландскому владыке, что не могу дотянуться до Силы по своей воле, но, когда та приходит, я делаю с ней что хочу.

Рене Аррой должен был знать про Эстель Оскору все, ведь именно ему предстояло схватиться с моим отцом. Я своим существованием защищала Тарру от возвращения Ройгу во всей его красе, а значит, все решат мужчины с оружием в руках. Я же, когда сила меня оставляла, становилась обычной или почти обычной женщиной. Капелька текущей в моих жилах эльфийской крови дала мне возможность овладеть зачатками магии Светорожденных, но против той же Эанке я бы не продержалась и десятинок.

Я не раз пыталась понять, выстояла бы я в схватке с Оленем, догони он нас в холмах Горды. Думаю, нет. Я была слишком слаба и очень напугана, а страх многократно уменьшает силу. Этот закон я открыла сама, продираясь по заснеженным лесам. Я слишком много думала этой одинокой зимой, и кое-что из придуманного могло пригодиться не только мне, но и Аррою, если бы...

Если бы я не влюбилась в Рене как кошка. Сразу и навсегда. Не знаю, где были раньше мои глаза, ум, сердце, ведь я несколько месяцев прожила рядом с этим человеком, принадлежала ему, но ничего не чувствовала. Я любила Стефана? Но почему мое сердце этого не помнит? Почему, когда я встретилась взглядом с герцогом, меня словно швырнуло в костер?

Мое сердце криком кричало, что видит Рене впервые! И вместе с тем я знала его. Знала его глаза, его голос, его руки. Помнила жест, когда, успокаивая, он гладил меня, как глупую собаку. Да и он прекрасно помнил все; для него я оставалась жалкой, нерешительной девчонкой, навязанной ему Марко. Рене не мог меня не то что любить, даже уважать. Как я могла рассказать ему все, что со мной случилось?!

Если б он меня любил, он, возможно, смог бы смириться с тем, что я стала нелюдью. Теперь же герцог стал бы смотреть на меня как на чудовище. На его месте я бы уж точно посадила подобную тварь в клетку, пусть и постаравшись сделать эту клетку удобной и незаметной. А я хотела остаться для него человеком, женщиной, пусть и нелюбимой, а не Эстель Оскорой, от которой зависит слишком много, чтобы в ней видели что-то, кроме оружия.

И еще был Астени... Отныне я точно знала, что в моем отношении к нему любви не было, только благодарность и дружба. Аррой, тот ничего не понимал, не мог понять, а принц Лебедей понимал все, ведь он и сам был магом. Астени узнал меня после того, как я вернулась из смерти. Он знал *меня*, а не Герику Годойю. Магия Проклятого, смешавшись с магией Лебедей и магией Ройгу, каким-то образом изменила мою суть, я больше не была покорной овцой, но как объяснишь это Рене?

Если бы только адмирал встретился с Романом! Но бард был далеко, Астени погиб, а Рене, Рене спросил меня о ребенке! И я поняла – он считает, что погибшая тварь была его сыном. То есть он ничего не знает! Ничегошеньки. И я солгала. Отвратительно, подло, низко.

Я подтвердила, что ребенок погиб, и замолчала. Это была полуправда, то есть худший вид лжи, ведь я позволила ему убедить самого себя. Он убедил, он даже попробовал меня успокоить обычным для мужчины способом. Лучше бы он этого не делал! Не знаю, как я вырвалась из его объятий; не будь мы верхом, герцог справился бы со мной шая, но я умудрилась вовремя хлестнуть лошадь и поскакала к ожидавшим нас за мысом воинам. Ветер свистел у меня в ушах, но не мог заглушить ту ненависть, что я испытывала к себе.

Вот все и кончилось, не начавшись. Меня не хватило на то, чтобы сказать правду, потому что я любила. Я удрала, крикнув, что то, что было, больше не повторится, что я его ненавижу. Герцог, разумеется, за мной не погнался. Зачем? Тарскийская дура никогда не была ему нужна. Он просто по-человечески хотел ее утешить в горе, естественном для любой матери, потерявшей ребенка. Она что-то проорала и ускакала, ну и Проклятый с ней!

Рене присоединился к нам через десятинку, он был спокоен и вежлив. Я все же кое-что ему рассказала. Что Роман отвез меня в Убежище, а сам пошел на поиски Проклятого, что меня хотели убить и Астени повел меня в Кантиску. Что нас догнали, Астен погиб, а мне посчастливилось уйти и унести эльфийский талисман, который и отогнал Охоту. Эта ложь показалась мне удачной. До возвращения Романа я оставалась хранительницей талисмана, а значит, если во мне разыграет сила, все спишется на подарок Астени. Разобраться в этом могут только маги, а их в Эланде нет. Если не считать печатных волшебников и меня.

Глава 6

2229 год от В. И. 8–25-й день месяца Иноходца

Таяна. Гелань

Запретные земли. Горда

1

Ланка была просто великолепна, когда в пурпурном платье и подобранном в тон плаще поднялась на разубранное флагами и гирляндами возвышение, специально сколоченное по такому случаю лучшими плотниками Гелани. Медные волосы жены регента украшала горящая тревожным блеском тарскийская диадема, темно-алые камни пылали и в ушах. Солнце светило по-весеннему ясно и сильно, но в тени еще было прохладно. Герцогиня мерзла, но капюшон роскошного плаща оставался откинутым – в такой день властительница должна предстать перед подданными во всем блеске. Рядом с Иланой стоял толстый кардинал, которого младшая дочь покойного короля презирала, но терпела. Михай был внизу, с войсками.

Разодетый в свои любимые черный и ярко-красный цвета, на вороном, без единого пятнышка жеребце, он выглядел истинным императором. Рядом с регентом делал вид, что сдерживал, а на самом деле горячил серого в яблоках красавца арцийский посол. Ланка не могла видеть лиц мужа и арцийца, но не сомневалась, что они были торжествующими. Михай получил от императора Базилека право прохода через арцийские провинции, а красавец Койла спал и видел, как Рысь и Альбатрос уничтожают друг друга. Зато геланцы и большинство марширующих внизу воинов не предполагали, что воевать будут именно с Эландом. То ли для того, чтобы оставшиеся в Таяне прознатчики Рене не успели предупредить своего господина, то ли потому, что население Гелани не рвалось в объявленный Церковью Святой поход против эландских нечестивцев, а вернее всего – чтобы Базилек мог хоть как-то оправдаться перед настоящим Архипастырем, было объявлено, что таянско-тарскийская армия и благочестивые ополченцы из числа горцев отправляются громить атэвов.

В письме императора говорилось, что воинству регента Таяны дозволяется пройти ускоренным маршем через Фронтеру к Гверганде, городу-порту, расположенному в устье полноводной Адены, правый берег которой от Зимней гряды¹⁴ до побережья принадлежал Эланду, а левый – империи. Там-де армия погрузится на арцийские корабли и отправится на юг. На деле же армии предстояло, воспользовавшись городскими мостами, перейти на эландский берег и, двинувшись вдоль побережья, вторгнуться во Внутренний Эланд с запада.

Таким образом Михай избегал и переправы через Гану в единственном возможном месте, и лежащих за ней почти непроходимых болот и дебрей, где передвигаться пришлось бы лишь по двум без труда перекрываемым лесным дорогам. Иное дело – широкая прибрежная полоса, где развернется и знаменитая таянская конница, и неутомимая гоблинская пехота.

Побережье было ключом к Эланду со стороны империи, а в Гверганде и на южном берегу Адены стояла Третья армия Арции под командованием знаменитого Сезара Мальвани. Командор должен был не допускать вторжения в Арцию таянско-эландских войск, однако любую дверь можно открыть с обеих сторон.

Илана представляла, сколько воинов находилось в распоряжении ее покойного отца. Не была она новичком и на военных парадах, которые всегда любила больше балов, но такого таянка еще не видела. Прежде площадь Ратуши красивым строем пересекали «Серебряные»

¹⁴ **Зимняя гряда** – скальная гряда, параллельная побережью между устьем Агаи и Братним перешейком и разрываемая только долинами рек. Названа так потому, что во время особенно свирепых зимних штормов до нее докатываются волны.

и «Золотые», впереди и позади которых маршировали музыканты с увитыми пестрыми лентами инструментами, а за ними на рысях проходили три полка легкой кавалерии и один полк тяжелой. Рослые всадники на могучих гнедых конях, в одинаковых стальных нагрудниках и шлемах с пестрыми ястребиными перьями. На плечах офицеров красовались короткие плащи из рысших шкур, простые же воины щеголяли в темно-синих суконных, с искусно вышитыми гербами. Ланка с детства обожала это зрелище, сожалея лишь о том, что оно слишком коротко. Теперь же войска шли третий час кряду. Первые воины уже наверняка покидали город, а конца шествия все еще не было видно. Сейчас через площадь двигались гоблинские полки, и Ланка, как и все геланцы, была поражена их многочисленностью. Таянскую столицу словно бы затопила бурая река.

Гоблины маршировали тысячами по пять в ряд. Чужие лица обитателям Гелани казались совершенно одинаковыми, отчего людям становилось жутко. Даже привыкшей к Уррику Илане сделалось не по себе. Она поискала глазами любовника и сразу же обнаружила его, застывшего за спиной Михая.

Уррик, как и прочие гоблинские офицеры, одевался подчеркнуто скромно. Все попытки регента разодеть свою личную охрану в столь любимые таянцами яркие доломаны натывались на непоколебимое «нет». Единственной роскошью, которую себе позволили гоблины, были атэвские нагрудники и атэвские же кривые ятаганы, почти такие же по форме, как и те, что делали в горах, но гораздо лучшего качества. Не удалось Годю и посадить своих охранников на коней. Те наотрез отказались, заявив, что мужчины должны ходить пешком и что лошади нужны лишь слабосильным. Знающие люди не сомневались, что гоблинская пехота выдержит натиск любой кавалерии, и во многом именно благодаря презрению, которую горцы питали к оседлавшим лошадей.

Ланка устала смотреть на одинаковые головы в одинаковых кожаных шлемах, и ее мысли заскользили по проторенной дорожке. Чем глубже таянка осваивала науку любви, тем сильнее мечтала о седом эландце. Их ссора была ошибкой, на которую ее невольно толкнул господин Бо. Илана не сомневалась, что еще можно все исправить и судьба рано или поздно предоставит ей такую возможность. К сожалению, Уррик, которому она верила как самой себе, уходил вместе с Годоем. В этом не было никакого злого умысла – свободно говорящий по-арцийски офицер был нужен регенту для облегчения общения со своими соплеменниками. Уррик уходил, а она оставалась местоблюстительницей трона. Это не только радовало, но и тревожило. Дочь короля Марко надеялась, что справится и поймет, что значит быть не сестрой, не дочерью, не женой владыки, но владычицей, и вместе с тем ей было тревожно. Илана Годюя знала, что власть – это игра, в которой проигравшему достается яд или плаха, и все же была готова сыграть. Выигрыш сулил корону и любовь – вполне достаточно, чтобы рискнуть всем.

2

Лес, которым третий день шел Роман, постепенно и незаметно менялся. Наверное, окажись в его объятиях не понимающий любую дышащую тварь эльф, а человек или гoblin, он бы ничего не заметил, пока не стало бы поздно, но Рамиэрль легко улавливал обрывки простеньких мыслей здешних кошек-белок и отзвуки боли, жажды или страха, испытываемых вечно осенними деревьями. И те и другие беспокоились; впрочем, провожавшие барда с самой опушки рыжие веселые зверьки поступили в соответствии с великим кошачьим правилом – любопытство превыше всего, но пока это не слишком опасно. В один прекрасный момент эльф понял, что остался один. Непрошенные спутники потихоньку удрали, он успел только почувствовать их страх и неприязнь, словно кто-то силком намочил их лапы и пушистые хвосты чем-то гадким. Деревья тоже изменились, того мудрого покоя и снисходительной нежности к малым сим, которое излучал этот странный, заполнивший гигантскую низину лес, больше не

было. Тревога приглушила краски, листва казалась бурой и некрасивой, потянуло болотной сыростью. Рамиэрль прикрыл глаза – хотелось развернуться и броситься назад, к солнцу, игривым зверушкам, вновь увидеть весеннюю зелень, услышать болтовню Кризы и забыть то, что он еще не увидел.

– Поздно мне возвращаться. – Произнесенная вслух, эта фраза сработала не хуже заклинания, и эльф решительно пошел вперед. Дорога не изменилась, но идти стало труднее: завоженные собственными страхами деревья перестали услужливо раздвигать ветви, открывая путь Светорожденному. Нет, в этой части леса тоже кипела жизнь, но какая-то ломаная, неправильная. Нэо увидел на глине отпечаток заячьей лапы, но размером этот заяц должен был быть с большую собаку. Либер не успел даже удивиться, как мимо него, отчаянно хлопая крыльями, пронеслось и вовсе нелепое создание, похожее на ящерицу с клювом. Затем путь преградил луг, заросший крупными цветами на белых жирных стеблях, источающими сильный сладкий аромат. Над цветами кружило неимоверное количество бледных бабочек, от совсем крошечных до великанш размером с хорошего нетопыря.

Луг тянулся в обе стороны насколько хватало глаз, впереди же, на самом горизонте маячила синеватая полоска, скорее всего, опушка. Рамиэрль знал, что ему туда, но отчего-то ужасно не хотел знакомиться с местной растительностью. Оттягивая сомнительное удовольствие, либер пошел вдоль кромки леса, выискивая место для отдыха и в глубине души надеясь, что цветочное кольцо где-то будет уже. Надежды не оправдались, зато он увидел, что через луг кто-то все же перешел. Цветы были смяты, словно по ним пробежало крупное животное или проехал всадник, и было это совсем недавно. Эльф проследил взглядом протоптанную тропу, но никого не увидел: его предшественник, кем бы он ни был, успел скрыться из глаз. Роман решил не искушать судьбу и пройти по следу. Отвращение, которое он испытал, наступив на первый истекающий соком стебель, по остроте почти сравнялось с болью, но либер справился с этим чувством и как мог быстро пошел вперед, давя поднимавшиеся на глазах цветы. Волны аромата отупляли, казалось, он угодил в спальню перезрелой красотицы, вылившей на себя целый кувшин лучших атэвских благовоний. Хихикнув от поэтического сравнения и сбив рукой в перчатке особенно отвратительную бабочку, так и норовившую устроиться на рукаве, Роман прибавил шаг.

3

Армия подходила к Горде. Будь в ней только конница и гоблины, она бы уже стояла у Гремихи, но у Годоя была и обычная пехота, не говоря об обозе, везущем необходимую при передвижении армии снасть и фураж. Базилек требовал уважения к арцийской собственности, и регент выполнял выставленные условия. И вот теперь голова живой змеи поравнялась со Стражами. Гоблины с восторгом воззрились на помнящих Истинных Созидателей исполинов. Лица Всадников были обращены на восход, гигантские тени смешивались с тенями плывущих по небу облаков. Казались, гиганты оживают.

Уррик благоговейно созерцал Стражей Горды и не сразу заметил перемену в лице Годоя. Регент был бледен, как болотный туман, побелели даже обычно яркие губы. Руки тарскийского господаря судорожно сжимали поводья, глаза были устремлены на Всадников. Гоблин не успел ничего понять, а Годой уже дал шпоры коню и помчался вперед, словно за ним гнались светоносные твари.

Пеший, будь он трижды гоблином, не может состязаться со скачущим конем. За тарскийцем последовали лишь приближенные нобили, а Уррик недоуменно переглянулся с товарищами – такое поведение для вождя было в высшей степени неприличным. Зеленый епископ, неизменный и ненавистный спутник регента, тоже растерялся. Войско остановилось в ожидании хоть какого-то приказа. Люди и гоблины полупшепотом переговаривались, и Уррик, как и

все его соплеменники обладавший почти звериным слухом, услышал, как высокий тарский обронил:

– Неужто лицо увидал? Дурная примета!

– Он этих всадников завсегда боялся. Отворачивался, как проезжал, да нешто от судьбы отвернешься... – откликнулся другой, темноволосый, и достал фляжку. Отпил несколько глотков, собрался убрать, но передумал и передал собеседнику: – Это Горда решает, не мы...

– Хорошее пойло, – вынес вердикт первый, – только не стоит пить днем. Развезет...

– Но по чуть-чуть-то можно...

Дальше Уррик не слушал, сраженный известием, что Годой боится. Боится тех, кому должен поклоняться. Почему? Почему таскает с собой зеленого жреца с ненавидящими глазами? Почему в походе не участвует никто из Белых жрецов?

Кодекс чести, который Уррик всосал с молоком матери, гласил, что союз с трусом и предателем падет позором на твою голову, а с врагом надлежит поступать честно. Отсылая в канун выступления последних голубей, Уррик не сомневался, что поступает достойно. Рене Аррой должен знать, когда и откуда придет война. Только тогда он, Уррик пад Рокхе, сможет с чистой совестью сражаться и, если надо, умереть за святое дело. Это будет честный, хоть и неравный бой, а не предательский удар, который запятнает и победу, и честь. Разумеется, Уррику и в голову не приходило, что Рене Аррой почти не сомневается: предупреждает его Илана.

4

Рамиэрль стоял на краю, только чего? Даже курильщики атэвского зелья в самых бредовых своих видениях вряд ли могли вообразить нечто подобное. Дороги не было. Собственно говоря, не было не только дороги, а вообще ничего. Эльф уперся в нечто, более всего напоминающее гигантское веретено, на которое сумасшедшая великанша намотала слишком много пряжи. Нет, не пряжи, а смятого, словно бы изжеванного холста. Самым же диким было то, что холст этот возникал со всех сторон одновременно и в нем еще можно было угадать чудовищно искаженные изображения деревьев, земли, неба.

Академики, упорно называющие все сущее материей, были бы потрясены, увидев, как это выглядит в буквальном смысле слова. Неизвестная, но чудовищная в своей мощи магия что-то сотворила с самим пространством, смяв его и намотав на незримую ось. Когда-то эти деревья шелестели, ручьи звенели, а облака бежали, теперь же все они замерли, искаженные, нелепые, как на рисунке безумца. Хуже всего было, что Эрасти Церна оказался упрятан внутри этого небывалого кокона.

Роман в сердцах наподдал подвернувшийся камень и произнес некую фразу, которую почерпнул из арсенала командора Добори, выражавшегося порой весьма образно. Однако ярость и разочарование не сделали разведчика слепым, и он заметил, что отброшенный камень не свалился на серый песок, а завис в воздухе, медленно-медленно продвигаясь в направлении «веретена» и оставляя за собой широкую сероватую полосу, напоминающую хвост кометы. Роман с ужасом наблюдал, как камень словно бы размазывался, превращаясь в размытую черту, более плотную спереди. Наконец голова «кометы» достигла первых складок чудовищной дерюги и исчезла, слившись с измятой тканью.

Не веря глазам, эльф бросил еще один камень, который постигла та же участь. Итак, перейдя некую черту, предметы, искажаясь и преобразуясь, становились частью магического безобразия, и только ли предметы? След на цветочном поле вел лишь *в одну* сторону!

Похоже, Рамиэрль был единственным живым существом, добравшимся целым до этого проклятого места, видимо, кольцо Эрасти его как-то хранило. Не проведет ли оно его и внутрь? Рамиэрль сделал шаг. Ничего. Еще шаг, еще, еще... Вот и первые «складки», рукой подать.

Подать-то подать. Роман чувствовал себя мухой, пытавшейся войти внутрь янтаря, и одновременно мулом, перед носом которого держат палку с привязанной к нему морковкой.

Не было ни боли, ни ветра в лицо, ни увязающих в почве ног. Просто искореженные деревья и собранное в складки, как крестьянские занавески, небо стояли на месте, не приближаясь ни на шаг, хоть он старательно переставлял ноги. Затем эльфа окутало нечто темное, в точности повторяя все контуры его тела, и вовремя! То ли снизу, то ли сверху, то ли с боков, а возможно, отовсюду и одновременно на Романа надвинулись мутно-белые изгибающиеся крылья, явно намереваясь его захватить, но, коснувшись второй «кожи», отдернулись и съежились по краям, загибаясь внутрь, как опаленная бумага. Роман глянул на кольцо. Оно яростно светило.

Внутри камня бушевала буря, вспыхивали и гасли какие-то искры, свивались и развивались непонятные спирали. Только верхний уголок талисмана был мертвым, словно бы выкрошившимся. Роман поднял глаза – отпрянувшие было блеклые крылья вновь надвинулись и вновь отпрянули, обожженные. А у камня Эрасти погас еще один кусочек – талисман оберегал своего нынешнего хозяина от довольно-таки печальной участи, при этом разрушаясь.

Романа считали смелым, и заслуженно, но эльф довольно давно уразумел, что в некоторых случаях храбрость идет рука об руку с глупостью. Он не имел права жертвовать собой, своими знаниями и талисманом. Нужно было возвращаться.

Глава 7

*2229 год от В. И. 27-й день месяца Иноходца
Нижняя Арция. Гаэльза. Село Лошадки
Пантана. Убежище*

1

Луи приподнялся на локте и с удовольствием посмотрел на свернувшуюся калачиком пейзажечку. Похоже, он был прав, когда выбрал вчера именно ее, хотя та, рыженькая, зеленоглазая, была тоже очень ничего... Надо будет как-нибудь сюда вернуться. Интересно, кого же зовут Сана, эту или ту?

Девушка сладко спала, и Луи раздумал ее будить – его вчерашняя подружка оказалась в определенном смысле чудо как хороша; проснись она сейчас, они опять не выедут вовремя, а после рассвета охота – не охота, а так, забава для толстых негоциантов. Луи ловко собрал сорванную впопыхах одежду и совсем было собрался соскользнуть с сеновала, но его осенила мысль, показавшаяся удачной. Арциец мстительно улыбнулся самому себе и, порывшись в объемистом кошельке, вытащил тяжелое кольцо, которое и надел на руку девчонке, – так Митте, Проклятый ее побери, и надо. Камень, на который сорока положила глаз, достался смазливой поселянке, вот она разозлилась бы... Жаль, дражайшая родственница не узнает, какую шутку он сыграл. Луи подавил смешок – еще разбудишь эту курочку, свои же засмеют, что припозднился, – и прыгнул вниз.

Ночь была звездной и прохладной, но племянник императора Базилека привык к походной жизни, и предутренний ветерок его приятно возбуждал, напоминая о грядущих охотничьих радостях. Проклятье! Он будет веселиться назло гадине-Бернару и сучке-кузине! В конце концов, на Арции свет клином не сошелся, а корона ему, что б там ни лепетала Митта, нужна не больше кардинальского посоха. В жизни и без этого много хорошего. Если б только к нему не прилип этот старый зануда Матей, поклявшийся собственноручно связать проштрафившего принца и привезти в Мунт, чуть тот вознамерится покинуть Гаэльзу. Ну да ничего! Рано или поздно старому перечнику надоест таскаться по охотам и пирушкам, и тогда прости-прощай, Арция! Мир велик, а принц Луи молод, силен и желает радоваться жизни.

Императорский племянник скинул рубаху, легко вытащил из аккуратного колодца с резным, украшенным фигурками журавлей навесом бадью и с наслаждением опрокинул себе на голову. Стало холодно и очень весело. По-волчьи отряхнувшись, принц распахнул ногой дверь в дом, где ночевали его сигуранты, и жизнерадостно проорал бездельникам, чтоб вставали, еще раз доказав, что, какой бы бурной ни была ночь, он, Луи Гаэльзский, все равно встанет раньше всех.

В доме раздалось недовольное ворчание и кряхтенье людей, которым помешали досмотреть предутренний сон, но друзья и сигуранты протестовали недолго. Те, кто связался с полумным принцем, согласившись разделить с ним его полуизгнание-полуарест, понимали, на что идут. Луи был не из тех, кто будет сидеть в Гаэльзе и замаливать грехи, он постарается надевать кучу новых.

Небо только начинало светлеть, когда два десятка всадников покидали гостеприимную деревушку. К вящему неудовольствию Луи и его приближенных, у околицы к ним присоединился немалый отряд вооруженных всадников под командованием неразговорчивого лысого крепыша. Принц скрипнул зубами, но смолчал, только послал своего чалого вперед. В конце концов, он императорской крови и имеет право ехать впереди, а этот Матей – как только отец его терпел? – пусть глотает пыль из-под копыт... Хотя какая пыль по такой росе? Принц в глу-

бине души был человеком справедливым и признавал за своим добровольным сторожем тьму достоинств. Матей был неутомим, смел и верен раз и навсегда принесенной присяге. Впрочем, за последнее качество изгнанник готов был его убить. Другой на месте барона позволил бы молодежи развлекаться, а сам сидел бы себе в городке, попивая местное – очень неплохое – яблочное вино, да бросал бы кости с такими же ветеранами. Так ведь нет! Старый волчара таскается за ними, как хвост за собакой!

Принц невольно расхохотался от пришедшего в голову поэтического образа, а затем еще раз, когда представил, как вставляет его в посвященный кухне мадригал. В том, что принц Гаэльзский оказался выслан в свои якобы владения, виновата была именно Митта, как бы она ни корчила оскорбленную невинность. Невинность с ней и рядом не ночевала. Кузина родилась блудливой и жадной, хоть и до невозможности красивой. Даже не просто красивой, горело в ней что-то такое, мимо чего не мог пройти ни один мужчина. Как замерзший путник мимо таверны. Ха! Именно Митта затащила его в постель, а потом, когда их застукали, подняла вопль, будто циалианка какая-нибудь...

Впрочем, она на сей раз тоже нарвалась. Бернар соглашался терпеть красотку в Мунте не больше, чем самого Луи, и все равно это было мерзко! Ни вино, ни женщины, которые в Нижней Арции и хороши, и податливы, ни столь любимая принцем охота не позволяли забыть о нанесенном оскорблении. Его, любимца всего Мунта, вышвырнули из столицы как напаскудившего щенка, да еще навязали ему целую ораву стражников. А барон Матей вызвался его караулить, чтобы он, видите ли, еще больше не опозорил память отца. Бред какой! Принц пустил в ход шпоры, и чалый обиженно заржал – не привык к подобному обращению, да и в шпорах не нуждался. Хозяину было довольно чуть тронуть шенкем, и Атэв птицей понесся бы вперед. Бедный жеребец не понял, за что ему с утра такое невезение, но честно прыгнул вперед и галопом помчался по лугу.

2

Ксавье Сарриж обреченно созерцал увязнувшие по колено кривые деревья и высохший прошлогодний тростник, среди которого настойчиво рвались к низкому небу зеленые шпаги новых побегов. Лейтенант Церковной гвардии почти не спал, не скупился на ауры, меняя лошадей, и только на последнем постоялом дворе, за которым тракт круто уходил в сторону, огибая пантанские болота, понял, что самое трудное впереди. Эльфы, если они действительно прячутся в здешних местах, позаботились о том, чтобы смертные ничего не заподозрили. При умении Светорожденных колдовать и дружбе со всяческими тварями и растениями это было легче легкого. Как Ксавье ни пытался найти выход, в голову не приходило ничего. Оставалось положиться на удачу, что он и сделал, свернув с проселка, соединявшего две забытые Триединым деревушки с трактом, на глухую лесную тропинку, которая и привела его к краю болот, перебраться через которые, не имея крыльев, не взялся бы никто.

Лейтенант сделал единственное, что ему оставалось, – медленно двинулся вдоль берега, время от времени заходя по колено в мутную воду и вглядываясь в даль. Пейзаж разнообразием не отличался. Темная вода, кочки, опять вода, тростники, выродившиеся от обилия выпивки деревца, кусты ивняка, окруженные желтыми болотными цветами.

Белки и птицы, которыми Босха просто кишела, не обращали на одинокого путника внимания, а кроме них он никого не встретил. Ночами Ксавье слышал, как неподалеку блаженствуют кабаны, дорвавшиеся после зимы до обильной пищи и роскошной мягкой грязи. Прошлой ночью перед самым лицом лейтенанта проплыла большая мягкая птица и уселась на соседнем дереве, лупая круглыми желтыми глазищами и издавая вопли, похожие на скрип двери брошенного дома. Крепкая гнедая лошадка, имевшая несчастье разделять общество Саррижа в этом путешествии, беспокоилась, ее хозяину тоже не спалось.

Очередное утро выдалось сырым и промозглым. Над болотами плыл туман, превративший их в некое подобие равнин, по которым в ожидании Судии обречены бродить души, не достойные ни вечного блаженства, ни пламени преисподней.

Ксавье с отвращением проглотил пропитавшиеся сыростью сухари и безвкусное холодное мясо и поклялся добыть к вечеру хоть какую-нибудь дичину. Земля совсем раскисла, и лошадь с трудом вытаскивала из чавкающей грязи ноги в некогда белых чулочках. В довершение вновь стал накрапывать дождь. Лейтенант с отчаяньем подумал, что будет бродить веками среди этих тростников и никогда не найдет тех, кого должно отыскать. Здравый смысл советовал возвращаться – он сделал все, что мог, но он не лось и не кабан, чтобы рыскать по этим топям.

Выросший вдали от Пантаны Архипастырь не мог знать, что найти кого-нибудь в болотах потруднее, чем в горах или же в лесу, здесь не остается даже следов. Лейтенант вздохнул и уныло тронулся дальше, с отвращением слушая, как чавкает под копытами грязь. Солнце так и не появилось. Если бы он ехал по лесу, то наверняка решил бы, что кружит на одном месте, но он двигался вдоль края болота, так что опасность заблудиться ему пока не грозила. Про себя Сарриж решил, что будет искать эльфов столько, сколько отвел на поиски сам Феликс, и еще те пять или шесть дней, которые он выгадал в дороге. Может быть, ему повезет наткнуться на след, здесь, в болотах, живут люди, вдруг они что-то слышали...

За день он дважды спешился и переводил гнедую через особо гнусные местечки; один раз лошадь поскользнулась, и Ксавье чудом не свалился в грязь, второй раз перед самой мордой несчастной гнедой вспорхнула большая коричневая птица. Казалось бы смиренная лошадка вскинулась на дыбы не хуже атэвского скакуна, и по праву считавшийся хорошим наездником лейтенант с трудом с ней справился. Затем пришлось долго пробираться через заросли лещины, что с успехом заменило падение в воду, так как проклятый дождь усилился и казалось, что на ветках растут не листья, а огромные водяные капли. И без того гадкое настроение стало еще хуже, когда кусты отступили, услужливо открыв неширокий, но глубокий овраг, по дну которого тек ручей ржавой воды. Перепрыгнуть преграду было столь же невозможно, как и спуститься вниз.

Дождевые капли застучали чаще, Ксавье нахлобучил на самый нос шляпу и сообщил ближайшему кусту все, что он думает о Пантане. Орешник благоразумно промолчал. Объезжать овраг, который может тянуться Проклятый ведает как далеко, лезть в болото или бросить лошадь и переправляться при помощи веревки, мягко говоря, не хотелось.

Сарриж огляделся еще раз и пришел к выводу, что единственное, что ему остается, это пообедать. Огонь разжигаться не желал, пока лейтенант не плеснул на собранные ветки из фляги, от содержимого которой и сам бы не отказался. Костерок, защищенный от ветра и дождя кожаным плащом, с грехом пополам разгорелся, и Ксавье злобно уставился в огонь. Капли монотонно стучали по самодельному навесу, едкий дым щипал глаза, но лучше это, чем стекающие за шиворот ледяные капли. Лейтенант обругал себя за нарушение данного себе слова и все же приложился к заветной фляжке, после чего смог взглянуть на жизнь более философски.

– Кого ты здесь ищешь? – Голос был негромким, но Сарриж вздрогнул, словно его окатили из ведра, и торопливо вскочил. Кожаный плащ слетел с кое-как сооруженных распорок и свалился в огонь. Раздалось шипенье. Ксавье, ругнувшись, выхватил свое имущество из огня и только после этого огляделся.

Их было двое, и они словно бы вышли из бальной залы, а не из мокрого леса. Один казался постарше, если, говоря о подобных существах, уместно вспоминать о возрасте. Темноволосый, с пронзительными светло-голубыми глазами и спокойным, почти суровым лицом, он стоял чуть впереди, протянув вперед раскрытые ладони. Второй, повыше, с волнистыми пепельными волосами, держал под уздцы коней, словно вылетевших из волшебного сна.

– Ты ищешь нас, – повторил темноволосый, – не отпирайся, мы знаем это. Для чего смер... человеку наш народ?

– Меня послал Архипастырь Феликс. – Ксавье чувствовал, что его обычно довольно-таки спокойное сердце проваливается куда-то вниз. – Нам нужна помощь...

3

Охота не задалась. Птицы на знаменитых Теплых озерах было много, но не для таких охотников, как Луи и его друзья. Ни королевских цапель, ни знаменитых своей верткостью чернокрылок – сбить ее влет почетно для любого стрелка – и близко не было. А бить рыжих уток, не пожелавших взлетать, даже когда в них полетели палки и комья земли, но медленно и нагло отплывших к середине озера, было позорно. Стрелять по сидящей птице – это не для нобилей. Выручили дикие гуси, но и те, потеряв десяток-другой товарищей, уразумели, что в этом месте становится опасно, и дружно устремились на северо-восток. Не ахти какая добыча, но сбитых птиц вполне хватало для того, чтобы накормить две дюжины молодых и голодных людей, которым все равно больше нечего делать.

Матей и его бренчащие железом вояки в тростники не полезли, и Луи решил отдохнуть от их общества, а посему отыскал сравнительно сухой полуостров, глубоко вдававшийся в одно из озер, где и провел весь день, подтрунивая над приятелями. Хорошее настроение вернулось к принцу вскоре после полудня, когда он победил в шутовском поединке третьего по счету сигуранта. Жизнь была прекрасна, даже несмотря на наличие такой гадости, как Бернар, Митта или Матей. А поскольку настроение вожака очень быстро передается всей стае, к вечеру из леса вывалилась очень даже веселая компания, которую несколько не смутил вид торчащих на лугу стражников. Напротив. День выдался солнечный, и Луи с восторгом подумал, что просидеть десять часов кряду в нагретых железных горшках – достаточное наказание за назойливость.

Матей ничего не сказал, его люди молча заняли место в хвосте кавалькады и двинулись к тракту. По дороге Луи пытался решить, чего ему меньше не хочется – вернуться в Гаэльзу на вечеринку, которую местный эркард по недоразумению называет балом, или же провести еще одну ночь в Лошадках с этой самой Саной или не Саной. Желание узнать, как зовут девчонку, которой он подарил приглянувшееся Митте кольцо, победило, и принц повернул к Лошадкам.

Отдохнувшие кони шли веселой рысью. Поднявшийся к вечеру ветерок приятно освежал, трава была зеленой, небо синим, а жизнь сносной. Темно-серая тучка на горизонте поначалу Луи не заинтересовала. Ну туча и туча, летит себе куда-то, и пусть ее. Больше облаков на небе не было, и арциец с полным основанием решил, что дождя ждать не приходится. Однако вскоре туча, упрямо висящая на одном месте, распалась на отдельные столбы. Чалый Атэв потянул ноздрями воздух и коротко заржал, что на него совсем не походило. Слегка встревоженный Луи сосредоточился, и ему показалось, что он чувствует едва уловимый запах дыма. Принц натянул поводья. По всему выходило, что в Лошадках пожар, но не могла же середь белого дня запылать целая деревня. Луи резко обернулся к ехавшему сзади курносому сигуранту:

– Жани, крикни сюда зануду. Он мне нужен.

Матей появился сразу же, хотя каждое его движение казалось неторопливым. Ветеран подъехал к Луи и спокойным, равнодушным голосом – словно никогда не качал маленького непоседу на своей ноге – осведомился:

– Вы меня звали, монсигнор?

– Да, Проклятый меня побери. Похоже, Лошадки горят, или я ничего не понимаю!

Матей довольно долго вглядывался в серые столбы на горизонте.

– Горят, и пусть меня сожрет лягушка, если их не подожгли. Я с вашим батюшкой нагледелся на такое в Чинте, когда вас еще на свете не было. Но кто бы мог чудить здесь?

– Сейчас разберемся, – пообещал Луи. – А ну, все в галоп!

4

Кони отказывались идти вперед, с испугом косясь на догорающие домики. Стоившие целое состояние гунтеры не были лошадьми войны, их не приучали ни к запаху гари, ни к трупам, через которые приходится переступать.

Этого просто не могло быть, но это было. Луи отдал бы полжизни за то, чтобы увиденное оказалось пьяным бредом, разум отказывался верить глазам, а вот отчаянно бьющееся сердце поверило сразу. Лошадок, где они еще вчера спали, пили, целовались с хорошенькими селянками, не существовало.

Арция не воевала давно. Очень давно, если не считать мелких приграничных стычек и дела пятнадцатилетней давности, но атэвы не жгли дома и не вырезали людей. Они не собирались портить имущество, которое намеревались заполучить. Две армии, арцийская и атэвская, некоторое время гонялись друг за другом среди виноградников и наконец сошлись в решающей битве, после которой атэвы убрались за свой пролив, потеряв при этом – с помощью эландцев, разумеется, – полтора десятка кораблей. Это была война, о которой мечтает любой нобиль, – полная подвигов, взаимных расшаркиваний и богатых трофеев. В Лошадках же произошло немыслимое. Ну кому могло помешать затерявшееся среди озер и лесов село? Но ведь помешало же...

Луи вздрогнул, налетев на лежащий посреди улицы труп. Было еще достаточно светло, чтобы он мог узнать свою вчерашнюю подружку, которую звали Сана. Или не Сана. Этого он уже никогда не узнает. Девушке повезло – она умерла сразу, так как никто не в силах перенести подобный удар в голову и остаться живым. Череп малышки был разможен чудовищным ударом сзади, тонкая рука перерублена чуть выше запястья, а отсеченная кисть куда-то делась. Это оказалось последней каплей. К горлу принца подступил отвратительный пульсирующий комок, и арциец бросился в заросли распускающейся сирени, где его и вывернуло наизнанку.

Хвала Эрасти, охотничья фляжка оказалась на месте, и Луи чуть не захлебнулся крепчайшей, обжигающей горло царкой. Голова немного прояснилась, но к глазам подступили слезы. Молодой человек со злостью прикусил губу, пытаясь с ними справиться. Сколько раз в мечтах он скакал впереди войска, преследуя бегущих врагов, спасал прекрасных дам и с презрительной усмешкой бросал к ногам дядюшки-императора военные трофеи! Теперь он дрожал от ужаса и бессильной ярости в саду сгоревшего дома, а в голове билась мысль: это ты убил ее, подарив кольцо. Ее убили и отсекли руку с перстнем, чтобы долго не возиться... Если бы не ты...

– Выходите. – Матей был груб и спокоен. Как, собственно, и всегда, хотя физиономия ветерана была бледнее обычного. – Вы арцийский принц, Проклятый вас заберите, – вот и докажите на деле, что не только юбки задирать умеете.

Луи молча кивнул и на все еще дрожащих ногах заковылял на улицу, где толпились его сигуранты и друзья вперемешку с воинами Матея, причем лица многих отливали той же болотной зеленью, что и у принца. Странное дело, это зрелище почему-то успокоило племянника императора, напомнив как о том, что не он один такой неженка, так и о том, что все эти люди пришли сюда за ним и из-за него. Это совсем не походило на старинные баллады, но Луи понял, что следует делать.

– Коня! – Атэв отыскался тут же, и Луи легко взлетел в седло. Чалый, хоть и был единственным на всю охоту боевым конем, начал осаживать, и Луи сообразил, что кони только помешают. Сдерживать напуганных пожаром и трупами животных, когда возможен бой... Луи, махнув рукой, соскочил на землю и лично привязал жеребца к какой-то жердине. – Найдется тут десяток мужчин, которые в состоянии переносить это зрелище и не блевать при этом в кустах?

Несколько человек вышли вперед. Странно, но яростная вражда между людьми принца и людьми Матея куда-то исчезла. Теперь они ощущали себя единым целым – небольшой кучкой людей, столкнувшихся с огромным и непонятным злом.

– Возьмите собак на сворки. Мы сейчас обшарим деревню. – Принц старался говорить спокойно, и с каждым словом это выходило все лучше. – Надо понять, кто тут побывал. Может быть, остались живые. Ждите нас, – он огляделся по сторонам, – вон у тех зарослей. Старшим остается сигнор, – он впервые за последние полгода назвал его так, – ре Матей.

Луи немного запнулся – еще вопрос, пожелает ли старик выполнить его приказ, но Матей наклонил плешивую голову в знак согласия. В ответ Луи тронул эфес шпаги и пошел впереди своих людей по заросшей молодой расторопшей улочке.

Они обшаривали деревню дом за домом, благо она была небольшой. Имущество селян не тронули. Видимо, роскошный рубин на руке деревенской девчонки стал единственной ценной добычей, взятой в Лошадках. Кроме самих жителей. Люди куда-то исчезли: трупов было явно меньше, чем обитателей деревеньки, и лежали они так, словно их приканчивали походя, как отбившихся от стада овец. Чем ближе к площади, на которой стоял старенькая, но чистая и веселая церковь, тем больше убитых валялось на улице. Луи уже не сомневался, что сельчан зачем-то сгоняли к храму. Странно, но боль и ужас отпустили, принц ничего не чувствовал, словно выпил настойку плешивого гриба,¹⁵ которой его однажды опоил медикус, взявшийся вырвать больной зуб. Принц действовал как во сне, когда видишь себя со стороны. Собаки, скуля и упираясь, все-таки шли вперед, но пока ни одной живой души обнаружить не удавалось. Луи почти равнодушно переступил через полную молодую женщину, в спине которой торчала стрела, и ее ребенка, пригвожденного к земле странным белым копьём, про себя отметив, что мертвых надо будет как-то похоронить и что это работа на всю ночь.

У одного домика – здесь жил кузнец – они в первый раз наткнулись на попытку сопротивления. Деревенский силач дорого продал свою жизнь. Судя по кровавым лужам и переломанному оружию, кого-то из нападавших он достал, но трупы или раненых унесли. В доме на постели лежала хрупкая женщина в синем платье и трое ребят – мал мала меньше. Что-то в их позах казалось странным.

– Это он сам их, – Винсен, аюдант Матея, неотвязно следовал за Луи, но принца это больше не раздражало, – верно, решил, уж лучше сам, чем эти...

– Кто «эти»? – хрипло пробормотал Луи.

– Ума не приложу. Никогда такого не видел. Оружие не наше и тряпки. – Воин кивнул на разодранный светло-серый плащ, придавленный тяжелым телом кузнеца. – Поговаривают, в Последних горах погань всякая гнездится, но чтобы такое...

– Куда они людей погнали, как ты думаешь? Может, еще догоним?

– Боюсь, недалеко, – махнул рукой ветеран, – собраться не дали. Вещи все тут. Этот вот даже детей прикончил, значит, видел, что их ждет... Найдем всех в одной яме.

И они действительно нашли всех. Но не в яме, а в деревенском храме. Прошел не один день, пока заглянувшие туда смогли снова улыбнуться.

Бесконечный весенний вечер тянулся и тянулся, и на чистенькой площади, несмотря на дым, было довольно светло. Светло было и в храме, хотя лучше бы спасительная тьма прикрыла своими добрыми крыльями то, что сильные сотворили со слабыми.

Основные двери в храм были закрыты и приперты стволами двух вековых каштанов, еще утром украшавших площадь яркой весенней зеленью. Единственным входом в здание оставалась маленькая дверка, которой обычно пользуются клирики и которая ведет в недоступное простым прихожанам помещение. Луи с детства знал, что этот порог переступать нельзя, но не

¹⁵ **Плешивый гриб** – плешка, плешивка – древесный гриб, настойка из которого обладает успокаивающим и обезболивающим действием; применяется медикусами для обезболивания. В больших дозах смертельна.

колебался. По всему видно, людей согнали в церковь, значит, что бы там ни ожидало, нужно войти. Винсен дышал в спину, это придавало уверенности. Арциец, велев двум сигурантам, казавшимся поспокойнее, идти следом, вошел в Чистый Зал.¹⁶ Там они нашли толстенького деревенского клирика, его возглашальщика и четырех старух, из числа тех, что вечно толкутся у храмов.

Триединый, дом которого они защищали изо всех своих смешных сил, разумеется, им не помог. Нападавшие прихлопнули бедняг, как мух. Погибшим повезло – они не увидели ни оскверненного алтарного чертога, ни сошествия Смерти в их скромный храм. А Луи Гаэльзский, племянник императора Базилека, увидел все.

На алтаре лежала обнаженная девушка. Та самая рыженькая, которую он приметил вчера. Она так весело заигрывала с красавцем-охотником, так бурно расплакалась, когда он предпочел другую, что Луи и подумать не мог, что эта милая резвушка – девственница. Лучше бы она ею не была, тогда бы ее, возможно, просто убили на месте, как пять или шесть ее подруг, чьи тела грудой валялись в углу среди переломанной церковной утвари. Сана же – теперь принц совершенно точно вспомнил, это имя носила именно она, а не та, другая, – была раздета донага и пригвождена к алтарю чудовищным подобием оленьих рогов, пробивших тело в десятке мест. Сначала ее изнасиловали прямо на алтаре, а затем оставили умирать, и умирала она страшно и долго, очень долго. Восковая бескровная кисть еще была теплой – жизнь покинула тело совсем недавно.

¹⁶ Чистый Зал – помещение за Чертогом Небесного Портала, куда могут входить только клирики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.